

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ и право

№ 1 (47) • 2020

ISSN 2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 1 (47) · 2020
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 1 (47) • 2020

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО, ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН, проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

*М. В. РЫБКИНА, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, доктор социологических наук, профессор*

Редакционный совет

Г. А. о. АГАЕВ, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

В. БЕРГМАНН, вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор

В. М. БОЕР, проректор по учебно-воспитательной работе Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

С. С. БРАЗЕВИЧ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Н. В. БУГЕЛЬ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

И. И. ЕЛИСЕЕВА, руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ, заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

С. Ю. КОСАРЕВ, заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

Р. А. КОСТИН, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. В. МАЛЬКО, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Я. А. МАРГУЛЯН, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. А. МАРКОВ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

С. М. ОГАНЕСЯН, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Е. В. СИЛИНА, заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2020
© Санкт-Петербургский университет
технологий управления
и экономики, 2020

SOCIOLOGY AND LAW № 1 (47) • 2020

Chief Editor

O. G. SMESHKO, Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

G. A. KOSTIN, Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

M. V. Rybkina, Doctor of Law, Professor
N. N. Pokrovskaya, Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

G. A. o. AGAEV, Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

B. BERGMANN, Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum "Petersburg dialogue", Doctor of Law, Professor

V. M. BOER, Vice-Rector for Teaching and Educational Work of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

S. S. BRAZEVICH, Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor

N. V. BUGEL, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

E. V. VOSKRESENSKAYA, Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

I. I. ELISEEVA, Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

N. N. ZHIL'SKIY, Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

S. Yu. KOSAREV, Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

R. A. KOSTIN, Head of Department of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. V. MAL'KO, Director of the Institute of State and Law of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

Ya. A. MARGULYAN, Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. A. MARKOV, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

Yu. V. MISHAL'CHENKO, Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

S. M. OGANESYAN, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

E. V. SILINA, Head of Department of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

S. A. TSYPLYAEV, Head of Department of Law of the North-West Institute of Management (branch of RANEPa), Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial office:

44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Phone: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbumu.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Team of authors, 2020
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>В. К. Потемкин.</i> Роль человека в производственных и социальных системах с учетом развития цифровых технологий	6
<i>М. В. Карманов, О. А. Золотарева.</i> Эйджизм как актуальный объект статистического исследования	14
<i>Я. А. Маргулян, Н. И. Данилова.</i> Информационно-компьютерные технологии как фактор медиасоциализации молодежи	21
<i>В. Е. Шинкевич, Я. Н. Калиниченко.</i> Наркотизация как социальная проблема и фактор разрушения молодежного социума (по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае)	27
<i>И. М. Лоскутова, Н. Г. Романова.</i> О применении комплексного метода в исследовании качества жизни населения Северной Осетии	36
<i>Е. В. Щекотин.</i> Цифровые технологии в социальных науках: предмет и метод цифровой социологии	49

Право в жизни государства и личности

<i>А. В. Гневко, А. О. Зернов, Е. В. Воскресенская.</i> Актуальные проблемы государственной службы в Российской Федерации	60
<i>Е. А. Титова, Е. А. Зорина.</i> Обзор правил пожарной безопасности Российской империи в первой половине XVIII в. до издания Пожарного устава	66
<i>Г. Н. Уткин.</i> Процесс законодотворчества как сочетание условного и безусловного	72
<i>А. К. Сабирова, Д. В. Курский.</i> Правонарушения в области пожарной безопасности, совершенные при эксплуатации крупных торгово-развлекательных комплексов	77
<i>Р. Ф. о. Велиев.</i> Нормотворчество в построении демократического государства. ...	82
<i>Т. Н. Пидласко.</i> О взаимосвязи категорий права и морали	87
<i>А. В. Полунина.</i> Конституционно-правовые источники, регламентирующие защиту прав и свобод человека и гражданина в сфере миграции в ЕАЭС	93
<i>А. В. Хромов.</i> Об использовании беспилотных летательных аппаратов в деятельности добровольной народной дружины	97

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>V. K. Potemkin.</i> Role of Man in Production and Social Systems Based on Digital Technologies	6
<i>M. V. Karmanov, O. A. Zolotareva.</i> Agency as an Actual Object of Statistical Research	14
<i>Ya. A. Margulyan, N. I. Danilova.</i> Information And Computer Technologies As A Factor Of Media Socialization Of Young People	21
<i>V. E. Shinkevich, Ya. N. Kalinichenko.</i> Narcotization as a Social Problem and the Factor of Destruction of Youth Society (on the Results of Annual Monitoring of Drug Situation in the Krasnoyarsk Region)	27
<i>I. M. Loskutova, N. G. Romanova.</i> About Using the Complex Method in Studies of the Quality of Life of the Population of the North Ossetia	36
<i>E. V. Shchekotin.</i> Digital Technologies in Social Sciences: Subject and Method of Digital Sociology	49

The Law in a State and Person Life

<i>A. V. Gnevko, A. O. Zernov, E. V. Voskresenskaya.</i> Actual Problems of Public Service in the Russian Federation	60
<i>E. A. Titova, E. A. Zorina.</i> Review of Fire Safety Rules of the Russian Empire in the First Half of the XVIII Century before the Publication of the Fire Regulations	66
<i>G. N. Utkin.</i> The Lawmaking Process as a Combination of Conditional and Unconditional	72
<i>A. K. Sabirova, D. V. Kurskiy.</i> Characteristic Infringements in the Field of Fire Safety Committed in the Operation of Large Trading and Entertainment Complexes	77
<i>R. F. o. Veliev.</i> Role of Regulatory Acts in Creation of a Democratic State	82
<i>T. N. Pidlasko.</i> On the Relationship between Law and Morality	87
<i>A. V. Polunina.</i> Constitutional and Legal Sources Regulating the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Field of Migration in the EAEU	93
<i>A. V. Khromov.</i> On the Use of Unmanned Aerial Vehicles by Voluntary National Squads	97

В. К. Потемкин

Роль человека в производственных и социальных системах с учетом развития цифровых технологий

V. K. Potemkin. Role of Man in Production and Social Systems Based on Digital Technologies

В статье изложены результаты теоретического исследования процессов влияния разрабатываемых цифровых технологий, а также деятельности предприятий и организаций на изменение роли человека в труде и социальном развитии. Обоснована необходимость взвешенного и последовательного подхода к созданию условий применения в практической деятельности цифровых технологий и определения последствий не только на предприятиях и в организациях, но и в осознанном поведении и общественных реалиях всех работников. Охарактеризованы приоритетные направления развития цифровых технологий, предполагающего их использование при активном участии работников на предприятиях и в организациях.

Ключевые слова: цифровые технологии, производственные и социальные системы, человек, коллективная деятельность, труд, компетенции, управленческие решения, интересы, результаты, последствия.

Контактные данные: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 310-19-04; e-mail: dept.ksocupr@unecon.ru.

The article presents the results of a theoretical study of the influence processes of the developed digital technologies and the activities of enterprises and organizations on the changing role of man in labor and their social improvement. The necessity of a balanced and consistent approach to create conditions for the use of digital technologies in practical activities and determining the consequences not only in enterprises and organizations, but also in the conscious behavior and social realities of all workers, without exception, is substantiated. The main directions of the development of digital technologies are determined, involving the wide participation of workers in their use in enterprises and organizations.

Keywords: digital technologies, production and social systems, human, collective activity, work, competence, management decisions, interests, results, consequences.

Contact Details: Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023; (812) 310-19-04; e-mail: dept.ksocupr@unecon.ru.

Переход России на новую фазу научно-технологического и социально-экономического развития, названную четвертой промышленной революцией, предпо-

Валерий Константинович Потемкин — заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

© Потемкин В. К., 2020

лагают решение наиболее важных общественно значимых задач. Среди них — снижение неравенства в уровне и качестве жизни различных профессионально-квалификационных и статусных групп населения; снижение социальной напряженности, религиозной и политической разобщенности, повышенное внимание к социальному здоровью людей; экономическая и социальная защита уязвимых вследствие технологических и экономических преобразований групп населения; формирование новых общечеловеческих ценностей, характеризующих свободу и достоинства человека труда; гарантии гуманистического будущего страны путем законодательного регулирования всех без исключения общественных и производственно-технологических процессов и отношений; внедрение цифровых технологий, обеспечивающих преобразование физического мира [1] и изменение роли человека во всех производственных и социальных системах.

Возникает вопрос о том, почему это важно. На этот вопрос детально и обоснованно отвечает Д. Стиглиц, который констатирует ослабление доверия друг к другу как у производителей, так и у потребителей материальных благ и услуг; усиление имущественного и общественного неравенства людей; невыполнение государствами своих социальных обязательств в сферах политики, финансовом секторе, на каждом рабочем месте; сокращение общественного взаимодействия в борьбе с неравенством, коррупцией, бесправием граждан [2]. Отвечает на данный вопрос и Э. Н. Райхлин, используя вполне аргументированные оценки многочисленных ученых-исследователей. В частности, в России государство не выполняет должным образом многие из тех функций, без которых немислимы цивилизованный рынок и экономический подъем, создание конкурентной среды, эффективной денежной и платежной системы, разработка законов и обеспечение их соблюдения, ведение эффективной политики доходов и социального обеспечения, структурной политики, защита отечественного рынка и поддержка предпринимательства [3].

Отметим, что в начале 80-х гг. прошлого века, предвидя глобальные перемены современности, Д. М. Гвишиани обосновал общие положения современного развития человечества на основе моделирования производственных и общественных процессов, систематизации информации о всех сферах деятельности людей, создания вычислительных программ и средств информатизации [4]. При этом, по его мнению, решались бы задачи человеко-машинного подхода в развитии производственных систем; универсальность и интегрированность информационных потоков, их адаптивность к изменяющимся условиям производства и общественной жизни; применение разнообразных количественных и качественных оценок прошлого, настоящего и будущего общественного развития; открытость и кумулятивность информации об инноваторах и инновационном развитии субъектов хозяйствования; доступность информации для всех без исключения пользователей и т. д.

Предпосылкой для понимания и важности задач, выдвигаемых четвертой промышленной революцией, стало в 1972 г. проведение симпозиума под названием «Цивилизация и наука — в сотрудничестве или в конфликте?», где обратили внимание на воздействие науки и технологий на качество жизни, труд и досуг людей, сохранение окружающей среды, на современные человеческие ценности [5]. Ранее Ч. Сноу в своей работе о двух культурах развивал идею обогащения сокровищности человеческого знания как едва ли не основного фактора развития физического, ментального, эмоционального и духовного интеллекта [6], посредством которого общественное развитие становится все более человечески измеримым, соотносящимся с человеческими качествами и потребностями. Известно, что в докладах «Римского клуба» ранее ак-

центрировалось внимание на решениях научно-технического развития, социальных аспектов жизни людей [7; 8].

Можно утверждать, что новые информационные технологии, основанные на цифровизации производственных и социальных процессов, направлены на «практическое созидание предметного мира» [9]. С расширением цифровых технологий расширяются и границы социальных, морально-нравственных, этических, духовных задач общественного развития. Гуманистическая ориентация цифровых технологий раскрывает сущность новых научных знаний в развитии человека и общества. Тем более что общество есть сам себе человек в его общественных отношениях.

При всей привлекательности цифровых технологий необходимо отметить, что их быстрое распространение означает утрату работы значительного числа людей. Кроме того, только в США 94 % новых рабочих мест, созданных в 2005–2015 гг., послужили созданию альтернативных форм занятости, ограничениям в социальной защите и трудовых правах работников, их участию в контроле за производством товаров и услуг. По мнению Э. Бринолфссона и Э. Макафи, цифровые технологии, внедряемые в настоящее время, упускают из виду проблему «великого отделения» человеческого труда от продуктивности экономики [10]. Благодаря современным цифровым технологиям, к 2020 г., по оценкам «Бостон Глоб», до 40 % рабочих мест перейдет на модель «гигномики» [11]. В 2000 г. в Нью-Йоркском офисе «Голдман Сакс» насчитывалось более 600 трейдеров, а с введением цифровых технологий их осталось только два [12].

В этой ситуации, видимо, важно обратить внимание на ценностно-ориентированный подход к разработке и внедрению цифровых технологий. При этом, отталкиваясь от того, что их применение является частью политики глобализации, требующей более ответственного и эффективного управления персоналом предприятий и организаций, ставящей приоритетом современные общественные ценности, уровень и качество жизни людей. Одновременно важно понять, чем и почему мы управляем и кто управляет нами. Организаторы двух инновационных проектов XX в. по созданию атомного оружия подчеркивали, что основа развития любых инновационных проектов — это профессиональные и высококвалифицированные кадры [13, с. 13]. Специальной подготовке персонала инновационных предприятий и организаций придавали значение М. С. Роко, А. Лакхтаки, Р. Монка и А. Рэчемима [14; 15; 16], понимая, что цифровизация нанотехнологий предполагает формирование и усиление междисциплинарных профессиональных компетенций; введение новых профессиональных стандартов в системе образования; новые требования к процессам взаимодействия преподавателей и студентов вузов; создание научных инновационных центров.

По информации ОАО «РОСНАНО», в настоящее время в России уже ведется подготовка специалистов по всем направлениям, обеспечивающим реализацию на практике новых цифровых информационных технологий. Можно утверждать, что процесс подготовки специалистов по цифровизации информационных технологий должен затронуть и подготовку управленческих кадров, рост компетенций, навыков и умений, которые будут способствовать не только организации, но и непосредственному включению их в процессы цифровизации управленческих решений [17]. Вместе с тем деятельность управленческих кадров должна затрагивать и вопросы жизнедеятельности и жизнеобеспечения работников, используя современные стандарты и нормы [18], придавая процессу принятия управленческих решений большую предметно-деятельную ориентированность [19]. При этом возникает объективная необходимость создания профессионального сообщества, деятельность которого означает консенсус ценностей и приоритетов, обеспечивая

организационное и технологическое лидерство. К. Шваб подчеркивал, что «наконец, в то время как цифровые технологии оказывают все большее влияние на наше поведение и фрагментируют наш жизненный опыт, ориентация на человека ведет к появлению новых возможностей для поиска жизненных целей и осмысления повседневной деятельности» [1, с. 261].

На всемирном экономическом форуме, проведенном в 2016 г., приведены прогнозные данные, свидетельствующие о том, что цифровые технологии в контексте с новыми бизнес-моделями и рынками товаров и услуг могут привести к изменению компетенций, умений и навыков в работе практически у 35 % работников предприятий и организаций [20]. Наибольший рост спроса в их деятельности к 2020 г. будет принадлежать когнитивным способностям, системным навыкам, умению решать сложные задачи и т. д. По сути, в системе управления персоналом резко возрастет значение творческих и информационно-коммуникативных способностей работников, что обуславливает необходимость разработки новых обучающих программ и методов распознавания способностей личности [21].

К началу XXI в. в 431 американской и европейской компаниях уже систематически применялись интрасети (47 %); базы информационных данных (33 %); информационные модели для принятия сложных решений (33 %); групповые программы профессионального образования (33 %); информационные сети для обмена знаниями (24 %); картографирование опыта посредством использования информационных источников [22]. Нельзя не согласиться с Х. Скарбороу, который полагает, что технологии необходимо рассматривать как средство коммуникаций, а не как систему хранения информации о знаниях и их накоплении в структуре управления персоналом [23]. Без накопительной информационной системы построения коммуникаций становятся точечными в использовании в пространственно-временном режиме, ограничивая накопительные информационные способности персонала предприятий.

В практике управления персоналом предприятий и организаций в последние годы используется метод электронного научения, суть которого состоит в предоставлении с помощью цифровых технологий профессиональной информации о компетенциях, требованиях к навыкам и умениям профессионально-квалификационных и статусных групп работников. С их применением становится возможным профессиональное самоопределение и развитие личности. Задача научения состоит в возможности личности в срок, в нужном объеме, качественно и эффективно выполнять управленческие решения и свои трудовые обязанности. Цифровые технологии научения обеспечивают интеграцию знаний, их доступность, технологическую и предметную определенность, а также усиление внимания персонала к стратегии и тактике работы предприятий и организаций.

Цифровые технологии в системе управления персоналом создают условия для формирования архитектуры управленческих решений, персонификации усилий групп работников на выполнение работ и технологических операций; стимулируют повышение квалификации и развивают методы самооценивания в процессе труда. Посредством цифровых технологий, по оценкам респондентов-руководителей среднего управленческого звена предприятий (№ 72), они по-новому переосмысливают процессы управления, придавая им четкость и ясность в постановке целей, задач, сроков и ресурсов, отвергая поверхностные решения, формальные целенеориентированные программы и дискуссии. Цифровые технологии могут также использоваться в построении зон и центров экономической и технико-технологической ответственности в системе управления предприятиями. Перефразируя Д. Хамбла, такие зоны и центры ответственности дополняются программным обеспечением и управлением [24].

Цифровые информационные технологии являются предпосылкой формирования нового способа организационного, экономического и правового мышления, предполагающего ответственность за участие в формировании управленческого решения и его реализации в практической деятельности. Новое мышление с применением цифровых, информационных технологий обеспечивает предметно-ориентированное создание групп практической деятельности с соответствующими профессиональными компетенциями, умениями, навыками и опытом работы.

Проблемы первых двух десятилетий XXI в. состоят в формировании новых профессиональных и социально-трудовых контрастов, обеспечивающих занятость, оплату труда, при которых не только возможны социальная справедливость и социальная защита работников, но и достойные условия жизнедеятельности и жизнеспособности. Только в этом случае трудовая мотивация работников становится движущей силой технологического и экономического прогресса, целенаправленных коллективных действий на рост профессиональных компетенций, участия в управлении и рационализации общественных отношений. Но и этого не произойдет, если на предприятиях и в организациях не произойдет ориентирования на высококвалифицированные кадры, их научение, подготовку и переподготовку в соответствии с поставленными ориентирами в профессиональной деятельности.

Четвертая промышленная революция со всеми ее достоинствами и недостатками приводит к тому, что в процессе использования цифровых технологий люди все больше замыкаются на собственных интересах, ценности и условиях существования, т. е. на жизнеобеспеченности. Иными словами, проявляет себя солипсизм — пока теория, но действительность, в которой человек существует только как «Я» и для себя, или другое. Предоставление возможностей к самореализации без каких-либо общественных ограничений может привести к булимии, когда человек становится ненасыщаемым от своего успеха и обуян страстью превосходства и власти. Информационные инновации в сферах труда и общественного развития искажают цепочку «Человек — Личность — Работник» [25] и дают основания для нового взгляда на понятие «личность», на проблему ценностного сознания личности.

В условиях цифровизации производственных и общественных процессов возникает необходимость личностного восприятия всего происходящего посредством рефлексивной включенности в систему преобразований, самооценки, самоанализа и саморазвития. Эти качества в той или иной мере могут быть отнесены к любому человеку, но не всегда характеризуют уровень индивидуального сознания, приобретаемые формы поведения, морали, духовности.

Принимая во внимание тот факт, что любая деятельность по своей природе коллективная, цифровизация производственных и общественных процессов ввиду влияния на ролевые функции человека способна в меньшей степени объединять, а скорее, разобщать людей, углубляя противоречия, связанные с идентификацией личности во времени и пространстве. Это очевидно если в цифровых технологиях применяется искусственный интеллект. В частности, С. Хокинг рассматривал вопросы превосходства применения цифровых технологий и одновременно констатировал, что в настоящее время недостаточно внимания уделяется последствиям использования искусственного интеллекта [26].

В современной России проникновение в производственные и общественные практики цифровых технологий имеет целый ряд положительных и отрицательных характеристик, и еще больше характеристик неопределенных. В числе положительных характеристик — быстрое взаимодействие между людьми, усиление информированности, доверия, обмен компетенциями, интересами, знаниями;

эффективное использование государственных услуг через многофункциональные территориальные центры; свобода распространения личной информации без каких-либо ограничений; быстрая обучаемость в целях приобретения новых знаний. В числе отрицательных — создание условий для наблюдения за частной жизнью; рост киберпреступности и появление новых преступных сообществ; манипуляция сознанием людей, умственные расстройства и проблемы, повышенная степень зависимости и эскапизма, формирование «отстраненного взгляда» от производственных и общественных процессов; замыкание личности на собственных «Я-проблемах».

Среди неопределенных характеристик — политическая, религиозная и социальная раздробленность людей, замена сферы приложения труда искусственным интеллектом, невозможность личностного восприятия практически ежегодно удваивающихся информационных потоков, утрата контроля за искусственным интеллектом, полный информационный коллапс и борьба за выживание человечества. Развитие личности в условиях применения искусственного интеллекта или передачи части функций в процессе принятия управленческих решений, ведения технологических процессов и оценки результатов деятельности становятся на грани этически и морально-нравственного допущения, но, видимо, с учетом законодательных трансформаций и повышения уровня безопасности для человеческого сообщества. Нельзя не учитывать предсказания 90-летней давности Р. М. Рильке, который писал, что «будущее вступает в нас для того, чтобы стать нами еще задолго до того, как оно обретет жизнь» [27].

Понимание последствий применения цифровых технологий в производственной и общественной практиках уже в начале нового столетия стало предметом для обсуждения и поиска решений. Так, М. Новак и Р. Хайфилд пришли к выводу о том, что в этом вопросе нельзя упускать из вида самые мелкие, на первый взгляд, детали, а по широкому кругу вопросов необходимо обеспечивать сотрудничество — это «единственное, что спасет человечество» [28].

Важным аспектом во внедрении цифровых технологий в производственных и общественных практиках является приобретение, обмен и распространение новых знаний о цифровых технологиях, реализуемых в производственных и социальных системах. Тем более что знания очень многогранны и сложны, они могут быть ситуативными, абстрактными, скрытыми и явными. Любые знания обладают предназначением, имеют определенную предметно-ориентированную цель и не всегда используются во благо человеческого развития. В то же время знания, базирующиеся на цифровых технологиях, являются источником конкурентных преимуществ предприятий и организаций. По данным опроса, проведенного на 431 европейском и американском предприятии, в распространении цифровых технологий находит отражение:

- создание интернета (47 %);
- формирование «складов данных», больших физических баз данных, сохраняющих информацию из разных источников (33 %);
- использование вспомогательных систем принятия решений, сочетающих анализ данных и сложные модели, для принятия нерутинных решений (33 %);
- применение таких «групповых программ», как информационные коммуникационные технологии, а также электронная почта или дискуссионные базы Lotus Note, для поощрения сотрудничества между людьми и обмена знаниями (33 %);
- создание сетей и обществ по интересам или для обмена знаниями между квалифицированными работниками (24 %);

— картография источников внутреннего опыта посредством, например, создание «справочников экспертов» и указателей обществ (18 %) [22].

Учитывая существующий зарубежный опыт целесообразно на предприятиях и в организациях акцентировать внимание на основных направлениях накопления и использования цифровых технологий в производственных и социальных системах.

Литература

1. Шваб К., Девис Н. Технологии четвертой промышленной революции / пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
2. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. М.: Эксмо, 2017. 512 с.
3. Райхлин Э. Н. Основы экономической теории. Экономический рост и развитие. М.: Наука, 2001. 276 с.
4. Гвишиани Д. М. Наука и глобальные перемены современности // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М.: Наука, 1983. С. 78–99.
5. Civilization and Science – in Conflict or Collaboration? CIBA Foundation Symposium. Elsevier and Excerpta Medica. Amsterdam, 1972. Vol. 3. No. 3. 227 p. DOI: org/10.1017/S0033291700049783
6. Snow C. P. The two Cultures and the Scientific Revolution. Cambridge University Press, 1959. 58 p.
7. Peccei A. The Human Quality. Oxford; N. Y.: Pergamon Press, 1977. 214 p.
8. Botkin J. W., Elmandjra M., Malitza M. No Limits to Learning. A Report to the Club of Rome. Oxford, 1979. 260 p.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. 566 с.
10. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age. N. Y.: W. W. Norton Company, 2014. 320 p.
11. The Gig Economy is Coming. You probably won't like it. / by B. Ambrosino // The Boston Globe. 2016. April 20.
12. As Goldman Embraces Automation, Even the Masters of the Universe Are Threatened / by N. Byrnes // MIT Technology Reviv. 2017. Feb 7.
13. Экономические проблемы развития революционных технологий. Нанотехнологии: монография / науч. ред. А. Е. Варшавский. М.: Наука, 2012. 404 с.
14. Roco M. C. Converging Science and Technology at the Nanoscale: Opportunities for Education and Training // Nature Biotechnology. 2003. Vol. 21. No. 10. 1247–1249. DOI: org/10.1038/nbt1003-1247
15. Lakhtakia A. Priming Pre-universite Education for Nanotechnology // Current Science. 2006. Vol. 90. No. 1. P. 37–40.
16. Monk R., Rachamin A. Research Training in Nanosciences and Nanotechnologies: Current Status and Future Needs // Proceedings of the Workshop Hold in Brussels. 2005. 14–15 April.
17. Потемкин В. К. Качество управленческого труда: компетенции, социальные оценки, стандартизация // Стандарты и качество. 2017. № 6 (960). С. 59–63.
18. Потемкин В. К. Социальные стандарты жизнедеятельности и жизнеобеспечения работников предприятий // Стандарты и качество. 2018. № 7 (973). С. 32–25.
19. Потемкин В. К. «Управленец» в системе государственной гражданской службы: проблемы, эмпирические оценки, предметно-деятельные ориентиры // Экономика и управление. 2017. № 1 (135). С. 33–38.
20. Harnessing Automation for Future that Works // McKinsey Global Institute. 2017. January.
21. Потемкин В. К. Профессиональное распознавание и оценка личности: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 235 с.
22. Ruggles R. The State of the Notion: Knowledge Management in Practice // Californian Management Review. 1998. № 40 (3). P. 86–89.

23. *Scarborough H., Swan J., Preston J.* Knowledge Management: A. Literature Review. L.: Institute of Personnel and Development, 1999.
24. *Humble J.* Programitis and Crown Princes // *The Manager*. 1963. December.
25. *Потемкин В. К.* Профессиональная деятельность. Человек. Личность. Работник. СПб.: Инфо-да, 2009. 239 с.
26. *Хокинг С.* «Превосходство» рассматривает последствия искусственного интеллекта, но достаточно ли серьезно мы воспринимает искусственный интеллект [Электронный ресурс] // *The Independent*. 2014. 1 May. URL: <https://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence-but-are-we-taking-9313474.html> (дата обращения: 15.12.2019).
27. *Rilke R. M.* Briefe an Einen Jungen Dichter. In Insel Verlag, 1982. 52 p.
28. *Новак М., Хайфилд Р.* Супероператоры: альтруизм, эволюция, и почему мы нуждаемся друг в друге для достижения успеха. Free Press, 2012.

М. В. Карманов, О. А. Золотарева

Эйджизм как актуальный объект статистического исследования

***M. V. Karmanov, O. A. Zolotareva. Ageism as an Actual Object
of Statistical Research***

Сегодня вопросы дискриминации людей по возрасту ввиду старения населения большинства стран Европы привлекают внимание мировой и отечественной науки, являются спорной и многогранной проблемой социального, экономического и нравственного характера. В этом контексте рассмотрение эйджизма как самостоятельного и своеобразного объекта прикладных исследований, бесспорно, представляет большой научный и практический интерес. Обзор точек зрения на категорию «эйджизм» дало основание полагать, что сегодня существует целый ряд «белых пятен» и пробелов методологического характера, не позволяющих не только полно и статистически грамотно характеризовать состояние, особенности возрастной дискриминации как социальной проблемы, но и интерпретировать имеющиеся данные, для создания достоверной картины мира в отношении трансформации ценностных ориентаций общества.

Ключевые слова: эйджизм, возрастная дискриминация, индикаторы эйджизма, статистика эйджизма, проблемы прикладного анализа эйджизма.

Контактные данные: 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36; (499) 237-93-49; e-mail: Zolotareva.OA@rea.ru.

Today, issues of discrimination against people by age due to the aging population of most European countries attract the attention of world and domestic science and are a controversial and multifaceted problem of a social, economic and moral nature. In this context, the consideration of ageism as an independent and peculiar object of applied research is undoubtedly of great scientific and practical interest. A review of points of view on the category of “ageism” gave reason to believe that today there are a number of “white spots” and gaps of a methodological nature that do not allow us to fully and statistically correctly characterize the state and characteristics of age discrimination as a social problem, but also to interpret the available data, to create a reliable picture of the world in relation to the transformation of the value orientations of society.

Keywords: ageism, age discrimination, ageism indicators, ageism statistics, problems of applied ageism analysis.

Contact Details: Stremyanny Lane 36, Moscow, Russian Federation, 117997; (499) 237-93-49; e-mail: Zolotareva.OA@rea.ru.

XXI век, ознаменовавший прорыв в сознании мирового сообщества по многим и самым различным направлениям современной жизни, к сожалению, не смог полностью устранить, а тем более ликвидировать дискриминацию как негативную форму проявления предвзятости и несправедливости по отношению к людям из-за их принадлежности к определенной социальной группе.

Среди существующих разновидностей дискриминации в последнее время все возрастающее внимание уделяется эйджизму, который акцентирует внимание на

Михаил Владимирович Карманов — профессор кафедры статистики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор.

Ольга Анатольевна Золотарева — доцент кафедры статистики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

© Карманов М. В., Золотарева О. А., 2020

дискриминации людей по возрасту. В частности, Всемирная организация здравоохранения на своем сайте, посвященном ответам на вопросы о возрастной дискриминации, разъясняет, что эйджизм представляет собой сознательное формирование стереотипов и дискриминацию отдельных людей или их групп по возрастному принципу, которые могут проступать в самых разнообразных формах, включая предвзятое отношение и институциональные меры политики и практики, ведущие к закреплению ложных представлений [1]. Принято считать, что термин «эйджизм» впервые ввел в научное обращение в 1969 г. директор Национального института старения США Роберт Батлер, который трактовал его как совокупность негативных стереотипов, ориентированных на то, что лица пожилого возраста в обязательном порядке отличаются старческим слабоумием, жесткими и консервативными установками, а также серьезной психологической и социальной зависимостью [2].

В дальнейшем развитие предложенного термина пошло по двум направлениям. С учетом первого из них в узком смысле слова внимание акцентировано на возрастной дискриминации исключительно пожилых людей. Второе, соответственно, в широком смысле, стало распространять идею возможной возрастной дискриминации абсолютно на любые группы населения. В соответствии с ним, например, в психологии выделились [3]:

- жейнизм (предпочтение отдается молодежи, так как по достижении определенного возраста люди теряют физическую силу, жизненную энергию, становятся медлительными и т. п.);
- эдалтизм (недоверие к молодежи, не имеющей жизненного опыта, мудрости, навыков и т. п.) и некоторые другие группы общества.

Правда, стоит отметить, что в последнее время в России в значительной мере стал преобладать узкий подход к толкованию эйджизма. Это объясняется рядом объективных причин. Во-первых, в рамках общемирового демографического тренда, связанного с дальнейшим углублением процесса старения общества, приходится сталкиваться с увеличением абсолютных и относительных размеров контингента лиц пожилого возраста. Данное обстоятельство вкупе с ростом продолжительности жизни, особенно ее активной части, вынуждает учитывать возрастающую нагрузку на рынок труда со стороны пенсионеров, которые явно не удовлетворены начисленной пенсией и пытаются работать, чтобы хоть как-то повысить уровень достатка. Во-вторых, в контексте пенсионной реформы актуальным становится вопрос о трудоустройстве лиц более высокого предпенсионного возраста, что вынуждает государство принимать новое законодательство, предусматривающее более жесткое наказание для работодателей, не только провозирующих, но и фактически осуществляющих возрастную дискриминацию.

В совокупности названные причины приводят к тому, что эйджизм все чаще и чаще ассоциируется в обществе исключительно с возрастной дискриминацией пожилых людей, которые получают отказ в трудоустройстве, мотивированный исключительно стереотипами, основанными на признании более высокого возраста как фактора снижения конкурентоспособности работника [4]. Важно учитывать то обстоятельство, что эйджизм как явление современного общества не воспринимается однозначно даже среди сторонников понимания его содержания, ориентированного на сугубо негативные последствия дискриминации людей по возрасту. В этом контексте эйджизм трактуется:

- а) как социальная проблема современности (глобальный уровень) [5];
- б) как фактор трансформации национальной экономики (государственный уровень) [6];
- с) как острая проблема рынка труда (секторальный уровень) [7];

- d) как социально-психологическая проблема людей третьего возраста (индивидуальный уровень) [8].

Между приведенными выше трактовками существует дистанция огромного размера, начиная от конкретных людей пожилого возраста, подвергающихся дискриминации в различных областях практической жизнедеятельности, и заканчивая цивилизацией в целом, которая постоянно старея, не способна справиться с соблюдением прав граждан, объективно вовлеченных в данный социально-демографический процесс.

Возникает неоднозначная ситуация. Научно-технический прогресс, повышение уровня развития здравоохранения и качества жизни формируют все предпосылки для роста средней продолжительности жизни населения. При этом зачастую в массовом масштабе, регулярно воспроизводятся специфические отношения к людям престарелого возраста, основанные именно на их дискриминации как членов популяции, уже внесших свой вклад в развитие общества, а поэтому не способных на продуктивную и полезную деятельность в будущем [9]. Сомнительность правомерности подобного подхода определяется тем, что именно люди пожилого возраста являются носителями жизненного, профессионального, социального и любого другого опыта, которой еще нужно научиться правильно и эффективно использовать в самых различных сферах деятельности современного общества [10].

Одновременно нельзя забывать и о том, что эйджизм, имея ярко выраженные негативные последствия, может быть распространен даже шире, чем расизм или сексизм. К 2050 г. число лиц в возрасте 60 лет и старше на планете достигнет 2 млрд человек, что предоставляет питательную почву для развития дискриминации по возрасту, которая, как показали специальные исследования, может оказывать неблагоприятное воздействие на здоровье лиц пожилого возраста, приводя к нервным стрессам и утрате веры в собственные силы. В итоге старение организма протекает гораздо интенсивнее, а продолжительность жизни сокращается на семь-восемь лет по сравнению с пожилыми людьми, не подвергающимися эйджизму [1].

Итак, чтобы успешно противостоять любым практическим проявлениям возрастной дискриминации, необходимы специальные целевые программы, направленные на профилактику абсолютно любых стереотипов эйджизма. Поэтому воспитание и образование подрастающих поколений объективно предполагает повышение культурного уровня населения, особенно привитие молодежи уважения и терпимости к людям пожилого возраста [11]. Правда, разработка любых целевых программ, ориентированных на профилактику эйджизма, невозможна без всестороннего теоретического анализа и количественной оценки значимости причин дискриминации пожилых людей. Наиболее важными из них в современном обществе принято считать [4]:

- снижение статуса пожилых людей вследствие моды на молодость;
- тотальная неготовность общества к феномену старения популяции;
- утилитарный подход к оценке старости;
- геронтофобия;
- негативный опыт общения с пожилыми людьми и др.

К сожалению, перечисленные причины распространения и развития эйджизма далеко не всегда и, что самое главное, с большим трудом подлежат статистической характеристике, позволяющей строить объективные достоверные суждения о предпосылках возникновения тех или иных общественных явлений, приводящих к социальной дискриминации лиц третьего возраста. Дополнительно стоит обратить внимание на тот факт, что эйджизм представляет собой неоднородный

объект исследования, который с учетом многообразия форм проявления подобно айсбергу скрывает большую часть своей сущности вне поля зрения статистики, занимающейся количественными измерениями массовых процессов.

Например, если обратиться к попыткам классификации эйджизма, то можно встретить такие его формы, как [4]:

- открытый;
- латентный;
- институциональный;
- бытовой и др.

Открытый эйджизм выступает самой простой, но вместе с тем и самой крайней формой проявления возрастной дискриминации, когда другие члены общества просто не скрывают негативного отношения к людям пожилого возраста. Он проступает на поверхности бытия ежедневно, систематически и в массовом порядке, когда лица третьего возраста превращаются в граждан третьего сорта и ограничиваются в правах, в доступе к услугам, в приеме на работу и т. д.

Латентный эйджизм предполагает периодические выпады в сторону пожилых людей, когда не только политики, экономисты, но и представители действующей власти начинают распространять стереотип о том, что лица третьего возраста представляют собой балласт общества, который тормозит реформы и замедляет продвижение общества, забывая о фундаменте, созданном именно старшим поколением. За бортом остается понимание того обстоятельства, что все люди (кому, конечно, повезет) станут пожилыми, а зрелость любого общества проверяется его отношением к старикам и детям.

Институциональный эйджизм обычно связан с национальными правовыми нормами, которые прямо или косвенно, но предопределяют дискриминацию пожилых людей в сфере образования, здравоохранения или социальных услуг. Он встречается не так часто, как открытый или латентный эйджизм, но присутствует в современном обществе, например, в Ирландии, где существуют ограничения для лиц старшего возраста в получении специализированных медицинских услуг при инсульте и онкологических заболеваниях.

Бытовой эйджизм складывается из повседневных и не всегда полностью осознанных норм и правил поведения, общения с пожилыми людьми, когда им дают обидные прозвища, разговаривают на повышенных тонах, игнорируют интересы и потребности, а также осуществляют психологическое или физическое насилие. Причем именно бытовая версия возрастной дискриминации приобрела столь широкие массовые масштабы, что зачастую возводится в ранг общепринятого произвола, достигшего наивысшую социальную популярность.

Если попытаться привлечь и некоторые признаки классификации эйджизма, то он, несомненно, может распасться:

- по гендерному признаку — в отношении мужчин, в отношении женщин, в отношении всех лиц пожилого возраста вне зависимости от пола;
- по характеру — на преднамеренный и непреднамеренный (бессознательный);
- по охвату — на индивидуальный, групповой и тотальный;
- по месту свершения — на домашний и уличный;
- по повторяемости — на разовый и постоянный.

С учетом всех разновидностей эйджизма, рассмотренных выше, с позиций практики сразу напрашивается принципиально важный вопрос о том, что представляет собой эйджизм как объект статистического наблюдения. Иными словами, как организовать статистический учет таким образом, чтобы все случаи возрастной дискриминации пожилых людей попадали в поле зрения общества, а не оставались неопределенным объектом с размытыми очертаниями его истинных

размеров. Уделяя особо пристальное внимание дискриминации лиц пожилого возраста, связанной с оплатой их труда, не следует забыть о том, что моральные унижения нередко наносят гораздо больший ущерб [12], а количественная оценка такого ущерба еще не достигла того уровня научной проработки, чтобы четко определять реальный вред эйджизма.

С нашей точки зрения, в настоящее время статистика эйджизма только начинает формироваться и находится в той стадии, когда проблем сформулировано гораздо больше, чем найдено реальных путей их решения. Особенно это касается процесса организации статистического учета случаев возрастной дискриминации пожилых людей. К сожалению, жизнь складывается так, что под микроскоп статистики могут попадать и фактически попадают только те проявления эйджизма, которые заканчиваются судебными разбирательствами. В противном варианте основным поставщиком данных выступают социологические опросы, опирающиеся на метод самоопределения. Однако они носят субъективный характер, как со стороны лиц пожилого возраста, так и со стороны остальных членов общества, осуществляющих социальную дискриминацию.

В данном аспекте огромную помощь может оказать недавно принятый новый закон, ориентированный на наказание работодателей за увольнение лиц предпенсионного возраста. Правда, он приоткрывает лишь небольшую завесу с позиций статистического обозрения эйджизма. Ведь увольнение лиц предпенсионного возраста — это лишь малая толика возрастной дискриминации пожилых людей, причем только в сфере занятости. При этом прочий эйджизм (бытовой, уличный и т. д.) находился и будет находиться в тени до тех пор, пока не возникнет ситуация, связанная с доведением дела до суда (или хотя бы до жалобы в полицию, органы социальной защиты населения и др.).

Другим, не менее важным направлением становления и совершенствования статистики эйджизма выступает формирование системы показателей, позволяющей давать детальную и всестороннюю статистическую характеристику масштабов, распространения и последствий столь сложного общественного явления. Принципиальная сложность ее построения заключается в том, что теоретически могут существовать несколько подходов к решению задачи подобного рода. Первый из них связан с ориентацией на число случаев возрастной дискриминации пожилых людей, делающей упор на частоте проявления эйджизма. Второй нацелен на отображение численности лиц, подвергшихся возрастной дискриминации, среди лиц третьего возраста (один факт эйджизма может давать несколько пострадавших). И, наконец, третий подход объединяет и случаи эйджизма, и потерпевших вследствие рассматриваемого вида социальной дискриминации.

Что лучше или хуже, какие существуют достоинства и недостатки у каждого из названных вариантов — покажет время и научные дискуссии. Однако элементарную количественную оценку параметров эйджизма требуется проводить уже сегодня. Для этого, по нашему мнению, целесообразно применять следующие основные показатели:

- число случаев проявления эйджизма;
- численность лиц, подвергшихся эйджизму;
- среднее число пострадавших в расчете на один случай эйджизма;
- структура случаев эйджизма по их видам;
- структура лиц, подвергшихся эйджизму по полу, возрасту, месту жительства, брачно-семейному положению и другим признакам;
- число случаев эйджизма в расчете на 100 000 жителей (100 000 жителей в возрасте 60 лет и старше);

- численность лиц, подвергшихся эйджизму, в расчете на 100 000 жителей (100 000 жителей в возрасте 60 лет и старше);
- количество случаев эйджизма с существенным вредом для здоровья, в том числе с летальным исходом;
- численность лиц, подвергшихся эйджизму с существенным вредом для здоровья, в том числе с летальным исходом;
- удельный вес лиц, подвергшихся эйджизму с существенным вредом для здоровья, в том числе со смертельным исходом;
- количество зарегистрированных преступлений, связанных с эйджизмом;
- численность осужденных за преступления, связанные с эйджизмом;
- численность осужденных за преступления, связанные с эйджизмом, в расчете на 100 000 жителей (100 000 жителей в возрасте 60 лет и старше) и др.

В заключение крайне важно подчеркнуть, что эйджизм как явление современной жизни, без сомнения, представляет собой пережиток прошлого, который нуждается в постепенном искоренении на основе комплексных научных исследований ряда наук. Среди них важнейшее место, безусловно, принадлежит статистике, поскольку без ее участия невозможно оценить и осмыслить распространенность и направления развития возрастной дискриминации пожилых людей, приобретающей все более тревожные очертания [13]. Причем отсутствие количественных оценок эйджизма ставит под сомнение успешность любых социальных проектов и программ, ориентированных на обеспечение прав и защиту интересов лиц третьего возраста, численность которых постоянно увеличивается устойчивыми и заметными темпами.

Литература

1. Старение и жизненный цикл [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/ageing/features/faq-ageism/ru/> (дата обращения: 21.09.2019).
2. Butler R. N. Age-ism: Another form of bigotry // *The Gerontologist*. 1969. Vol. 9. P. 243–246.
3. Эйджизм — дискриминация, всколыхнувшая весь мир [Электронный ресурс] // *Agesecrets.ru*. 2018. 29 января. URL: <https://agesecrets.ru/vozrast/ejdzhizm-diskriminatsiya-vskolyhnuvshaya-ves-mir> (дата обращения: 21.09.2019).
4. Колпина Л. В., Городова Т. В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2. Ч. 17. С. 3871–3874.
5. Сабурова А. А., Абдрахманова З. Р. Эйджизм как социальная проблема современности // *Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике: материалы Междунар. междисциплинарной науч. конф. / сост., отв. и науч. ред. В. П. Шалаев*. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016. С. 56.
6. Демин Д. А. Эйджизм в России и его влияние на экономику // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 12–2 (41). С. 210–214.
7. Кречун Л. Г., Дербенева А. А., Перина Д. В., Тонких Н. В. Эйджизм — острая социальная проблема современного рынка труда // *Достойный труд — основа стабильного общества: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. отв. за выпуск И. А. Кулькова, А. Ю. Коковихин, Е. Б. Дворядкина*. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2016. С. 132–135.
8. Козьминых О. А. Эйджизм как социально-психологическая проблема людей третьего возраста // *Академия профессионального образования*. 2016. № 10 (64). С. 51–54.
9. Балабанова К. А., Ковалева Г. А. Эйджизм как отражение отношения к пожилым людям в современном обществе: постановка и проблемы // *Череповецкие научные*

- чтения — 2016: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. В. Целикова. 2017. С. 11–13.
10. Якупов Н. Эйджизм в России // Закон и право. 2012. № 2. С. 33–35.
 11. Макарова Е. Ю. Субъективно переживаемая возрастная дискриминация // Современная психология: материалы 5-й Междунар. науч. конф. Казань: Бук, 2017. С. 54–60.
 12. Клепикова Е. Ф., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 1. С. 69–88.
 13. Методология статистического исследования социально-экономических процессов: учеб. пособие / отв. ред. Н. В. Тихомирова. М.: Юнити-Дана, 2012. 388 с.

Я. А. Маргулян, Н. И. Данилова

Информационно-компьютерные технологии как фактор медиасоциализации молодежи

*Ya. A. Margulyan, N. I. Danilova. Information And Computer Technologies
As A Factor Of Media Socialization Of Young People*

В статье автором установлено, что в новых условиях развития современной цивилизации под воздействием информационно-коммуникационных технологий значительно активизируются процессы медиасоциализации молодежи. Трансформация общества приводит в настоящее время не только к глобализации информационного пространства, но и превращает информационно-коммуникационные технологии в важный фактор медиасоциализации молодежи, активно воздействуя на мировоззрение и сознание молодых людей.

Ключевые слова: социальные сети, информационное пространство, информационно-коммуникационные технологии, медиасоциализация молодежи, публичные форумы, виртуальные сообщества, коммуникации, коммуникационные барьеры.

Контактные данные: Я. А. Маргулян: 190068, Санкт-Петербург, Климов пер., д. 9; e-mail: Margulyan@rambler.ru; Н. И. Данилова: 190008, Санкт-Петербург, ул. Червонного Казачества, д. 14; e-mail: nata7171@list.ru.

In the article, the author has established that in the new conditions of development of modern civilization, under the influence of information and communication technologies, the processes of media socialization of young people are significantly activated. The transformation of modern society leads not only to the globalization of information space, but also makes ICT the key factor of media-socialization of young people, actively influencing the attitudes and minds of young people.

Keywords: social networks, information space, information and communication technologies, media socialization of young people, public forums, virtual communities, communications, communication barriers.

Contact Details: Ya. A. Margulyan: 9 Klimov pereulok, St. Petersburg, Russian Federation, 190068, e-mail: Margulyan@rambler.ru; N. I. Danilova: Chervonnaya Kazachestva St. 14, St. Petersburg, Russian Federation, 190008, e-mail: nata7171@list.ru

В новых исторических условиях происходит глобализация информационного пространства, создается новая социальная среда, актуализирующаяся в связи с появлением интернета и информационно-коммуникационных технологий. Такие технологии превращаются из вспомогательного компонента, совершенствующего получение человеком разнообразной информации, в важный фактор социализации, способствующий формированию собственного информационного пространства и самосовершенствованию личности.

Современный интернет не только объединил визуальные, звуковые, печатные и видеоматериалы всех СМИ, сделал информацию легкодоступной, что должным образом сказалось на его популярности, повлияло на общество, стиль жизни, но

Яков Аронович Маргулян — профессор кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор.

Наталья Ильинична Данилова — доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат социологических наук, доцент.

© Маргулян Я. А., Данилова Н. И., 2020

и значительно изменил жизнедеятельность человека, расширив границы его информационно-культурного восприятия, коммуникационного взаимодействия, обучения и воспитания, трудовой деятельности и досуга, как видно из таблицы 1.

Таблица 1

Появление и современное состояние интернета

Появление интернета [5, с. 127]	Активное развитие и современное состояние интернета
Появилась возможность вносить коррективы в содержание текста несколько раз	Получение разнообразной информации, ее открытость и доступность
Интернет дал возможность получения, распределения, хранения больших объемов информации, а также их ускоренной обработки	В пространстве интернета совершаются экономические сделки, создаются и распространяются произведения искусства [9, с. 83]
Мгновенная реакция на изменения ситуации на рынке за счет быстрой доставки данных, информации	Интернет становится не только средством получения информации, но и способом обучения и получения образования
Стало легче и проще получать, обрабатывать информацию о различных целевых аудиториях, их потребностях, мнениях	Возникновение виртуальных библиотек, музеев, фильмотек и даже виртуальных лекториев облегчает доступ к знаниям и образовательным ресурсам, физически недоступным для большинства людей [9, с. 84]
Респонденты получили возможность быстрой отправки информации, а также обратной связи	Расширились коммуникативные возможности, формируются новые коммуникационные связи, исчезают многие коммуникационные барьеры (например, психологические, возрастные)
Экономия расходов организаций на работу с общественностью; создание корпоративных сайтов, корпоративной почты	Развитие социальных сетей, публичных форумов, блогов, сообществ, где каждый может показать себя, проявить творчество, поспорить на различные темы
Большие объемы информации можно распространять на значительном расстоянии, в любую точку мира, что говорит об исчезновении географических барьеров	Появление социальных сервисов, для размещения видеороликов, которые становятся всеобщим достоянием
Относительно недорогой канал коммуникации	Открытая демонстрация в социальных сетях своей жизни, интересов, индивидуальности
Бумажные носители во многих случаях потеряли свою актуальность при отправлении через почту или почтовые ящики	Появление различных интернет-изданий, интернет-магазинов, интернет-почты
Быстрая отправка и доставка электронных писем	Развитие поисковых систем, отправка голосовых сообщений с компьютеров и мобильных устройств
Электронные письма сопровождаются разнообразной информацией: изображения, фотографии, музыка и т. д.	Доступ к интернету с мобильных устройств, расширение масштабов медиаресурсов
Быстрое распространение интернета на всей территории, соответственно, увеличивается количество пользователей	Обеспечение диалога общественности с представителями государственной власти
	Превращение интернета в современный канал рекламной деятельности

Активное взаимодействие современных систем СМИ приводит к медиаконвергенции и превращению их в ведущий социальный институт, оказывающий всестороннее влияние на мировоззрение личности и процесс ее социализации. Происходит трансформация не только экономических, социальных, культурных процессов, но и изменение возможностей, направлений и механизмов социализации личности, когда традиционные механизмы, социальные институты и агенты социализации вытесняются активным, а зачастую и агрессивным вмешательством современных медиаисточников. Наиболее активным объектом информационного воздействия является молодежь, выступающая основным пользователем информационных технологий и потребителем разнообразной информации, которую ввиду психовозрастных особенностей молодые люди воспринимают без должного уровня критического восприятия и осмысления.

Расширение масштабов влияния информационно-коммуникационных технологий на функционирование современного общества и процесс социализации личности позволяет утверждать о новом понятии — медиасоциализации. Данное понятие получает развитие в работах Б. Бахмайера, Ю. А. Зубок, А. И. Ковалевой, А. В. Мудрика, Е. Л. Омельченко, А. В. Рачипы, В. И. Чупрова. По мнению Б. Бахмайера, процесс медиасоциализации проявляется в комплексном мультимедиа, интертекстуальных культурных продуктах, медийном контексте и в установленных культурных пространствах, окружающих человека [11]. А. В. Мудрик считает, что воспитательный характер медиасоциализации проявляется через ее различные виды: стихийную, относительно направляемую, относительно социально контролируемую социализацию, более или менее сознательное самоизменение человека [7].

Согласно авторской позиции, медиасоциализация молодежи представляет собой процесс трансформации социокультурных и институциональных норм, ценностей и правил, практик повседневной культуры под воздействием информационно-коммуникационных технологий. В процессе медиасоциализации активизируются познавательные возможности человека, расширяются масштабы информационного сопровождения, улучшаются коммуникационные связи через использование социальных сетей, удовлетворяются личностные амбиции и творческие планы, связанные с получением популярности через ведение блогов, обнародование собственных фотографий, видеозаписей и т. д. Происходит изменение всех сторон жизнедеятельности человека, связанных с получением образования, информации, коммуникации, производственной деятельности, досуга, формирования и усвоения нравственных ценностей, социальных норм поведения.

Изменяется частота и доступ молодых людей к современному информационному пространству для получения информации и обеспечению коммуникационного взаимодействия. Благодаря инновациям и технологиям, пользователи интернета могут иметь свободный доступ в сеть с любого устройства, будь то мобильные устройства или компьютеры и планшеты. Согласно интернет-статистике, в 2018 — начале 2019 г. 49,11 % пользователей выходили в интернет (мессенджеры, приложения, поисковые запросы и пр.) с мобильных устройств, 47,02 % — с компьютеров и лишь 3,87 % — с планшетов, как показано на рисунке 1 [11]. При этом следует отметить высокий уровень частоты выхода в интернет. Так, один или два раза в день выходят 7,5 %, несколько раз в час — 38,9 %, каждые 5–10 минут — 30,4 % [5]. Среди молодежи наиболее популярными местами пользования интернетом выступают дом — 28 %, учеба/работа — 21 %, транспорт — 14 % [1, с. 313].

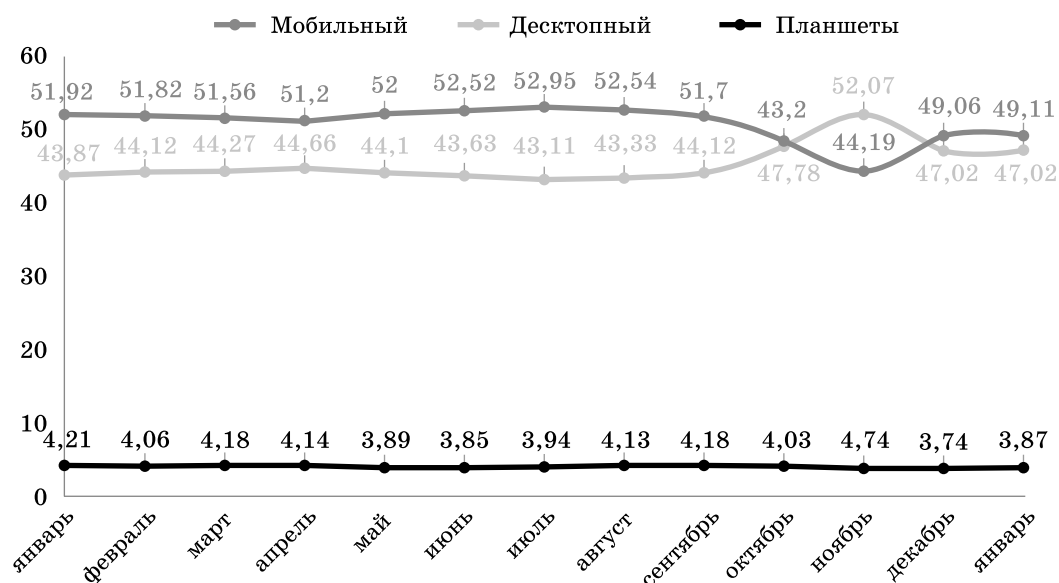

Рис. 1. Динамика мобильного и десктопного трафика в 2018 г., %

Такая популярность использования мобильного интернета обусловлена, прежде всего, высоким уровнем комфорта, а также многофункциональностью большинства интернет-ресурсов. Сегодня, имея современные смартфоны и огромные возможности интернета, можно решать целый спектр различных задач, связанных с получением информации и ее обменом, обучением и воспитанием, созданием и поддержанием виртуальных контактов, решением управленческих и производственных задач, осуществлением совместной интерактивной деятельности, решением бытовых вопросов, реализуемых в киберпространстве.

Следует констатировать, что современные информационно-коммуникационные технологии выступают активным агентом социализации молодежи. Перечислим направления управления медиасоциализацией молодежи:

- создание и освоение качественных информационных ресурсов в гипертекстуальном пространстве, способствующих расширению познавательных возможностей молодых людей, их обучению и воспитанию;
- формирование позитивного коммуникационного пространства, создание сообществ с заданными конструктивными характеристиками, соответствующих интересам и потребностям пользователей;
- совершенствование содержания и наполнения социально-информационного досугового пространства, обеспечивающих творческое развитие личности через реализацию познавательной, коммуникативной и игровой функций;
- укрепление мультимедийной культуры, повышение качества разнообразных мультимедийных средств, их содержания и направленности.

Вместе с тем не стоит оставлять без внимания и направления негативно-го воздействия информационно-коммуникационных технологий на медиасоциализацию молодежи: во-первых, активное влияние разнообразных медиаресурсов на формирование общественного мнения, политических взглядов и установок молодежи для достижения своих политических целей и интересов. Среди множества различных социальных групп населения молодежь выступает главным объектом информационного воздействия, поскольку является наиболее массовой и активной частью аудитории социальных сетей. Для

реализации своих целей различные политические силы и движения активно насыщают информационное пространство пропагандистскими, агитационными, а нередко и популистскими материалами, распространяют новости, искажающие реальное положение дел, размещают материалы откровенно националистического, фашистского, расистского содержания. На молодежь обрушивается поток информации, значительную часть которой она не в состоянии критически осмыслить и адекватно воспринять, что приводит зачастую к политическому нигилизму и нравственным деформациям.

Во-вторых, социальные сети активно воздействуют на мировоззрение молодых людей через создание специфичной среды проявления общественных отношений. Информационная среда интернета вбирает в себя различные социальные слои и возрастные группы населения, занимающиеся разнообразными видами деятельности. На основе общности взглядов, интересов, ценностных ориентаций происходит коммуникационное взаимодействие между людьми, формируются многочисленные «виртуальные» группы со своими лидерами и внутренней социальной иерархией, развиваются новые формы общения и взаимодействия людей. Анализ функционирования этих «виртуальных» групп показывает высокий уровень воздействия, в том числе и негативного, на психическое и нравственное состояние молодых людей, формирования разнообразных форм негативного, девиантного поведения молодежи.

В-третьих, постоянное нахождение в сетевой среде приводит к интернет-зависимости и негативно воздействует на психическое здоровье молодых людей. Происходит подмена реальной действительности иллюзорным миром, вызывающим у личности определенную патологию, выражающуюся в стремлении к новым ощущениям, которые хочется испытывать постоянно. Погружение личности в виртуальную среду приводит к дезориентации и разрушению привычного образа жизни, игровой зависимости, развитию депрессии, нарастанию социальной изоляции. Получают развитие новые виды нарушений психического здоровья: киберхондрии, киберболезни, Facebook-депрессии, номофобии и т. д. Например, по данным отчета о деятельности Фонда Развития Интернета, в 2018 г. доля обращений по проблеме интернет-зависимости составила 11 % [6, с. 8].

В-четвертых, чрезмерное насыщение интернет-пространства негативной и агрессивной информацией отрицательно сказывается на сознании молодежи, искажая цели и мотивы ее развития, разрушительно воздействуя на процессы самоутверждения и самореализации личности. Пропаганда девиантного поведения и отсутствие реального социального опыта у молодежи часто приводит к непоправимым последствиям, связанным с кибертретированием, мошенничеством, суицидальным поведением. Проведенные исследования показывают, что вследствие регулярного просмотра экранных сцен насилия и жестокости у 43,3 % опрошенных отмечается снижение порога чувствительности к жестокости; у 43 % — стимулирование агрессивно-насильственного поведения самого телезрителя; у 42,4 % — обесценивание человеческой жизни и нравственных ценностей [2, с. 54].

Таким образом, в новых условиях развития современной цивилизации под воздействием информационно-коммуникационных технологий значительно активизируются процессы медиасоциализации молодежи. В итоге актуализируется задача эффективного управления данными процессами, создания в информационном пространстве культурного, конструктивного сегмента высокого качества, целенаправленно ориентированного на молодежь и конкурирующего с деструктивными низкокультурными ресурсами.

Литература

1. *Алексеева В. С.* Маркетинговые исследования интернет-активности молодежи // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т. 2. № 12. С. 311–313.
2. *Брушлинская Н.* Насилие на телеэкране и в жизни // Российская Федерация сегодня. 2002. № 6. С. 54.
3. *Бычкова М. Н., Окушова Г. А.* Интернет как среда реализации общественных инициатив российской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8–2. С. 46–48.
4. *Вараксин А. В.* Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи // Преподаватель XXI век. 2016. Т. 1. № 2. С. 205–212.
5. *Вьюгина Д. М.* Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России [Электронный ресурс] // Медиаскоп: электронный научный журнал. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2475> (дата обращения: 04.01.2019).
6. *Данилова Н. И.* Информационное обеспечение рекламы и связей с общественностью: учеб. пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 346 с.
7. *Мудрик А. В.* Социализация человека: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011. 623 с.
8. Отчет о деятельности Фонда Развития Интернет за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fid.su/reports/fid-report-2018.pdf> (дата обращения: 04.01.2019).
9. *Розенберг Н. В., Логинов А. В.* Институт средств массовой информации и коммуникации как фактор развития социальной мобильности современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 78–85.
10. Статистика Интернета 2019: трафик, сайты и блоги, домены, социальные медиа, онлайн-реклама и электронная коммерция — свежие цифры и факты [Электронный ресурс]. URL: <https://sdvv.ru/articles/elektronnaya-kommertsiya/statistika-interneta-2019-trafik-sayty-i-blogi-domeny-sotsialnye-media-onlayn-reklama-i-elektronnaya/> (дата обращения: 02.01.2019).
11. *Bachmair B.* Media Socialisation and the Culturally Dominant Mode of Representation — On the way From the Coherent Media to Semiotic Spaces, the Example of Popstarsю // Medien Pädagogik. 2006. P. 1–36. DOI: 10.21240/mpaed/00/2006.06.07.X

В. Е. Шинкевич, Я. Н. Калиниченко

Наркотизация как социальная проблема и фактор разрушения молодежного социума (по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае)

V. E. Shinkevich, Ya. N. Kalinichenko. Narcotization as a Social Problem and the Factor of Destruction of Youth Society (on the Results of Annual Monitoring of Drug Situation in the Krasnoyarsk Region)

В статье рассматривается проблема наркомании и охарактеризована наркоситуация в молодежной среде на примере Красноярского края как типового сибирского регионального субъекта Российской Федерации. Авторы обращают внимание на пагубное влияние наркопотребления на здоровье нации, ее наиболее активную часть — молодежь, на подрыв трудоспособности населения, криминализацию социума как следствие незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ. Показана также значимость проведения ежегодного мониторинга наркоситуации с целью своевременного выявления возникающих изменений в наркотизме общества и выработки действенных мер по улучшению наркоситуации.

Ключевые слова: наркоситуация, наркомания, наркотизм, молодежная среда, мониторинг, антисоциальное явление, психоактивные вещества, наркосообщество.

Контактные данные: 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20; (923) 371-44-05; e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru.

The article considers the problem of drug addiction and the drug situation in the youth environment by the example of the Krasnoyarsk Territory as a typical Siberian territorial subject of the Russian Federation. The authors draw attention to the harmful influence of drug use on the health of the nation, on its most active part – young people, on impairment of work productivity of the population, criminalization of the society as a result of the illegal distribution of narcotic drugs and psychotropic substances. The importance of annual monitoring of the drug situation in order to timely identify emerging changes in drug addiction in the society and to develop effective measures to improve the drug situation is also shown.

Keywords: drug situation, drug addiction, youth environment, monitoring, antisocial phenomenon, psychoactive substances, drug syndicate.

Contact Details: Rokossovskiy St. 20, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660131; (923) 371-44-05; e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru.

Наркотизм сегодня представляет собой всеобщую уничтожающую человечество глобальную угрозу, которая неоднократно исследовалась и отмечалась многими учеными [1, с. 14]. С полной уверенностью можно утверждать, что наркотизм является антисоциальным явлением, постоянно прогрессирующим и угрожающим безопасности российского государства. Неизменно увеличивается число молодых

Владимир Ефимович Шинкевич — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского федерального университета МВД России, профессор кафедры ИППС Сибирского федерального университета.

Яна Николаевна Калиниченко — аспирант Сибирского федерального университета, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России.

© Шинкевич В. Е., Калиниченко Я. Н., 2020

людей, употребляющих наркотические средства. Причиной роста молодежного наркотизма, по мнению ряда ученых, является отсутствие последовательности, комплексности в мерах профилактического характера, принимаемых и реализуемых правоохранительными органами и органами власти и управления, институтами гражданского общества [2, с. 708–710]. В чем заключается проблема наркомании и как ее решать?

Проблема наркомании представляет собой как личностную, так и социальную опасность, которую трудно переоценить. У наркозависимых появляются дети с врожденными пороками. В социуме постоянно возрастает количество людей, страдающих вирусом иммунодефицита человека, гепатитом и другими болезнями. Сокращается количество трудоспособного населения, которое может развить экономику. Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения, из семи миллиардов человек населения нашей планеты 210 миллионов употребляют психоактивные вещества (ПАВ). Те же данные свидетельствуют об «омоложении» возрастного диапазона наркоманов. Десять лет назад — это 15–17 лет, сегодня — 12–17 лет [3]. Анализ материалов международной конференции «Парламентарии против наркотиков», которая состоялась 4 декабря 2017 г. в Москве, позволяет констатировать что примерно четверть миллиарда человек в мире регулярно употребляют наркотики [4, с. 12]. Значительная часть наркопотребителей — это молодежь в возрасте до 30 лет.

Статистические показатели наркоситуации в целом по России, несмотря на огромные средства, выделяемые правительством на борьбу с наркоманией, лишь в последние годы имеют незначительную положительную динамику. В Российской Федерации, согласно данным федерального статистического наблюдения, общее количество зарегистрированных наркологической службой пациентов с психическими расстройствами, связанными с потреблением наркотиков, в 2018 г. составило 423,4 тыс. чел. Число умерших от потребления наркотиков в 2018 г. — 4 445 чел. По результатам социологического опроса населения, проводимого в рамках ежегодного мониторинга, 1,9 миллионов человек потребляют наркотики как регулярно, так и эпизодически [5]. Имеют опыт хотя бы разового потребления около восемь миллионов россиян. Самый большой сегмент, 60 % от всех потребителей наркотиков, — молодежь в возрасте 16–30 лет. А молодежь — это будущее нации, его физического и нравственно-го здоровья, гарантия успешного развития общества в будущем.

Наивно полагать, что население не понимает всей пагубности последствий незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ. В обществе, где культивируются наркотики, социокультурные механизмы воспроизводства, включающие в себя биосоциальные, социально-психологические, историко-культурные, экономические, политические и духовные факторы, испытывают значительное негативное влияние. Так, достаточно периода, гораздо меньшего по времени, чем отмеренный природой для одного поколения, чтобы человечество под воздействием бесконтрольного употребления наркотиков деградировало и исчезло как социобиологический вид. История знает примеры, по крайней мере, в форме научно проработанных гипотез, когда вследствие глубокой наркотизации общества исчезали целые высокоразвитые для своего времени цивилизации.

Есть и другая опасность наркотизации общества, когда на проблемах одних другие, не отличающиеся высокой нравственностью и безразличные к проблемам общества, здоровью не только других, но и всего социума, зарабатывают громадные деньги, криминализируют общественные отношения [6, с. 147–157]. Наркотики стоят денег, за безобидным на первых порах удовлетворением интереса к познанию еще непознанного события, не связанного с какими-то финансовыми затратами, наступает новый период, когда уже никто не предложит безвозмездно

новой дозы для преодоления ни психологической, ни тем более физической болезненной зависимости. Актуализируется острая потребность — за дозу необходимо платить немалые деньги и регулярно, чтобы поддерживать хоть малейшее психическое, физиологическое равновесие. Наиболее вероятный источник «добычи» денежных средств уже в самом начале поиска наполнен аморальными приемами: вынуждение родственников и друзей материально «поддерживать» болезненную зависимость близких им людей, продажа имеющихся в семье материальных ценностей, отказ от финансовой поддержки своей семьи и т. п. Но и этот источник, хотя и аморальный, но открыто не вступающий в противоречие с законодательством, в конце концов, иссякает. Причины банальны: либо в семье заканчиваются деньги, либо происходит разрыв отношений с близкими. Следующий этап — криминальный — поиск средств преступным путем. Чаще всего — это кража, обман, подлог, силовой отъем и другие варианты поведения, наказуемого в соответствии со статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. Происходит формирование преступных наркосообществ, активное вовлечение в наркопотребление все новых и новых членов за дополнительную дозу от наркодилеров. И это очевидный факт, так как «наркопреступность является одной из наиболее организованных форм криминальной деятельности. Почти треть преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ, раскрываемых ежегодно в России, связана с наркотиками» [7]. Более 74 % зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, — это преступления тяжелой и особо тяжелой категории [8].

Не является абстрактной проблема наркомании и в Красноярском крае. По данным официальной статистики, наркотическими учреждениями края в последние годы регистрируется более 35 тысяч больных с наркологическими расстройствами [9]. С целью изучения состояния и динамики наркоситуации в Красноярском крае, выработки предложений по профилактике и противодействию употреблению наркотиков в немедицинских целях с 2012 г. в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации антинаркотической комиссией Красноярского края совместно с Сибирским юридическим институтом МВД России на территории края проводятся социологические опросы населения [10], ведется большая аналитическая работа [11; 12; 13; 14]. Данные исследования организуются и проводятся в соответствии с руководящими документами Государственного антинаркотического комитета России, при соблюдении сроков и порядка отбора респондентов для опроса [15; 16]. В основу подготовки статьи взяты результаты исследования, проведенного при активном участии авторского коллектива в 2018 г. [10]. Всего опрошены 2 594 респондента, что составляет немного менее 0,1 % жителей Красноярского края от 14 до 60 лет. Однако выборочная совокупность находится в пределах естественной погрешности и охватывает наиболее социализированные группы населения, что позволяет говорить о ее репрезентативности. Она была сформирована с учетом половозрастной, региональной, профессиональной структур края.

В результате анализа ответов респондентов озабочены возможными негативными последствиями распространения наркомании в Красноярском крае от 60 % до 70 % жителей края. Более того около 18 % опрошенных отметили высокую распространенность наркомании в регионе, превышение ее остроты по сравнению с другими регионами России. Наличие проблемы распространения наркомании в регионе отметили респонденты практически всех возрастов. Вместе с тем среди респондентов 14–29 лет острота оценки проблемы в регионе оценивается несколько ниже, чем представителями других возрастных групп. Около 10 % – 12 % молодежи от 14 до 17 лет считают, что данная проблема для региона не актуаль-

на вовсе. В то же время такого мнения придерживаются только 2 % – 3 % респондентов от 30 до 40 лет.

Любая социально значимая проблема есть производная от некоего комплекса причин, объективно или субъективно влияющих на уровень ее актуализации в социуме. Наркомания, как социальная проблема, не исключение. Среди причин данного недуга респонденты отмечают нравственные причины, такие как вседозволенность, которая занимает верхнюю строчку по рейтингу влияния (более 21 % опрошенных). Вседозволенность не имеет ничего общего с осознанием личной свободы, не исключаящей ответственности за свои действия перед окружением, да и перед собою. Вседозволенность — это проекция эгоистичности, внутренней распушенности, дополненная стремлением удовлетворить, прежде всего, свои потребности. Вседозволенность способствует моральной деградации общества, нивелированию общественно значимых обязательств человека, вплоть до полного пренебрежения ими, развитию правового нигилизма, допустимости делинквентного поведения. Вседозволенность, моральную деградацию общества как основной фактор распространения наркомании отмечают респонденты среднего возраста 30–40 лет и младшего — 14–17 лет. Менее всего выражен данный фактор у молодежи старшего возраста 18–29 лет. Это основной возрастной период, когда молодой человек уходит от непосредственной опеки родителей и начинает строить взрослую жизнь самостоятельно.

Большое негативное влияние на усугубление наркоситуации в обществе имеют проявляющиеся негативные социальные факторы, прямо или косвенно характеризующие социально-психологическое состояние человека, вызванное падением жизненного уровня, социального статуса, невозможностью найти выход из порочного круга проблем и преодолеть его кумулятивный эффект. Имеется в виду такое положение дел, когда одна проблема — это еще не проблема. Однако когда одна проблема приводит к другой, когда невозможно простое суммирование усилий по их преодолению, негативный эффект возрастает в разы. Неслучайно существенное значение в усугублении наркоситуации имеет такой фактор, как неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие. Необходимо обратить внимание на то, что в первую очередь не удовлетворены жизнью те, кто находятся на этапе самостоятельной организации своей жизнедеятельности — это молодежь 18–29 лет. Состояние неудовлетворенности формирует состояние апатии, человек отказывается или существенно ограничивает свою активную деятельность, появляется ничем не занятое время, минимизируется внутреннее осознание обязательств перед близкими, коллегами по работе относительно тех, кто нуждается в помощи и защите. Человек не может долго жить в ситуации стресса. И если сам или с помощью близких человек не сможет выйти из данного состояния и вернуться к активной деятельности, тогда, возможно, он будет искать психологическое успокоение в алкоголе, наркотиках. Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков при этом также являются существенным фактором, влияющим на наркоситуацию. Данный фактор как значимый отмечают более 15 % опрошенных.

Более 11 % респондентов отмечают также негативные последствия безработицы и возможные финансовые проблемы как ее следствие. Но не только стрессы, реальные и субъективно воспринимаемые, безвыходные ситуации провоцируют приобщение к наркотикам, но и неумение, зачастую и нежелание, организовать собственный досуг. Более 13 % отмечают именно данную причину как значимую. Проанализировав выделенные респондентами факторы наркоситуации, можно свести их по значимости в следующие группы: во-первых, проблемы

нравственного блока; во-вторых, проблемы социальные; в-третьих, доступность наркотиков и активность наркодилеров; в-четвертых, слабая воспитательная и профилактическая работа.

Виктимизации наркотизма, усложнению наркоситуации в обществе во многом способствуют доступность наркотиков как для реальных, так и потенциальных наркопотребителей, наличие соответствующего рынка и относительно безопасного механизма распространения наркотиков на конкретной территории. Основным индикатор — это достояемость, легкость получения и приобретения наркотиков. Около 50 % опрошенных считают, что наркотики достать легко, более 40 % опрошенных не смогли оценить уровень сложности. Около 7 % опрошенных отметили тот факт, что наркотики достать сложно. Имеют вполне конкретное собственное мнение о проблеме наркомании в регионе прежде всего те, кто смог хоть как-то в диапазоне от легко до сложно оценить проблему доступности, т. е. это 60 % опрошенных. Конечно, утверждать то, что 60 % «информированных» употребляют наркотики нельзя. Но можно с уверенностью говорить о том, что 60 % респондентов имели какой-то социальный контакт (родственники, друзья, коллеги по работе, случайные встречные, собственно наркоманы и т. п.) с наркоманами и свое впечатление составили именно на основании встреч, общения и собственного опыта. Не обязательно данный контакт был непосредственным, предполагающим общение. Он мог быть и опосредованным, где контактеры целенаправленно либо случайно имели возможность наблюдения. Около 75 % респондентов отметили тот факт, что они не общаются с людьми, употребляющими наркотики, вместе с тем и их нельзя в полном объеме отнести к той категории, кто никогда и ни при каких условиях не пересекается с наркопотребителями. Люди, употребляющие наркотики, живут в социуме и не ограничены в перемещениях, у них есть знакомые, друзья, коллеги, соседи и т. п.

Около 16 % опрошенных отметили, что среди их знакомых и друзей есть наркопотребители, около 8 % указали, что таких знакомых много, а около 1 % сообщили, что все их знакомые употребляют наркотики. Наиболее высокий процент наркопотребителей, употребляющих наркотики различной интенсивности, наблюдается в социальном окружении молодых людей от 18 до 29 лет. Более 32 % опрошенных данной возрастной группы подтвердили наличие таких людей в их окружении.

Несмотря на меры, принимаемые правоохранительными органами по противодействию предложению наркотиков, различные торговцы, распространители прибегают к всевозможным ухищрениям, пытаясь свести к минимуму непосредственные контакты наркодилера и потребителя. Расширяется привлечение к распространению несовершеннолетней молодежи, и ухищрения наркораспространителей нет предела. В последние годы активно используются возможности сети Интернет, позволяющей не только получить сведения о наркотиках и способах их употребления, но и максимально минимизировать прямые контакты при передаче наркотиков непосредственно наркопотребителям, что значительно затрудняет противодействие системе наркораспространения, выявлению и привлечению к ответственности виновных в торговле смертью. Более всего, 13 % опрошенных, указали на то, что интернет является источником получения сведений о наркотиках, последствиях и способах их употребления. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации использование информационных, коммуникационных и высоких технологий, в том числе сети Интернет в сфере незаконного оборота наркотических средств, относится к преступлениям [17]. На негативные возможности сети Интернет для социума указывают те факты, что «в отдельных зарубежных странах использование сети

Интернет при совершении наркопреступлений криминализировано либо в качестве обязательного признака основного состава преступления, либо в качестве квалифицирующего признака» [18].

В России приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов является противодействие распространению наркотиков с использованием новейших технологий в информационно-коммуникационной среде и бесконтактного способа их сбыта.

На процессы динамики наркоситуации населения существенное влияние оказывают социальные связи, взаимодействие с окружающей социальной средой. Человек склонен к освоению чужого опыта как хорошего, так и вредного во всех его смыслах. Это правило действует и когда речь идет о пристрастии к наркотикам. Усугубляет ситуацию и то, что процесс распространения наркотиков основан на желании обогащения одних за счет других, независимо от общественной и личностной опасности такого взаимодействия. 17 % опрошенных отметили то, что они сталкивались с фактами, когда им предлагали попробовать наркотики. Чаще всего наличие подобных фактов отмечали респонденты 18–29 лет — более 25 %. Требуется изучения группа респондентов, отказавшихся от ответа на прямой вопрос «Предлагали ли Вам когда-либо попробовать наркотики?». Данная группа составляет 3 % – 4 % опрошенных. Это вероятнее всего, могут быть те, кто сам задействован в системе наркораспространения, криминализации социальной среды, расширении круга наркопотребителей, возможно и сами наркозависимые. Данное предположение во многом коррелирует с результатами ответов на вопрос «Как бы Вы поступили, если бы Вам предложили попробовать наркотическое средство?». Ответами были такие: «исходил(а) бы из того, какой наркотик», «повел(а) бы себя в зависимости от ситуации и настроения», «попробовал(а) бы». В сумме от 3 % до 5 % выбрали именно данные предложенные варианты ответов. Чаще всего эти варианты ответов встречаются среди молодежи 18–29 лет — более 5 % опрошенных. Молодежь данной возрастной группы наиболее социально активна, находится на этапе профессионального поиска и становления как специалиста, формирует основу своего дальнейшего становления уже как самостоятельной личности, способной решать свои проблемы самостоятельно, опираясь, прежде всего, на личный опыт. Это возраст, когда молодые люди легко приобщаются к чему-то новому, но также легко и разочаровываются, столкнувшись с трудностями или проблемами. В данный период формируются семейные отношения, официальные или неофициальные, но в любом случае требующие определенной ответственности друг перед другом. Происходит профессиональное становление. Особенно это характерно для молодежи, «перешагнувшей» 25-летний возрастной рубеж. Однако в этот период наиболее остро ощущаются реальные и мнимые неудачи, разочарования в каких-либо прежних, но неудавшихся начинаниях.

В ходе опроса респондентов задавался и прямой вопрос «Пробовали ли Вы наркотическое средство?». Проведение анонимного опроса позволяет говорить о высоком уровне достоверности ответов на данный вопрос. Подтвердили наличие собственного опыта употребления наркотических средств от 3 % до 4 % опрошенных, что опять же соответствует нашим предположениям, полученным при оценке ответов на другие вопросы, рассмотренные выше, которые лишь косвенно были связаны с возможностью употребления наркотиков в немедицинских целях (много среди знакомых, кто употребляет наркотики, отказ от ответа и пр.).

Стремление познать новое, приобрести свободу и независимость в действиях и в принятии решений, готовность к борьбе и кардинальным переменам, подверженность внешнему влиянию как друзей, так и знакомых характерны для

молодежи. Наиболее активно эти качества начинают проявляться в раннем переходном возрасте. Неслучайно среди тех, кто имеет опыт употребления наркотических средств около 80 % впервые попробовали наркотики в молодом возрасте, более того, около 35 % респондентов отметили, что впервые данный опыт ими получен в 12–15 лет. Данный факт, кроме известных негативных процессов физической социальной деградации личности, криминализирует и социальную среду, поскольку за наркотики надо платить и источник получения денег далеко не всегда законный. Подтверждение этому, пусть и косвенное, заключается в словах президента РФ в ходе брифинга в июне 2019 года: «...Сегодня около 26 % сидельцев — это те, кто был вовлечен в наркосферу, в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, изготовление и распространение». Даже если признать тот факт, что определенная часть наркозависимых имеет возможность самостоятельно оплатить приобретаемые для употребления наркотики или составляющие для их самостоятельного изготовления, данные деньги недополучает семья, минимизируются траты на то, что позволило бы человеку и его близким самосовершенствоваться, расширять и раскрывать свой потенциал, реализовать жизненные силы на должном уровне. Среди опрошенных, имеющих опыт употребления наркотических средств и психотропных веществ и продолжающих это делать около 17 % употребляют редко, от случая к случаю, около 12 % употребляют регулярно или ежедневно. Следовательно, проанализировав полученные результаты наблюдения, с большой вероятностью можно утверждать, что регулярно или ежедневно употребляют наркотики около 1,5 % – 2 % населения Красноярского края.

Все когда-то происходит впервые. Знакомство или пристрастие к наркотикам также имеют свои точки отсчета. Первая проба наркотиков, как правило, происходит в молодом возрасте. Место — подальше от родителей, взрослых (на природе, за городом, на даче, в подъезде, во дворе) или когда, гарантировано хотя и временное, но отсутствие внешнего контроля близких (в гостях у друзей, знакомых, дома). Наиболее действенное социальное окружение — знакомые, навязчивые небескорыстные претенденты в друзья, советчики, многие из которых на самом деле задействованы организованными преступными группировками в наркораспространении, поиске и кооптации новых наркопотребителей как источника расширения доходов наркобизнеса, изощренность которого в погоне за прибылью не знает предела. Ни родственники, ни друзья, а именно знакомые чаще всего отмечаются в качестве тех людей, которые впервые предложили попробовать действие наркотических средств «по взрослому». 40 % опрошенных из числа имеющих опыт употребления наркотиков указали именно этих представителей из своего социального окружения. Более того, как правило предложение следовало в условиях, когда молодой человек попадал в так называемую дурную компанию. В этих условиях очень трудно сказать «нет» на предложение попробовать наркотики, когда другие уже находятся «под кайфом». Учитывая пристальное внимание правоохранительных органов Красноярского края к пресечению незаконного распространения наркотиков, в крае несколько снизилась по сравнению с результатами исследований прежних лет опасность возможного распространения наркотиков в клубах, на дискотеках — излюбленных местах времяпрепровождения молодежи. Однако и сегодня около 8 % опрошенных отметили ночные клубы и дискотеки как наиболее возможные места распространения наркотиков. Вызывает некоторую озабоченность то, что около 4 % опрошенных впервые непосредственно познакомились с наркотиками в армии. О фактах распространения наркотиков в армии свидетельствуют и другие исследования [19].

Изучив и проанализировав результаты социологического исследования, проведенного в формате ежегодного мониторинга наркоситуации и в соответствии с нормативными документами в декабре 2018 г., необходимо сделать следующие выводы.

Несмотря на принимаемые меры различными субъектами антинаркотической профилактики остается опасность наркотизации молодежной среды. Многие молодые люди не осознают пагубности для организма даже одноразовой пробы наркотических средств и психоактивных веществ. Значительное количество молодежи, даже осуждая наркопотребителей, толерантно относится к наркотикам, считают, что их эта проблема не затронет. В этой связи для противодействия распространению наркомании в молодежной среде необходимо выстраивать систему мероприятий первичной профилактики, основанной на формировании у молодежи культуры здорового образа жизни. В ходе мероприятий вторичной профилактики активно привлекать тех, кто избавился от проблемы наркозависимости и на собственном опыте знает о ее пагубных последствиях.

Необходимо обеспечивать стабильность финансирования антинаркотических мероприятий в рамках государственных программ. Принимать меры для расширения волонтерского антинаркотического движения, финансовой, территориальной доступности спортивно-развлекательной инфраструктуры для молодежи, оздоровления социальной среды: подъезд, дом, двор. Необходим поиск новых креативных форм проведения профилактических мероприятий, адекватно отвечающих потребностям молодежи, различных возрастных и гендерных групп. Большое значение в противодействии наркотизации имеет доверительная помощь как молодежи, старающейся вести здоровый образ жизни, так и тем, кто имеет желание избавиться от пагубной зависимости.

В совершенстве нуждается профилактическая работа по противодействию распространению наркотиков, особенно формам и методам неконтактной передачи наркотиков от розничных торговцев потребителям. В этой связи целесообразно направить усилия различных субъектов антинаркотической политики и прежде всего правоохранительных органов на оптимальное противодействие распространению и возможностям приобретения наркотических средств и психотропных веществ молодежью в ночных клубах, развлекательных центрах и иных местах массового досуга молодежи, через сеть Интернет. Регулярно проводить мониторинг информации неформальных групп, позиционирующих себя в социальных сетях в качестве проводников и приверженцев различных субкультур на предмет их причастности к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и пр.

Ежегодный мониторинг наркоситуации способствует реализации системного подхода к оптимизации деятельности всех ветвей государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций Красноярского края в сфере выработки и реализации на территории края единой антинаркотической политики.

Литература

1. Чирков С. В. Некоторые аспекты предупреждения и профилактики наркотизма несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, участвующих в незаконном обороте наркотиков // Юридическая наука и практика. 2013. № 21.
2. Бидова Б. Б. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика // Молодой ученый. 2015. № 24.
3. Доклады Международного комитета по контролю над наркотиками, опубликованные в 2017 году. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2017/Annual_Report/R_2017_AR_ebook.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

4. Шаталов А. С. Государственная стратегия борьбы с наркобизнесом: новшества, проблемы реализации и статистические казусы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Междунар. научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред Н. Н. Цуканов; СибЮИ МВД России. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
5. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2018 году (выдержки). URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации> (дата обращения: 13.08.2019).
6. Тепляшин П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. 2017. № 10.
7. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году. М.: АНК, 2018.
8. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности ОВД в 2018 г.: аналитические материалы. М., 2019.
9. Лисихина Н. В., Рублева Т. Ю. Социальный и эпидемиологический анализ смертельных отравлений различными психоактивными веществами: аналитический обзор. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018.
10. Наркоситуация в Красноярском крае в 2018 году: заключительный отчет по теме НИР № 46 / науч. рук. В. Е. Шинкевич. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. № Р07194521, инв. № 08191246.
11. Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е., Коробицина Т. В. Наркоситуация и основные направления профилактики наркомании в вузах Красноярского края // Социологические исследования. 2012. № 9.
12. Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е. Наркоситуация как социальное явление в контексте мониторинговых исследований: социологический аспект: монография. Красноярск, 2015.
13. Шинкевич В. Е., Коробицина Т. В. Оценка состояния, основных детерминант и профилактика наркопотребления в Красноярском крае // Социологические исследования. 2018. № 2.
14. Шинкевич В. Е., Калиниченко Я. Н. Оценка наркоситуации в Красноярском крае в 2018 году: по результатам ежегодного мониторинга в контексте социологического анализа // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 1.
15. Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 485 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 26. Ст. 3808.
16. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр): утверждена п. 1.3 протокола заседания Государственного антинаркотического комитета от 15 февраля 2017 г. № 32.
17. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II Ст. 212.2.
18. Щурова А. С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий в сети Интернет: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.
19. Харабет К. В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в Вооруженных Силах Российской Федерации (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. ... д-ра. юрид. наук. М., 2018.

И. М. Лоскутова, Н. Г. Романова

О применении комплексного метода в исследовании качества жизни населения Северной Осетии

I. M. Loskutova, N. G. Romanova. About Using the Complex Method in Studies of the Quality of Life of the Population of the North Ossetia

В статье показана специфика объективного и субъективного подходов/методов. Авторы обращают внимание на возрастающее значение концепции «качества жизни» в XXI в. Проведен обзор социологических исследований уровня и качества жизни в России, а также монографических работ по анализируемой проблематике. Отражены результаты эмпирических социологических исследований 2014 и 2018 гг. (о качестве и уровне жизни населения Северной Осетии и о социальном самочувствии населения Северной Осетии по методике, разработанной Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой).

Ключевые слова: Северная Осетия, население, качество жизни, комплексный метод, объективный подход, субъективный подход, социологический опрос, респондент.

Контактные данные: И. М. Лоскутова: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; (495) 438-16-57; e-mail: loskutova07@yandex.ru, consequat@bk.ru | Н. Г. Романова: 362021, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, д. 44; +7(938)882-20-73; e-mail: consequat@bk.ru.

This article is devoted to the application of an integrated approach in the study of the quality of life of the population of the North Ossetia. Aspects of the specificity of objective and subjective approaches are substantiated. The increasing importance of the concept of “quality of life” in the XXI century is indicated. A review of sociological studies of the level and quality of life in Russia, as well as a range of monographic works on the analyzed issues. The results of empirical sociological studies in 2014 and 2018 (a study of the quality and standard of living of the population of North Ossetia and a study of the social well-being of the population of North Ossetia using the methodology developed by Lapin N. I. and Belyaeva L. A.) are presented.

Keywords: North Ossetia, population, quality of life, complex method, objective approach, subjective approach, sociological survey, respondent.

Contact details: I. M. Loskutova: Malaya Pirogovskaya St. 1, Bld. 1, Moscow, Russian Federation, 119991; (495) 438-16-57; e-mail: loskutova07@yandex.ru, consequat@bk.ru | N. G. Romanova: Nikolaeva st., 44, Vladikavkaz City, Republic of North Ossetia-Alania, 362021; +7(938)882-20-73; e-mail: consequat@bk.ru.

В социологическом дискурсе (англ. *quality of life*, нем. *lebensqualität*) качество жизни представляет собой совокупность материальных, социальных, демографических, экономических, экологических, иных условий жизни и уровень их развитости, а также субъективное восприятие и оценку человеком своей жизни. Переходя от качества товаров к качеству человека, общество вступило в новую цивилизацию — «цивилизацию качества жизни». Президент Японского общества

Ирина Мироновна Лоскутова — профессор кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, доктор социологических наук, доцент.

Наталья Григорьевна Романова — стажер кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

© Лоскутова И. М., Романова Н. Г., 2020

по контролю качества Йосио Кондо обосновывает стремление человечества к получению высокого качества товаров и услуг, непосредственно и самой жизни, как стремление к совершенству. Основная и наиглавнейшая потребность человека — это получение высокого качества жизни» [10].

Пристальный интерес к концептам качества жизни, проблемам качества жизни со второй половины XX в. стал объектом исследования различных наук [2; 3; 7] по таким направлениям, как влияние научно-технического прогресса на качество жизни населения, социокультурных либо социально-психологических факторов. Затем последовало изучение взаимовлияния качества жизни, экологии и здоровья людей. Наиболее дискутируемой стала проблематика разработки показателей и моделей качества жизни населения. Будучи комплексным и многоаспектным, термин анализируется и применяется в философии, экономике, экологии, географии, медицине, политике, управлении. Каждая отрасль научного знания предоставляет исследователю определенную трактовку. В зависимости от специфики отрасли термин обогащается дополнительными специфическими чертами [4; 19; 23; 25].

На протяжении XX в. во многих странах мира происходило становление и развитие концепции качества жизни. Научная концепция качества жизни, в отличие от научной категории качества жизни, предлагала исследователям различные подходы, а не только сугубо экономический, указывая на его ограниченность.

С учетом теоретико-мировоззренческого содержания, политической и социальной направленности различных концепций и методологий концептуальные интерпретации качества жизни населения подразделяются с точки зрения объективного и субъективного подходов [12; 14]:

1) *объективный (количественный) подход* основан на концепции «экономического человека» и определяет степень удовлетворения научно обоснованных потребностей и интересов — выражается в абсолютных и относительных статистических показателях;

2) *субъективный (качественный) подход* базируется на социологических методах, поскольку мнение населения об удовлетворенности элементами качества жизни населения способствует учету и принятию во внимание мнений людей (индивидуумов и представителей различных слоев социума), имеющих априори различия в доходе и возрасте и, соответственно, в уровнях образования; во-вторых, потребности личности, духовные и интеллектуальные, и степень их удовлетворения в каждом случае индивидуальны.

Возрастающее значение концепции «качества жизни» в XXI в. обусловлено и социальными последствиями тотальной информатизации общества [5; 8; 13; 16; 20; 22]. Она определила новые границы и объемы труда, сформировала новые форматы отдыха, наладила новые пропорции расходов/доходов людей, а также развернула новые стереотипы поведения. Ею оказано влияние на образование. В процессе анализа научных публикаций установлено, что у понятия качества жизни населения отсутствует общепринятая прикладная трактовка. Экономические концепции «качества жизни» включали в себя теорию благосостояния и концепцию человеческого развития, а неэкономические концепции «качества жизни» представлены концепцией субъективного благополучия, концепцией предполагаемых возможностей и коммунитаристской теорией.

В английской, западноевропейской и американской научной мысли в рамках «качества жизни» превалировала экономическая теория благосостояния. Социологические разработки концепции «качества жизни» в России имели особенности.

Советский период исследования представлял собой изучение образа жизни, уровня, стиля, качества и уклада жизни советских граждан, в том числе эконо-

мики труда и бюджета времени (С. Струмилин, Я. Видревич), структуры советского общества (А. Крицман, Ф. Казанский) и состояния народонаселения (А. Гозулов, Б. Смулевич), условий и состояний духовной жизни (М. Загорский, В. Кузмичев), условий советской жизни (В. Андреев, Г. Полляк). Научная отечественная мысль XX в. советского периода в области уровня и качества жизни населения развивалась в русле системного изучения вопросов благосостояния людей. Рассматриваемый период всесторонне распространял подход «уровня жизни» посредством определения доходов, производства и потребления.

В российском дискурсе XX в. «качество жизни» — это стандарты жизни, либо интегральная характеристика всестороннего состояния жизни [11]. В специальной литературе и нормативно-правовых актах существует около 300 дефиниций определения социальных стандартов, выполняющих роль инструмента механизма управления социальными процессами, указывающих на существенные различия в подходах к формулировке содержания, вследствие многообразия, сложности, неисчерпаемости признаков. Однако, как и любая категория, система стандартов эволюционирует в конкретный исторический период страны. Поэтому «уровень жизни» является наиболее распространенным экономическим (материальным) установившимся понятием с точно обозначенным перечнем количественных показателей (например, показателем прожиточного минимума и размера потребительской корзины) по сравнению с «качеством жизни», т. е. всеобъемлющей, объясняющей, социологической категорией оценки жизни людей. Необходимо указать, что существующие социальные стандарты «односторонни», поскольку описывают и влияют лишь на некоторые из общей системы разработанных стандартов — показатели экономического благосостояния.

В данном контексте целесообразно сослаться на выводы ученого А. И. Субетто о том, что не существует единой и единственной модели качества жизни населения для всех наций, народов и цивилизаций [24]. Обзор исследований и монографий 1990–2013 гг. указывает на усиление интереса вследствие изменения условий и качества жизни россиян. В данный период возникают отечественные школы и направления по глобальному изучению категории «качество жизни».

По критерию «качество жизни населения» выявлено несколько аспектов, не позволивших в ряде регионов РФ достигнуть наивысших результатов. Во-первых, отсутствие единой методики расчета показателей, описывающих качество жизни населения: уровень и качество жизни в республиках/регионах имеют глобальные отличия. Тем более они разнятся по применяемым нормативам. Во-вторых, это планирование социально-экономических процессов только с помощью количественного (объективного) метода без учета субъективных показателей субъектов РФ, имеющих однозначно существенные различия в уровне и материально-технической базе ввиду территориальных особенностей расположения [1; 20; 21].

Значительный вклад в исследование условий и уровня жизни населения с различных сторон, в современные представления о качестве жизни внесли известные отечественные социологи:

- сторонники объективного подхода Н. М. Римашевская, О. Н. Вершинская, В. М. Жеребин, М. А. Можина, Л. Н. Овчарова, Л. Тумурова, М. Можина, Т. Караханова, М. Винокурова, Н. Тихонова, Г. Ф. Войтенкова, Е. Ш. Гонтмахер, С. А. Айвазян и многие другие;
- сторонники субъективного подхода В. А. Ядов, Е. Е. Задесенец, Г. М. Зараковский, А. Г. Здравомыслов, Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков, Г. В. Осипов, О. Н. Яницкий, В. В. Радаев, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина, П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова и ряд других.

Немало современных отечественных исследований качества жизни населения опираются на концепции человеческого развития. Как правило, уровень жизни исследуется с позиции структурно-функционального подхода. Однако российские разработки известных авторов отличаются системами показателей, основанных на авторских трактовках. Из этого следует, что в настоящее время в качестве важной задачи при изучении проблем качества жизни населения выступает включение субъективных оценок в исследование как необходимых составляющих.

В ходе социологических исследований выявлены качественные изменения в уровнях доходов и благосостояния российских граждан, а также трансформация социальных стандартов из стандарта выживания в стандарт потребительского выбора [18]. Актуализацией проблемы исследования удовлетворенностью жизнью населением страны стал и экономический кризис 2014 г.

В 2014–2019 гг. представлен широкий круг монографических работ по анализируемой проблематике в России. В указанный период наблюдается смещение исследовательских акцентов в изучении региональных особенностей качества жизни населения страны. Современные российские ученые [2; 6; 9; 15; 21], изучая понятие качества жизни, обосновывают мысль о необходимости учета сложности характера взаимосвязи объективных и субъективных условий жизни населения различных субъектов РФ, особенно если данное влияние отрицательно (проявляется, например, в стрессах, депрессиях, тревожности или отсутствии безопасности). Исследования показали следующее:

- 1) социально-демографические характеристики конкретной территории страны определяют оценки удовлетворенностью жизнью лишь около 10–15 % респондентов;
- 2) на оценки удовлетворенностью жизнью человека влияет национальная принадлежность;
- 3) уровень жизни зависит от социально-экономического положения региона.

Достижение высоких стандартов жизнеобеспечения регламентируется и нормативно-правовыми документами России. В данном контексте особое значение должно быть уделено региональному измерению качества жизни населения ввиду существующей дифференциации субъектов страны. Достижение показателей эталонных регионов по уровню и удовлетворенности жизнью граждан других субъектов России позволит улучшить качество жизни населения, что служит наиважнейшей целью социальной политики и определяет будущее страны.

В настоящее время подходы к рассмотрению категории «качества жизни» в аспекте индивидуума и в аспекте определенного сообщества людей породили разноеобразие оценок качества жизни населения. Данное обстоятельство вызвано не столько методологическими разночтениями при несовпадении подходов, сколько особенностями наполнения и применения термина «качество жизни». Перед исследователями стоял вопрос выбора приоритетов. Это главенство ощущения богатства у населения либо обеспеченность необходимыми предметами потребления и услугами, или важнейшим является чувство достижимости благ, полезность которых признается наивысшей? Что именно в определении качества жизни важнее: окружающие условия или восприятие указанных условий индивидуумом?

Теоретические и прикладные исследования отечественных ученых определили специфику факторов, формирующих как благосостояние населения различных территориальных единиц России, так и особенности в формировании потребностей, определяющиеся региональными аспектами и возможностями их удовлетворения населением. В данном контексте ограниченности социальной статистики повышается ценность информации, получаемой вследствие социологических исследований.

Объективная оценка качества жизни населения Северной Осетии исследована с 2005 по 2019 г. При оценке качества жизни один из важнейших показателей — средняя продолжительность жизни, от которого напрямую зависят и состояние здоровья населения страны, и движение населения. Ожидаемая продолжительность жизни обоих полов Республики на протяжении пяти лет неуклонно возрастает [17]. Снижение общей численности за десятилетний период (2010–2019) составило 13 727 человек. Данная тенденция является следствием ряда фактов: отъезд горского населения в города, слабое развитие горной инфраструктуры, безработица среди молодежи и женщин. Сокращение численности населения определил и миграционный отток, особенно русскоязычного населения, по причине террористических актов на территории Республики.

В отличие от других регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), в Северной Осетии наблюдался волновой характер прироста численности: в 2007, 2010 и 2013 гг. он являлся положительным. Структура населения [17] представлена следующим образом: доминирует женское население (46,2 и 53,8), на 4–10 % рождается больше мальчиков, перераспределение наблюдается после 30–35 лет, в группах после 40 лет лидируют женщины.

Миграционный прирост для Республики имеет огромное значение ввиду политических и социально-экономических причин в жизни общества за последние 20 лет. В основном труд беженцев используется в низкооплачиваемых местах, он не престижен. Негативный аспект пребывания иностранной рабочей силы на территории Северной Осетии — преступность. Среди зарегистрированных преступлений только за пять лет иностранными гражданами совершено 2 % от общего числа преступлений.

Демографические процессы привели к изменению возрастной структуры населения Республики Северная Осетия — Алания. Коэффициент нагрузки трудоспособного населения свидетельствует о том, что на 1 000 человек трудоспособного населения в этой Республике в 2005 г. приходилось 672 человек, в 2018 г. — 794 человека. Рассчитано и проанализировано, что количество иждивенцев на потенциальных работников увеличивается ежегодно. Динамика коэффициента отражает высокий процент нетрудоспособного населения. Как показывают расчеты, демографическая нагрузка пожилыми и демографическая нагрузка детьми трудоспособного населения в Республике Северная Осетия — Алания высока, составляет за последние 10 лет более 40 % от общей численности трудоспособного населения. Смертность мужской части общества — актуальная современная проблема.

Доказано, что благосостояние населения определяет качество жизни населения и зависит от его доходов, состав которых определяется уровнем пенсий, заработной платы, величиной их пособий и стипендий. Исследуя динамику среднемесячной заработной платы работающих в экономике, а также денежные доходы (в среднем на душу населения в месяц) можно отметить, что с 2005 по 2018 г. в Республике происходил рост зарплат. За десятилетний период денежные доходы (в среднем на душу населения в месяц) возросли на 45 %. Основное влияние на формирование качества жизни населения имеет сфера работы людей. Наиболее низкой заработной платой остается у работников транспорта, сельского хозяйства, культуры и искусства. В 2018 г. численность безработных граждан составила 7,3 тыс. человек (по сравнению с 2017 г. — 8 442 чел., 2016 г. — 9 054 чел.), среди которых большая часть людей нуждаются в дополнительной социальной защите.

Известно, что качество жизни населения зависит от покупательной способности денежных доходов жителей Северной Осетии. На этот показатель влияют

и объем сбережений людей (вклады, ценные бумаги, валюта), и величина расходов. Такие величины отражают потенциальные возможности людей. Именно от них зависит способность приобретения товаров и услуг, возможность внесения разнообразных взносов.

Уровень благосостояния в Республике Северная Осетия — Алания отличается от российского. Анализ выявил снижение динамики роста среднедушевых доходов. Заработная плата лидирует в структуре денежных (2014 г. — 26,2 %, 2018 г. — 26,9 %) и прочих доходов (2010 г. — 31,1 %, 2014 г. — 29,7 %, 2018 г. — 29,8 %). Заметен рост в доходах населения Республики Северная Осетия — Алания доли социальных выплат: от 16,4 % в 2008 г. до 21,7 % в 2010 г., от 22,1 % в 2014 г. и до 22,7 % в 2018 г. Доля обязательных платежей и взносов в общих расходах населения Республики неуклонно возрастала — от 3,6 % 2000 г. до 6,0 % в 2014 г. Динамика указанных показателей выявила снижение качества жизни населения Северной Осетии. Данное обстоятельство произошло, несмотря на рост основных экономических показателей, увеличение доходов населения, заработной платы.

Вектором установленной стабильности является положительная динамика накоплений и сбережений населения Республики во вкладах и ЦБ. Прирост денежных активов населения с 2010 г. имел волнообразный характер и неуклонно снижался. К 2014 г. показатель составил 17,3 %, а в 2018 г. — уже 11,9 %. Данное обстоятельство указывает на отрицательную динамику за анализируемый период. В 2014 г. уровень коэффициента фондов и коэффициент Джини по Республике Северная Осетия — Алания составил 0,377 пунктов, в 2018 г. — 0,364, что также является важным для анализа качества жизни населения Республики.

Значительный разброс в величинах доходов населения Северной Осетии привел к дифференциации в возможностях удовлетворения основных потребностей. Данный фактор — еще одно подтверждение снижения качества жизни населения Республики. Следовательно, логичен вывод о сложившихся в Северной Осетии слоях, о слое бедных и диаметрально противоположном обеспеченном слое. Неутешительны значения динамики показателя численности населения с доходами населения ниже прожиточного минимума. В Республике Северная Осетия — Алания этот показатель зафиксировал колебания в 2010 (10,5 %), 2014 (12,1 %), 2015 (14,1 %), 2016 (14,3 %), 2017 (14,4 %), 2018 (14,2 %) гг.

Экономика Республики характеризуется приростом валового регионального продукта (ВРП). За десятилетний период ВРП Республики увеличился вдвое, наблюдается положительная динамика отношения объема ВРП к среднегодовой численности населения. Потребление благ домашними хозяйствами, рассчитываемое на душу населения Северной Осетии, также является важнейшей характеристикой качества жизни населения. Динамика фактического конечного потребления домашних хозяйств имеет устойчивый рост за 2005–2018 гг. Сравнивая динамику потребительских расходов домашних хозяйств, можно заключить, что показатель «покупка товаров и оплата услуг» в Республике с 2015 г. имеет стабильный рост.

Приведем анализ трудовых ресурсов Республики Северная Осетия — Алания. Максимальное значение экономически активного населения зафиксировано в 2010 г. (378,5 тысяч человек). Далее наблюдался спад динамики показателей, вплоть до 2018 г., где уровень занятости составил практически половину населения — 58 % (в 2017 г. уровень занятости равен 55,2 %).

Образование — следующий показатель, влияющий и характеризующий качество жизни населения Северной Осетии. Численность воспитанников дошкольных образовательных организаций к 2010 г. была 26,1 тыс. человек, а в 2018 г. на-

считывалось 34,7 тыс. человек. Осетия на Северном Кавказе в течение нескольких лет занимает третье место по количеству общеобразовательных организаций. При этом среди субъектов СКФО Республика Северная Осетия — Алания хорошо обеспечена инфраструктурой для школьного и дошкольного образования.

На рынке образовательных услуг Республики на фоне ежегодного сокращения населения с 2006 по 2009 г. стабильную тенденцию к росту имела численность студентов государственных высших учебных заведений Республики. В данном случае положительную роль сыграл фактор «культы образования» у молодого поколения, а также стремление молодежи вложиться в формирование качества собственного человеческого капитала, т. е. в образование, профессиональную переподготовку. Однако с 2014 по 2018 г. доля обучающихся в общей численности молодежи (лиц младше 24 лет) имеет стабильную положительную тенденцию к уменьшению. Невостребованность квалифицированных кадров на рынке труда порождает отток молодежи в крупные российские города: Ростов-на-Дону, Краснодар, Сочи, Москву, Санкт-Петербург, Норильск, Владивосток.

В Республике спрос на услуги возрастает. Несмотря на уменьшающуюся численность населения, доля учащихся растет, а совокупная численность учащихся снижается. Этот «скачок» наблюдается в 2018 г. Молодое поколение осознает, что ключевым элементом квалификации в настоящее время выступает уровень образования. Поэтому затраты на собственное образование и профессиональную подготовку рассматриваются как один из наиболее эффективных видов капиталовложений. Общеизвестно, что вложения в получение качественного человеческого потенциала неопределимы, а инвестиции в образование формируются частными инвестициями.

Рассмотрим и такой показатель качества жизни, как здравоохранение. С 2005 по 2018 г. численность врачей в Республике имела волновой характер. В отношении количества амбулаторно-поликлинических организаций прослеживается стабильный рост. Однако численность фельдшерско-акушерских пунктов в Республике снизилась практически в два раза: от 72 ед. в 2005 г. до 34 ед. в 2018 г. В частности, во Владикавказе развита сеть учреждений здравоохранения. Наблюдается постоянное обеспечение населения врачами в расчете на 10 000 человек. Каждый год увеличивается количество родившихся и уменьшается количество умерших. Учреждения данной отрасли обеспечиваются современным медицинским оборудованием.

Применение объективного подхода позволило выявить и проанализировать факторы и условия, определяющие особенности качества жизни населения Республики Северная Осетия — Алания, заключающиеся в следующем:

- в период национальной напряженности произошло изменение баланса этнического состава (отток русскоязычного населения);
- Республика характеризуется дефицитом бюджета (превышением расходов над доходами);
- за 2010–2017 г. Республика занимала последние рейтинговые места среди субъектов РФ;
- отъезд горского населения в город, слабое развитие горной инфраструктуры, безработица среди молодежи и женщин, в горах практически отсутствовала система бытового обслуживания населения;
- уменьшение численности населения трудоспособного возраста и увеличение нагрузки на его трудоспособную часть; снижение численности экономически активного населения;
- высокая степень расслоения доходов и рост численности людей с минимальными доходами.

В современном пространстве для человека предусмотрен максимально возможный объем благ. Разнообразие человеческих потребностей усложняет оценку структуры благосостояния общества в настоящее время. Но, учитывая, что интересы, а также всесторонние потребности людей разнятся, оценить степень удовлетворения их под силу каждому из членов этого общества.

Таким образом, исследования и анализ содержания качества жизни человека / социальной группы / общества в целом возможны только при условии применения совокупного, комплексного анализа составляющих качества жизни людей (одновременного применения объективного и субъективного подходов). В этом случае комплексные оценки затрагивают и отражают более широкий спектр факторов существования современного человека / общества / социальной группы, подлежащих измерению, предоставляют исследователям огромную базу для осуществления глубокого социологического анализа.

Практика применения комплекса методов и подходов востребована и способствует достижению целостной картины процессов современной социальной реальности. Комбинирование позволяет провести более широкий анализ накопленных эмпирических исследований. Данное обстоятельство необходимо при изучении проблематики качества жизни населения, поскольку применение нескольких методов повышает надежность исследования и предоставляет огромную базу для анализа.

Особенности качества жизни населения Республики Северная Осетия — Алания установлены посредством субъективного метода. В 2014 и 2018 гг. проведены следующие эмпирические социологические исследования:

- качества и уровня жизни населения Республики Северная Осетия — Алания (анкетный опрос);
- социального самочувствия населения Республики Северная Осетия — Алания по методике, разработанной Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой.

Целью исследования качества и уровня жизни населения Республики Северная Осетия — Алания послужил анализ субъективных оценок качества жизни жителями Республики (характеристики выборки — квотная; признаки квотирования — пол, возраст, образование, уровень дохода). Социологические исследования проводились для выявления мнений (качественных характеристик) жителей Северной Осетии относительно различных сфер жизни.

Проблема здоровья значима для приблизительно 55 % респондентов в анализируемые периоды. Люди свыше 65 лет не удовлетворены состоянием собственного здоровья, как и в возрастных группах 18–25 и 26–35 лет. В 2018 г. оптимистичный настрой ответивших «отлично» снизился на 13 %. Респонденты отметили по степени влияния негативные факторы, способствовавшие ухудшению их самочувствия. В их числе — снижение социального статуса и места в обществе (9 %) и непростые семейные отношения (7 %).

Практически половина респондентов (46 %) в 2014 г. определила уровень самочувствия как «хорошее состояние душевного равновесия, ощущения комфорта и стабильности в жизни». В 2018 г. этот показатель увеличился вдвое. В категорию тех, кто испытывал пессимизм от ухудшения здоровья, вошли в основном малообеспеченные женщины и мужчины 56–65 лет и старше; малообеспеченные респонденты, среднедоходная группа людей с высшим образованием. Основными субъективными показателями ухудшения социального самочувствия для респондентов стали снижение социального статуса и места в обществе (в среднедоходной группе у людей трудоспособного возраста, как женщин, так и мужчин), сложные семейные отношения (особенно у женщин и мужчин 36–45 лет) и отношения с соседями (высокодоходная

группа, женщины), а также наихудшие отношения с руководством на работе (женщины 18–25 лет и мужчины 26–35, 36–45, 46–55 лет).

Респонденты в целом удовлетворены местом работы, уровнем квалификации, отношениями с коллегами и графиком рабочего времени. Однако исключение составляют вопросы оплаты труда, невозможность карьерного роста и недовольство занимаемой должностью.

Для большинства респондентов Республики характерна удовлетворенность основными критериями уровня современной жизни – качеством одежды и качеством питания. Огромным спросом у населения Северной Осетии пользуются пункты общественного питания, две трети ответивших удовлетворены ими. Как отметили респонденты, для них и их семей по степени важности наиболее значимы расходы на питание. После этого ими планируются расходы на одежду, бытовую технику и т. д. По остаточному принципу в семьях исчисляются расходы на оплату различных услуг. Респонденты выделяют расходы на отдых. Однако, отмечая их важность (а это треть опрошенных), потратиться на них могут лишь 10 % респондентов. Практически 50 % выделили расходы на покупку алкоголя.

Вместе с тем удовлетворены оплатой своего труда представители правоохранительных органов, военные, а также государственные/муниципальные служащие. Среди тех, кто наиболее не удовлетворен оплатой труда, — работники сферы образования и здравоохранения, представители торговли и бытового обслуживания. На неудовлетворенность населения услугами здравоохранения, в том числе качеством обслуживания в государственных медицинских учреждениях, как показатель качества социальной сферы Республики указали треть респондентов в 2014 г. В 2018 г. наблюдалась положительная тенденция в настроениях опрошенных относительно состояния сферы здравоохранения Республики. Около 60 % опрошенных удовлетворены полученным высшим образованием и качеством предоставляемых услуг в дошкольных образовательных учреждениях. Данные положительные оценки возрастают в 2018 г.

Следующий показатель уровня жизни — удовлетворенность таким ее параметром, как качество услуг жилищно-коммунального хозяйства. Выше «среднего» респонденты не смогли определить качество услуг предприятий отрасли. В исследуемые периоды выявлены и причины неудовлетворенности качеством жилья. В частности, жилые помещения требуют капитального ремонта (около трети опрошенных), косметического ремонта (более половины опрошенных). Только десятая часть респондентов проживают в новостройках. Еще одной причиной неудовлетворенности является трудность оплачивания счетов по коммунальным услугам, отсутствие субсидий на оплату коммунальных услуг. Наибольшая неудовлетворенность связана с качеством оказания услуг работы ЖЭК и управляющих компаний, что отметили 52 %. Пессимистичные оценки 2018 г. не слишком отличаются от мнений 2014 г.

В данном русле оценен еще один параметр — качество транспортного обслуживания, не оставивший равнодушным ни одного респондента. Практически у половины опрошенных оптимистичные настроения в отношении состояния дорог, остановок, общественного транспорта и работы дорожных служб. Вместе с тем пессимистичные суждения присутствуют у трети населения, особенно у людей 56–65 лет и выше.

Важен и такой выявленный факт, как удовлетворенность пожарными службами и МЧС — лидеров по доверию населения Республики и качеству выполняемой работы. Оценка качества окружающей среды Республики Северная Осетия — Алания респондентами неудовлетворительная. Относительно перспектив по улуч-

шению состояния окружающей среды в 2018 г. зафиксировано снижение пессимистических настроений на 20 %.

Наблюдается интерес у населения к социальным программам Республики и прослеживается положительная оценка по их реализации и в настоящее время. Как удовлетворенность деятельностью органов местного самоуправления, так и удовлетворенность доступностью/открытостью органов местного самоуправления для решения проблем населения выражают не более половины респондентов.

И в тот, и в другой анализируемые периоды количество собирающихся в ближайшее время выехать в другую Республику или другой регион РФ на постоянное место жительства не превышало 10 %. Наряду с этим присутствуют размышления респондентов, «рассматривающих возможность переезда». 50 % респондентов не считают необходимым менять место жительства.

Удовлетворенность культурной сферой Республики выше среднего, она востребована и развивается в соответствии со спросом. Большой интерес у опрашиваемых вызывало качество спортивных сооружений. Практически втрое сократилась численность не интересующихся данной сферой. Кинотеатры и театры — излюбленные и доступные для респондентов учреждения в Северной Осетии. Привлекательными аспектами выступают недорогие входные билеты и качество услуг указанных учреждений культуры.

Уровень материального благополучия можно признать основополагающим фактором, оказывающим влияние на социальное самочувствие населения Республики. Он формирует ожидания и настроения людей, является мерилем удовлетворения потребностей индивидуумов и различных социальных групп. В свою очередь важнейшая составляющая материального благополучия — покупательная способность. Исследования 2014 г. показали, что в Северной Осетии преобладал среднеобеспеченный слой — 52 %. Средний класс составил 32 %, а малообеспеченные граждане — 6 %. Самую низшую ступень представляют 4 % респондентов. В 2018 г. произошло перераспределение соотношения численности в слоях: среднеобеспеченные граждане — 32 %, малообеспеченные — 13 %, средний класс — 46 %, на низшей ступени — 5 %. Динамика благосостояния жителей Осетии расценивается удовлетворительно. Тем не менее установлен малообеспеченный пласт.

В 2014 г. около 50 % опрошенных пожелали, чтобы им оказывалась дополнительная помощь. 44 % респондентов акцентировали внимание на получении материальной помощи, 31 % — желали бы улучшить свое жилье. Остальные указали на необходимость поддержки родителей (12 %). Выявлены две группы (по 12 %) тех, кто хотел бы, чтобы им оказывали разностороннюю моральную поддержку родные, друзья и окружающие (соседи, коллеги). Очевиден тот факт, что респонденты, совместно проживающие с пожилыми людьми, являющимися родственниками, считают их пенсии существенной материальной поддержкой в семье. Респонденты-женщины, причем в группах с разным материальным положением, чаще мужчин нуждаются, судя по ответам, в получении социальной помощи. Около 50 % опрошенных желали бы получать подобную помощь.

По степени значимости для респондентов Республики актуальны проблемные аспекты, вызывающие неудовлетворенность и беспокойство. В частности, в 2014 г. в большей степени одним из таких существенных аспектов стала неудовлетворенность материальным благосостоянием. Негатив у респондентов вызывает неудовлетворенность экологией, а также состояние проезжей части дорог и транспорт, далее — проблемы в сфере ЖКХ, управляющих компаний, благоустройства города, отсутствия перспектив трудоустройства и низкого качества образования. В 2018 г. мнения респондентов распределились иначе. В первую очередь речь

идет о чувстве неудовлетворенности у респондентов уровнем заработной платы, а также экологией. В этом же году как неудовлетворительное респонденты оценивают состояние дорог на территории города, школьное образование, трудности, связанные с трудоустройством. В 2018 г., как и в 2014 г., десятая часть респондентов планировала выехать в ближайшее время на постоянное место жительства в другую Республику.

В ходе исследования социального самочувствия Северной Осетии (в дополнение к анкетированию) выделены особенности современной социокультурной ситуации в Республике Северная Осетия — Алания, определенные местными специфическими факторами. Самочувствие населения [3] является важным индикатором (субъективным индикатором качества жизни населения), отражающим результат происходящих социальных трансформаций в конкретном субъекте страны. Цель исследования — установление социального портрета современного общества Северной Осетии для анализа качества жизни населения Республики (характеристики выборки — квотная; признаки квотирования — пол, возраст, образование, место проживания, тип поселения).

Прежде всего в 2014 и 2018 гг. выявлены три основные острые социальные опасности с опорой на мнение населения Северной Осетии: бедность, преступность, произвол со стороны чиновников и правоохранительных органов. В 2018 г. наблюдалась положительная динамика по двум индексам: защищенности от опасностей (Кз) (+0,02) и удовлетворенности жизнью в целом (Куж) (+0,15). Только треть опрошенных твердо уверены «в своем будущем». При этом всего 29,4 % ответили, что «стали жить лучше». 33,2 % населения настроены на то, что в перспективе «будем жить несколько лучше», т. е. менее половины респондентов настроены оптимистично. Люди недостаточно уверены в завтрашнем дне (–16,9 по стратегическому оптимизму). Обнаружено незначительное движение индикаторов в отрицательную сторону (т. е. увеличение пессимистичных ответов). Однако в тактическом оптимизме наблюдаются положительные в значительной степени аспекты.

Динамика показателя степени удовлетворенности населения Северной Осетии своей жизнью в целом (индекс Ку) подтвердила, что жители Республики в большей степени удовлетворены своей жизнью. Такой ответ дали практически половина респондентов. Полностью удовлетворены — в четыре раза меньше (шестая часть опрошенных). Наиболее малочисленную группу (менее 10 %), что крайне важно, составляют «совсем не удовлетворенные». Относительно своей социальной жизни в анализируемые периоды респонденты высказались оптимистично. Население Республики не склонно к панике. При этом наблюдается настрой на позитивные сдвиги в перспективе.

В динамике стратегический оптимизм не показал высоких результатов, однако, он увязан с другими показателями. Снижение уровня от 48,1 % положительных ответов до 31,2 % не следует категорично принимать как критичное. Опрошенные не уклонялись от этого вопроса, не зафиксировано игнорирование (люди активно рассуждают об уверенности в своем будущем). Общая оценка жизни (Ко2) в 2018 г. улучшилась относительно суждений 2014 г. Тактический оптимизм на ближайший год (Ко3) также суммарно отобразил положительную тенденцию в ответах респондентов.

Итак, можно резюмировать, что индекс социального самочувствия (ИСС) населения Республики Северная Осетия — Алания в 2014 г. составил 0,58, а в 2018 г. — 0,63. Согласно Н. И. Лапину, данные значения ИСС принадлежат диапазону от 0,51 и выше, а значит, социальное самочувствие общества Республики в анализируемые годы устойчиво. Рассмотрены индексы социального само-

чувствия населения Республики в 2014 и в 2018 гг. в социальных группах в зависимости от возраста, образования, принадлежности к доходной группе в восьми муниципальных образованиях и муниципальном образовании г. Владикавказ.

Индекс социального самочувствия в социальных группах имел устойчивую положительную тенденцию во всех муниципальных образованиях Республики: максимальное значение индекса наблюдалось в Моздокском районе (0,71), в муниципальном образовании г. Владикавказ (0,66) и Пригородном муниципальном образовании (0,64). Данное обстоятельство объясняется уровнем жизни в характеризующих муниципальных образованиях: наличием крупных промышленных предприятий, развитого сельского хозяйства и инфраструктуры, рабочих мест и т. п. Наименьшее значение ИСС по муниципальным образованиям зафиксировано в Ирафском муниципальном образовании (0,57). Наименьшее значение коэффициента защищенности отмечено у представителей самой взрослой возрастной категории (0,56), у высокообеспеченной группы населения (0,54) и лиц без образования (0,56). Данные социальные группы наиболее подвержены повседневным рискам, критично осознают их, сталкиваются с ними в настоящее время и остро реагируют на их влияние. Соответственно, рассмотренные социальные группы опасаются таких социальных опасностей, как бедность, преступность, произвол со стороны чиновников и правоохранительных органов.

Наименьший индекс удовлетворенности жизнью зафиксирован в старшей возрастной группе. В остальных социальных группах не наблюдалось улучшения — величина индекса в анализируемые периоды одинакова. Вместе с тем падение коэффициента зафиксировано у людей со средним и средним специальным образованием (наличие образования помогает респондентам быть уверенными в завтрашнем дне, получать иное количество благ, рассчитывать на более высокий заработок и место работы) и в социальной группе людей, являющихся высокообеспеченными, а также в малообеспеченной группе населения. Единственной удовлетворенной жизнью социальной группой населения оказалась та, у которой доходов хватает на повседневные затраты и которая довольствуется тем, что имеет, несмотря на выявленные социальные опасности.

Наиболее оптимистично настроенные среди населения Республики — это молодые люди до 30 лет, а более пессимистичные — представители средней и старшей возрастных групп, имеющие среднее и среднее специальное образование (в отличие от молодых людей, имеющих высшее образование, которые наиболее удовлетворены жизнью). В отношении покупательской способности оптимизм не наблюдался ни у одной из анализируемых социальных групп. Отрицательная динамика получена и в малоодоходной, и в средне-, и в высокоодоходной группах населения. Ощущая дефицит социальных благ, человек испытывает негативное социальное самочувствие, являющееся эмоциональной реакцией на возможности в существующей системе социальных благ. Поэтому удовлетворенность жизнью человека связана, прежде всего, с уровнем его образования, местом проживания, самооценкой материального положения, а также с уверенностью в завтрашнем дне.

Поэтому выявленные респондентами опасности предоставляют возможность сформулировать насущные проблемы, остро стоящие перед обществом Республики. Использование комплексного подхода (применение объективного и субъективного подходов одновременно) предоставляет возможность рассмотрения и дальнейшего анализа социокультурных процессов, влияющих на качество жизни населения Республики Северная Осетия — Алания, для сопоставления с другими республиками Северного Кавказа.

Литература

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М.: Наука, 2012. 432 с.
2. Ахмедуев А. Ш. Проблемы и стратегические приоритеты социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа России // Региональная экономика: теория и практика. Т. 13. № 34. 2015. С. 14–29.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 2014. 788 с.
4. Бестужев-Лада И. В. Современные концепции уровня, качества и образа жизни. М.: ИСИ АН СССР, 1978. 98 с.
5. Гвишиани Д. М. Теоретико-методологические основания системных исследований и разработка проблем глобального развития // Системные исследования: методологические проблемы: ежегодник. М.: Наука, 1982. С. 7–25.
6. Глухов А. П., Булатов Т. А. Качество жизни: региональный аспект социокультурной составляющей модернизации // Философские науки. 2017. № 3. С. 86–101.
7. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. 408 с.; Манн Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Избранник. М.: Гослитиздат, 1960. 672 с.
8. Давыдов А. А. Системная социология — социология XXI века? // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 20–25.
9. Дугаржапов З. Б. Институциональные особенности как фактор социально-экономических различий регионов // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 2: Экономика. Право. С. 85–88.
10. Йосио Кондо. Управление качеством в масштабах компании: становление и этапы развития / пер. с англ. Е. П. Маркова, И. Н. Рыбаков; науч. ред. А. В. Глазунов, В. А. Лапидус, М. Е. Серов. Нижний Новгород: Приоритет, 2002. 252 с.
11. Калина Г. В. Качество жизни как феномен социального развития // Вестник Чувашского университета. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та им. И. Н. Ульянова, 2006. № 7. С. 67–79.
12. Ковынева О. А., Герасимов Б. И. Управление качеством жизни населения. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 88 с.
13. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
14. Нагимова А. М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 306 с.
15. Пашанов Э. Л. Методика оценки развития региональных социально-экономических систем // Управление экономическими системами. 2012. № 6. С. 14–36.
16. Песоцкий В. А., Жебит В. А. Методологические особенности исследования социальных систем в их развитии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 90–97.
17. Республика Северная Осетия — Алания в цифрах, 2019: краткий стат. сборник // ОП Северо-Кавказстата по Республике Северная Осетия — Алания. Владикавказ, 2019. 216 с.
18. Российское общество и вызовы времени / под общ. ред. М. Горшкова, В. Петухова. М.: Весь мир, 2017. 424 с.
19. Ростом У. Стадии экономического роста / пер. с англ. В. П. Марченко. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер, 1961. 242 с.
20. Савинов Л. И. Социология закономерностей социальных систем // Регионология. 2012. № 4. С. 80–83.
21. Сизикин А. Ю. Формирование и развитие модели самооценки качества жизни населения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 40 (133). С. 68–76.
22. Сорокин П. А. Система социологии / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общ. ред. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
23. Субетто А. И. Качество жизни. Грани проблемы. СПб.; Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2004. 170 с.
24. Субетто А. И. Слово (словесная вязь коротких мыслей). СПб.; Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2012. 194 с.
25. Тоффлер Э. Третья волна = TheThirdWave, 1980. М.: АСТ, 2010. 784 с.

Е. В. Щекотин

Цифровые технологии в социальных науках: предмет и метод цифровой социологии*

E. V. Shchekotin. Digital Technologies in Social Sciences: Subject and Method of Digital Sociology

Статья посвящена развитию нового направления исследований в социальных науках — цифровой социологии. Данное направление связано с применением новых цифровых технологий для изучения социальной реальности. Изложены проблемы восприятия цифровой социологии социологическим сообществом. Рассматривается вопрос об использовании таких технологий, как большие данные и интеллектуальный анализ данных в социологических исследованиях.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая социология, социологические методы, большие данные, интеллектуальный анализ данных.

Контактные данные: 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56; (383) 243-95-01; e-mail: evgvik1978@mail.ru.

The article is devoted to the development of a new direction of research in the social sciences — digital sociology. This direction is connected with the use of new digital technologies for the study of social reality. The article discusses the problems of perception of digital sociology by the sociological community, discusses the use of technologies such as big data and data mining in sociological research.

Keywords: digitization; digital sociology; sociological methods; big data; data mining.

Contact Details: Kamenskaya St. 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099; (383) 243-95-01; e-mail: evgvik1978@mail.ru.

Цифровая (или дигитальная) социология — это направление в современной социологии, оформившееся в 2010-е гг. и связанное с изучением новых форм социальной реальности, обусловленных проникновением различных информационно-коммуникативных технологий в повседневную жизнь и практику людей. Речь идет как о новых социальных явлениях, вызванных появлением и развитием интернета в последние три десятилетия, технических устройствах, использующих интернет, так и о новых методах исследования социальной реальности, которые приходят из сферы компьютерных наук.

Кроме того, социологи давно обратили внимание на такие новые исследовательские области, предметы и объекты исследования в социальных науках, которые конституируются по мере расширения интервенции информационно-коммуникативных технологий в мир повседневности. Со времени появления интернета в социологии возникло несколько субдисциплин, которые фокусировались на изучении социальных аспектов информационно-коммуникативных технологий. В частности, социология интернета, социология социальных сетей, социология

Евгений Викторович Щекотин — доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат философских наук, доцент; научный сотрудник Лаборатории наук о больших данных и проблемах общества Томского государственного университета.

© Щекотин Е. В., 2020

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00391.

онлайн-сообществ, иные направления исследований прочно вошли в структуру социологического знания.

Сегодня эти направления интегрируются в рамках более глобального (и одновременно неопределенного) концепта — цифровой социологии [1], что обусловлено размахом процессов цифровизации и цифровой трансформации, с которыми связаны модернизационные тренды последнего десятилетия в сфере экономики, бизнеса, образования, государственного управления, социальной сфере и т. д. Цифровая трансформация подразумевает внедрение различных IT-технологий в работу организаций и компаний с целью повышения эффективности и скорости всех процессов взаимодействия как внутри этих организаций и компаний, так и во взаимодействии с внешней средой. В результате цифровой трансформации происходит превращение социальных институтов — экономики, государства, образования и т. д. Возникают такие концепты, как «цифровая экономика», «цифровое (электронное) правительство», «цифровое образование». Сегодня цифровая трансформация рассматривается как важнейший инструмент повышения конкурентоспособности для коммерческих, некоммерческих организаций и компаний, независимо от сферы деятельности [2]. В качестве примера приведем только один такой «цифровой» концепт — это «цифровая экономика». Н. Срничек пишет, что «цифровая экономика включает в себя компании, которые в своих бизнес-моделях все в большей степени опираются на информационные технологии, работу с данными и интернет» [3, с. 10].

Учитывая, что цифровые технологии внедряются в традиционные сектора экономики (промышленность, транспорт, сферу услуг, телекоммуникацию и др.), то цифровая экономика становится важнейшей частью современной экономики. Она является сферой, где возникают практически все инновации и драйверы развития. Поэтому справедливо, что цифровая экономика «предстает как идеал» для современного капитализма. Н. Срничек отмечает, что «цифровая экономика становится моделью гегемонии: города должны стать «умными», бизнес — про-рывным, рабочие — гибкими, а правительства — бережливыми и “интеллектуальными”» [3, с. 11]. Возникает совершенно новая бизнес-модель на основе анализа данных — «капитализм платформ».

Социологи активно включаются в исследование новых социальных реалий, новых социальных объектов и процессов, которые обусловлены цифровой трансформацией и распространением цифровых технологий. Другой аспект цифровой социологии заключается в использовании новых методов изучения социальной реальности, нетрадиционных с точки зрения классической социологической методологии, но более релевантных природе цифрового общества. Принятие этих методов происходит с большим трудом, хотя маркетингологи и политтехнологи уже активно и очень успешно применяют эти методы в своей практической деятельности около двадцати лет, с начала 2000-х гг. Р. Роджерс предлагает новые методы в социологии называть «цифровыми» [4].

Считается, что термин «цифровая социология» (digital sociology) введен американским социологом Дж. Уинном, который проанализировал свой личный опыт применения медиа и технологий для сбора информации в «поле» и последующей ее обработки, и в процессе обучения студентов [5]. Дж. Уинн в своей статье не пишет о масштабных сдвигах в социологии. Он выдвигает скромный тезис о том, что использование некоторых медиатехнологий (например, сайта) может принести определенную пользу в исследовательской и педагогической практике социолога (например, для представления данных). Настороженный консерватизм в отношении цифровых технологий со стороны значительной части российских социологов отмечает Ю. Н. Толстова. Она полагает, что хотя компьютерные технологии яв-

ляются привычными для социологического сообщества, все же «социологи игнорируют новые IT» [6, с. 7].

Тем не менее, несмотря на сохраняющийся ригоризм социологического сообщества в отношении применения цифровых технологий в качестве методов социологического исследования, ситуация быстро меняется, особенно в последние три–пять лет. Первая обобщающая монография о цифровой социологии вышла в 2015 г. (D. Lupton «Digital Sociology»). С этого времени появилось немало теоретических и эмпирических работ, выполненных в русле цифровой социологии. Д. Лаптон выделяет четыре компонента, составляющие содержание цифровой социологии:

- 1) профессиональная цифровая практика (использование цифровых инструментов в рамках социологической практики, создание научных сетей, онлайн-профилей, публикация и обмен исследованиями, консультирование студентов);
- 2) анализ применения цифровых технологий (изучение того, как использование людьми цифровых технологий формирует их самоощущение, их воплощение и их социальные отношения, а также роль цифровых медиа в создании или воспроизводстве социальных институтов и социальных структур);
- 3) анализ цифровых данных (использование цифровых данных, генерируемых пользователями, для социальных исследований, количественных и качественных);
- 4) критическая цифровая социология (рефлексивный анализ цифровых технологий с точки зрения социальных и культурологических теорий) [7, р. 15–16].

Каждая из этих составляющих цифровой социологии является самостоятельным и важным направлением исследований. Процесс цифровизации оказывает большое влияние на трудовую жизнь и личность социологов. Многие аспекты научных исследований и процесса обучения претерпели трансформацию под воздействием новых цифровых технологий. Первая составляющая — профессиональная цифровая практика — имеет отношение к тому, как социологи (и другие ученые) используют эти цифровые инструменты. Изначально социологи медленно и неохотно включали цифровые технологии в свою профессиональную практику (это касается как коммуникации, создания виртуальных сообществ, так и использования интернет-опросов), что, по мнению Б. Фаррелла и Дж. С. Петерсона, удивительно, поскольку социологи традиционно являлись инноваторами в сравнении с представителями других социальных наук, особенно в том, что касается развития и усовершенствования техник сбора данных [8]. Постепенно ситуация начинает исправляться, и социологи активнее вовлекаются в использование цифровых технологий для создания сетей как внутри научного общества, так и с людьми вне его, популяризации и повышения влияния своих работ и изучения работ других социологов.

Вторая составляющая цифровой социологии — анализ использования цифровых технологий. Относительно недавно социологи обратились к изучению того, как «Я», личность, представляется посредством цифровых технологий, как они инкорпорируются в повседневную рутинную жизнь и деятельность людей, как люди узнают о мире посредством цифровых технологий, как различаются доступ и их использование для разных категорий населения, как применяются цифровые технологии для наблюдения и каковы последствия для приватности, возникающие в связи с этими технологиями. Рост популярности социальных сетей вызвал большой интерес социологов к таким вопросам, как лучше получить доступ к пользователям, как лучше анализировать взаимодействие людей с социальными сетями. Для изучения этих тем социологи применяют и качественные (интервью, фокус-группы, этнографические исследования), и количественные методы (опросы).

В этом цифровая социология пересекается с исследованиями в области цифровой антропологии, цифровой культуры, исследованиями интернета и цифровой географией. Особенность социологического анализа цифрового мира состоит в вопросах, которые исследуют социологи, в том числе связанные с властными отношениями, с тем, как они действуют, чтобы влиять и производить социальные отношения, вопросы об индивидуальной или групповой идентичности, социальных и экономических привилегиях, трудности.

Еще одно измерение цифровой социологии — использование больших наборов цифровых данных для проведения социологических исследований. Такие «электронные исследования» (“e-research”) обозначают с помощью различных терминов: цифровые социальные исследования, вебометрика, веб-социальные исследования, вычислительные социальные науки и др. Основное внимание в рамках этого направления исследований уделяется сбору, использованию данных и инструментам для анализа этих данных. Такие исследования опираются на достижения компьютерных наук и направлены прежде всего на эффективное применение различных инструментов хранения и анализа цифровых данных. Эти методы используют «естественные» (генерируемые пользователями в повседневной коммуникации) или случайно генерируемые данные, которые собраны различными веб-платформами (например, посты в Facebook и Twitter, изображения в Instagram, поисковые запросы, текстовые сообщения и данные GPS-навигаторов). Некоторые исследователи, применяющие этот подход к анализу цифровых данных, также проявляют интерес к способам записи и анализа данных для качественного анализа, включая изображения, видео- и аудиоданные. Д. Лаптон справедливо утверждает: «Хотя эти подходы довольно широко используются в таких областях, как информационные науки и технологии и коммуникационные исследования, они пока еще мало используются социологами, возможно, потому что немногие социологи имеют подготовку в области обработки и анализа этих больших наборов данных» [7, р. 17].

Пикантность ситуации взаимодействия социологии и цифровых технологий придает тот факт, что вне академической социологии, существующей в рамках научных институтов, в так называемой коммерческой социологии, цифровые методы применяются давно. Анализируя эту ситуацию, Р. Берроуз и М. Севидж говорят о кризисе эмпирической социологии. Цифровые методы активно применяются для «социальных исследований» вне социологии и вне академической науки вообще, в первую очередь в рамках так называемой корпоративной науки, которой занимаются компании Microsoft, Facebook, Google, Яндекс и др. [9]. Благодаря доступу к данным о «социальном», знания об обществе, «социальные знания» начинают создавать не социологи, а аналитики, специалисты по данным. И в этом смысле понятны опасения Р. Берроуза и М. Севиджа по поводу того, что если социологи не включатся в новую область исследований на основе цифровых технологий, то социология как наука может утратить преимущественное право говорить о социальном.

Наконец, последняя составляющая цифровой социологии, согласно Д. Лаптон, — это критическая цифровая социология. Данное направление связано с пониманием того, что новые цифровые медиа, производимые ими данные и акторы, участвующие в сборе, интерпретации и анализе этих данных, противостоят социологии как дисциплине. Социологи, работающие в этом направлении, анализируют то, как социология должна решать проблемы цифрового общества и новых форм знания, порождаемых цифровыми технологиями. В рамках критической цифровой социологии развиваются перспективные цифровые социальные исследования, которые признают, что методы и устройства, используемые в целях проведения этих исследований, сами по себе являются конститутивными для

социальной жизни и общества. Другие социологи изучают применение цифровых технологий и цифровых данных для реализации творческих, изобретательных и инновационных методов социологических исследований и преподавания.

Цифровая социология как самостоятельное направление в социальных науках подвергается критике с различных позиций. Аргументы критиков разнообразны, и в настоящей статье перед нами не стоит задача критического разбора и опровержения этих аргументов. Полно эти аргументы изложены в книге французского социолога Н. Маррес «Цифровая социология: переизобретение социальных исследований» [10]. В своей работе Н. Маррес отмечает, что цифровые технологии открывают новые возможности для взаимодействия между социальной жизнью, технологией и знанием, и формы их взаимодействия — главный вызов для социологии в цифровую эру. Н. Маррес полемизирует с существующими подходами к анализу цифровых данных, полагая, что такие данные находят отражение в социальных исследованиях без критической рефлексии относительно их соответствия целям и задачам социологии.

Н. Маррес пишет о том, что слово «цифровая» в термине «цифровая социология» может иметь три разных значения: 1) тематическое направление социологических исследований; 2) инструменты и методы социологических исследований; 3) платформы для привлечения аудитории социологии. Понимание того, чем является цифровая социология, определяется значением, которое заложено в прилагательном «цифровая». Наибольшие возражения вызывает у Н. Маррес использование цифровых технологий в качестве метода познания общества. Речь идет прежде всего о репрезентативности цифровых данных, смещении выборки. При этом специфика ситуации заключается в том, что нарушение репрезентативности проявляется не только в искажающем воздействии исследовательского инструментария (цифровых данных), но и в природе этих данных. Они представляют единство технического и социального. Содержание данных определяется как работой цифровых технологий, так и взаимодействием людей с этими технологиями.

В целом вывод, который делает Н. Маррес, состоит в том, что отношения между социальной жизнью и ее анализом меняются в цифровых обществах. Соответствующие изменения сегодня заходят настолько далеко, что социологические исследования в таких обществах становятся проблематичными. Цифровые технологии вызывают новый «кризис репрезентации» в социологии, поскольку они ставят под сомнение способность социальных исследований адекватно и обоснованно репрезентировать общество. Н. Маррес пишет: «Я утверждаю, что преобладающие представления о том, что вычислительные методы приносят в изучение общества, не позволяют нам хорошо понять эти трансформации и вызванный ими кризис. Однако для решения этой проблемы цифровая социология не должна занимать антинаучную позицию. Главная привлекательность цифровой социологии именно в том, что она позволяет развивать экспериментальные формы исследования, которые пересекают границы между науками и гуманитарными науками» [10]. Ценность цифровой социологии, по мнению Н. Маррес, состоит в том, что она может развивать и формировать более мощные подходы к «интерпретации данных», более смелые способы введения социальной теории в пространство цифровых исследований, более игривые формы взаимодействия между социальными исследованиями и социальными практиками.

Это вполне взвешенная и осторожная точка зрения нацелена на критику нерелексивного, «несознательного» применения цифровых технологий в социальных исследованиях для достижения прикладных целей (маркетинг, политические технологии, национальная безопасность и т. п.). В этом смысле призыв Н. Маррес заслуживает внимания, и с ним можно согласиться. Но осу-

ществом такого сознательного подхода к использованию цифровых технологий для социологических экспериментов наталкивается на существенное возражение — это существующая экономика цифровой социологии. Как отмечает Н. И. Руденко в рецензии на книгу Н. Маррес, сегодня маркетологи, политологи, другие исследователи-прикладники зарабатывают большие деньги, анализируя сайты и социальные сети. Обратив внимание на «экономическую» сторону цифровой социологии, Н. И. Руденко задает справедливые вопросы о том, «каким образом ее [Маррес] подход может найти себе место среди существующих практик работы с цифровыми данными, каким образом он может встроиться в прикладные исследовательские проекты, может ли благодаря ему возникнуть новый рынок более экспериментальных, тонченных и рефлексивных исследований» [11, с. 207].

Критические голоса относительно перспектив и возможностей цифровой социологии продолжают звучать, хотя и не столь явно, как 5–10 лет назад. Изложенная выше позиция Н. Маррес — хорошая иллюстрация преобладающей сегодня позиции социологов, которые переходят от неприятия вычислительных социальных исследований к осторожному их принятию, с большими оговорками и уточнениями. Такая настороженность вполне понятна. Как показывают Р. Вагнер-Пасифиси, Дж. Мор и Р. Л. Брейгер, применение в гуманитарных и социальных науках методов цифровой социологии, например, анализа больших данных, требует пересмотра фундаментальных онтологических, эпистемологических и методологических принципов этих наук. Необходимо заново переопределить, чем является вещь, агент, время, контекст, причинность. Равным образом цифровые методы требуют пересмотреть некоторые методологические принципы, например, отказаться от дедукции в социальных науках в пользу индуктивного метода и т. д. [12].

А. М. Долгоруков также утверждает, что интернет существенно повлияет на социологию в ближайшее время, и это влияние предполагает ревизию значительной части онтологических и методологических установок социологии. Например, социологи будут вынуждены отказаться «от неявной натуралистической абсолютизации таких категорий, как пространство, время, социальные структуры», на смену которым должны прийти новые социологические теории, предлагающие новую онтологию и новые методы исследования, где одна из задач — организация сбора и анализа данных применения опросных методик [13, с. 41].

От обсуждения специфики восприятия цифровой социологии в сообществе социологов обратимся к содержательному анализу тематических направлений исследований, которые в первую очередь связаны с цифровой социологией. Крупный российский социолог и специалист по методологии социологического исследования Ю. Н. Толстова выделяет четыре компьютерные технологии, активно используемые в социальных науках: интеллектуальный анализ данных (data mining), большие данные (big data), цифровые гуманитарные науки (digital humanity), наука о данных (data science) [6, с. 4].

Интеллектуальный анализ данных обычно относится к сфере искусственного интеллекта и предполагает три важных особенности использования данной технологии социологами:

1. Исследователь ставит перед собой в качестве цели не решение задачи (например, построения типологии респондентов, входящих в изучаемую социологом выборку), а выявление того, можно ли в имеющихся у него данных найти потенциально интересные для социологии закономерности (типологии, структуры связей, яркие визуализации данных). Понятие закономерности мы отождествляем с нахождением ранее неизвестного, не очевидного, доступного для интерпретации, полезного знания [6, с. 5–6].

2. Технология data mining рассчитана прежде всего на выявление закономерностей в больших массивах данных. Это допускает креативный подход в работе с ними. Массивы данных обрабатываются, комбинируются, преобразуются таким образом, чтобы извлечь интересующие исследователя закономерности.
3. Технология data mining включает в себя различные средства визуализации данных, что позволяет работать с полученными результатами социологам, которые не слишком хорошо разбираются в математике.

А. Б. Мосягин следующим образом определяет интеллектуальный анализ данных: «Суть и цель технологии Data Mining заключаются в извлечении из больших объемов данных неочевидных, объективных и полезных на практике закономерностей. Это значит, что найденные закономерности не обнаруживаются стандартными методами обработки информации или экспертным путем» [14, с. 144]. В этом состоит одно из существенных отличий методов data mining от традиционных статистических методов анализа данных. Последние в основном ориентированы на проверку заранее сформулированных гипотез и на грубый разведочный анализ, а data mining нацелен на обнаружение прежде всего неочевидных, неявных взаимосвязей [14, с. 145].

Технология интеллектуального анализа данных успешно применяется в эконометрических исследованиях [15] и для изучения политических процессов [16]. Примером использования технологии интеллектуального анализа данных в российской социологии является исследование А. В. Мальцевой, Н. Е. Шилкиной и О. В. Махныткиной под названием «Data mining в социологии: опыт и перспективы проведения исследования», где подробно и доступно освещены понятие, методы data mining, а также показана процедура применения этих методов для анализа рынка труда [17]. Авторы отмечают важность использования новых источников данных и новых методов их обработки для изучения актуальных процессов, происходящих в социальной реальности. Свое исследование авторы резюмируют следующим образом: «Data Mining сегодня применяется прежде всего для анализа и прикладного решения проблем предприятий и организаций, повышения их успешности. Однако потенциал Data Mining может быть использован социологией не только для решения прикладных задач, но и для анализа актуального состояния социальных институтов, социальной структуры, трансформационных процессов» [17, с. 44]. Интеллектуальный анализ данных активно применяется в социологии политики. В частности в российской социологии получило развитие исследование политологических элит методами data mining [18]. Пример такого исследования — изучение российских политических элит на основе анализа активности представителей политического истеблишмента (депутатов Государственной Думы, сенаторов, сотрудников Администрации Президента, членов Правительства и руководителей субъектов РФ) в социальной сети Twitter [19].

Вторая компьютерная технология, которая ассоциируется с цифровой социологией — это большие данные (big data). Пожалуй, именно эта технология больше всего обсуждается в контексте применения цифровых методов социологических исследований и вызывает самые ожесточенные споры в среде социологов. Ю. Н. Толстова пишет, что «ядром этой технологии является набор достижений компьютерной науки, позволяющих искать и формировать массивы больших, разбросанных, изменяющихся, структурированных и неструктурированных данных» [6, с. 6]. Р. Китчин приводит следующие характерные признаки больших данных:

- огромные по объему, состоящие из терабайт или петабайт данных;
- быстрые по скорости создания, создающиеся в реальном времени или близко к реальному времени;

- неоднородные по разнообразию, структурированные и неструктурированные по своей природе;
- всеобъемлющие по масштабу, нацеленные на охват целых популяций или систем;
- очень детализированные по разрешению, стремящиеся быть детальным настолько это возможно, точные в идентификации;
- сравниваемые по природе, содержащие общие области, что позволяет объединять различные наборы данных;
- гибкие, позволяющие легко расширять (добавлять новые области) и масштабировать (быстро увеличиваться в размерах) данные [20].

Большие данные начинаются с генерации данных. Их источники могут быть самими разнообразными: датчики, видео, клики и др. В настоящее время в качестве основных источников больших данных выступают оперативная и торговая информация на предприятиях, логистическая и сенсорная информация в интернете вещей, информация о взаимодействии людей и информация о положении в мире интернета, а также данные, полученные в ходе научных исследований и т. д. [21]. В целом большие данные, одно из современных направлений исследований, в том числе и в социальных науках, являются частью более масштабного и глубокого тренда трансформации научного знания — формирования так называемой четвертой парадигмы» (или в другой терминологии е-науки (e-science — электронной науки) либо науки, интенсивно использующей данные (data-intensive science). Автором концепции четвертой парадигмы считается американский ученый, специалист в области компьютерных наук Дж. Грей.

Дж. Грей выделяет несколько парадигм в истории науки:

- 1) эмпирическую науку (описание природных явлений);
- 2) теоретическая наука (использует модели, обобщения);
- 3) вычислительная наука (моделирует сложные явления);
- 4) изучение данных (e-science) — объединяет теорию, эксперимент и моделирование (данные генерируются приборами или создаются симуляторами, обрабатываются программным обеспечением, информация/знания хранится в компьютере, ученый анализирует базу данных/файлы, используя управление данными и статистику) [22].

В рамках четвертой парадигмы в истории науки формируется исследовательское поле на пересечении социальных и компьютерных, информационных наук, получившее название «вычислительные социальные науки» (computational social science). Неслучайно в исследовательской литературе отмечается, что «вычислительная социальная наука — это комплексное, междисциплинарное исследование социальных систем как структур, обрабатывающих информацию, и при помощи передовых вычислительных систем» [23, р. 260]. К. Чиоффи-Ревилла различает пять основных методов, которые используются сегодня в вычислительных социальных науках: автоматизированное извлечение информации, анализ социальных сетей (SNA), геопространственный анализ (социальные ГИС), моделирование сложности и социальное моделирование.

Появление темы больших данных в социологии с новой силой напомнило о «методологических травмах социологов», т. е. о ситуациях «растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [24, с. 3]. В этой связи интересным представляется анализ различных стратегий поведения социологов по отношению к большим данным. А. В. Одинцов предлагает четыре такие стратегии:

- 1) критика и поиск уязвимостей Big Data;
- 2) сотрудничество с Big Data;
- 3) изучение Big Data как особой техники;
- 4) игнорирование Big Data [25, с. 34].

Критика концепции больших данных в социологической литературе включает в себя две основные группы аргументов: технические и этические [25, с. 34–37]. К техническим проблемам можно отнести сбор и регистрацию данных, первичный анализ и поиск корреляций (data-mining), алгоритмы которого при большом количестве переменных могут давать заметные искажения, анализ данных (data-analysis), интерпретация которых остается несколько субъективной из-за участия аналитиков. К этическим проблемам больших данных можно отнести нарушение приватности, отслеживание поведения по «цифровым следам» и в реальном времени, закрытость Big Data и «цифровое неравенство».

В последние годы в российской социологии появилось несколько интересных исследований, где находят отражение технологии больших данных. Например, исследование В. В. Волкова, Д. А. Скугаревского и К. Д. Титаева, в котором на основе анализа базы данных решений судов РФ рассматривается влияние социального статуса подсудимого на решение суда [26]. Другим интересным примером применения технологий больших данных является исследование Г. А. Николаенко «цифровых следов» на примере научной социальной сети Research Gate [27].

На обсуждении двух других выделенных Ю. Н. Толстой направлений цифровой социологии — цифровых гуманитарных наук (digital humanity) и науки о данных (data science), не будем подробно останавливаться, поскольку это обширные и активно развивающиеся автономные области цифровой социологии и освещения обеих этих технологий сложно уместить в пределах одной статьи. Цифровые гуманитарные науки связаны с применением оцифрованных материалов (в цифровом виде) в рамках методологий разных гуманитарных наук (истории, философии, лингвистики, литературы, искусства, археологии, культуры, музыки и др.) [6]. Наука о данных объединяет статистику, анализ данных, машинное обучение и связанные с ними методы в целях понимания и анализа реальных явлений посредством данных.

Как отмечает В. Дхар, наука о данных предполагает «фокусирование внимания на данных, а в более широком смысле на статистике, которая представляет собой систематическое исследование организации, свойств и анализа данных и их роли в выводе, включая наше доверие к таким выводам» [28, р. 64]. Отличие науки о данных от классической статистики заключается в том, что первая имеет дело с очень гетерогенными и неструктурированными данными, часто происходящими из сетей со сложными отношениями между их элементами. Поэтому анализ данных, включающий в себя структурированные и неструктурированные данные, требует их интеграции, интерпретации и осмысления, и все больше опирается на инструментарий лингвистики, социологии, иных дисциплин. Вместе с тем большинство данных в настоящее время генерируется компьютерами для потребления другими компьютерами. Поэтому последние все больше выполняют обработку данных не для человека, а друг для друга, что позволяет масштабировать процесс принятия решений: компьютер становится все более распространенным средством принятия решений без помощи людей.

Литература

1. *Lupton D.* Digital Sociology. L., N. Y.: Routledge, 2015. 230 p.
2. *Baker M.* Digital Transformation. Buckingham: Buckingham Business Monographs, 2014.
3. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
4. *Rogers R.* Digital Methods. Cambridge; L.: The MIT Press, 2013. 280 p.
5. *Wynn J.* Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom // Sociological Forum. 2009. № 24 (2). P. 448–456. DOI: 10.1111/j.1573-7861.2009.01109.x
6. *Толстова Ю. Н.* Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.
7. *Lupton D.* Op. cit. P. 15–16, 17.
8. *Farrell D., Petersen J. C.* The Growth of Internet Research Methods and the Reluctant Sociologist // Sociological Inquiry. 2010. № 80 (1). P. 114–125. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00318.x
9. *Берроуз Р., Севидж М.* После кризиса? Big Data и методологические вызовы эмпирической социологии // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 28–35.
10. *Marres N.* Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press, 2017.
11. *Руденко Н. И.* Там, где STS встречается цифру: методология, эксперименты и participation. Рецензия на книгу: Marres N. (2017) Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 201–209.
12. *Wagner-Pacifi R., Mohr J. W., Breiger R. L.* Ontologies, Methodologies, and New Uses of Big Data in the Social and Cultural Sciences // Big Data & Society. 2015. № 2 (2). P. 1–11. DOI: 10.1177/2053951715613810
13. *Долгоруков А. М.* Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 32–43. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.03
14. *Мосягин А. Б.* Использование методологии data mining при решении задач обработки социальных данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 143–145.
15. *Бухарин С. В., Параскевич В. В.* Повышение эффективности анализа близости к банкротству на основе методов эконометрики // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17. № 6. С. 1178–1196. DOI: 10.24891/ea.17.6.1178
16. *Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В.* Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 79–104. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06.
17. *Мальцева А. В., Шилкина Н. Е., Махныткина О. В.* Data mining в социологии: опыт и перспективы проведения исследования // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 35–44.
18. *Лавров И. А.* Цифровая социология и современные методы изучения политической элиты // Вестник университета. 2019. № 6. С. 173–179. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-6-173-179
19. *Крыштановская О. В.* Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 2. С. 4–11. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11
20. *Kitchin R.* Big Data and Human Geography: Opportunities, Challenges and Risks // Dialogues in Human Geography. 2013. № 3 (3). P. 262–267.
21. *Chen M., Mao S., Zhang Y., Leung V. C.* Big Data. Related Technologies, Challenges, and Future Prospects. Springer, 2014. 100 p.
22. *Hey T., Tansley S., Tolle K.* Jim Grey on eScience: A transformed scientific method // The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery. Redmond: Microsoft Research, 2009. P. XVII–XXXI.
23. *Cioffi-Revilla C.* Computational Social Science // Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics. 2010. Vol. 2. No. 3. P. 259–271.

24. Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
25. Одинцов А. В. Социология общественного мнения и вызов Big Data // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04
26. Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48–58.
27. Николаенко Г. А. Перспективы использования цифровых следов исследователей для анализа их коммуникативных стратегий (на примере социальной сети Research Gate) // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 2. С. 93–109. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12005
28. Dhar V. Data Science and Prediction // Communications of the ACM. 2013. Vol. 56. No. 12. P. 64–73.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

DOI: 10.35854/2219-6242-2020-1-60-65

УДК 342.5

А. В. Гневко, А. О. Зернов, Е. В. Воскресенская

Актуальные проблемы государственной службы в Российской Федерации

A. V. Gnevko, A. O. Zernov, E. V. Voskresenskaya. Actual Problems of Public Service in the Russian Federation

В статье аргументируется, что вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира сопровождается борьбой с коррупционными проявлениями. Как показало проведенное авторами исследование опыта применения средств и методов противодействия коррупционным проявлениям, к наиболее эффективным механизмам профилактики и противодействия коррупции, посредством которых реализуется принцип публичности и открытости деятельности государственных служащих, относится институт управления конфликтами интересов. Таким образом, постоянно возрастает актуальность проблемы конфликта интересов в системе государственной службы в России. Одной из отраженных в статье проблем, связанных с организацией функционирования государственной службы в Российской Федерации, является некорректность понятий «конфликт интересов» и «личная заинтересованность», что требует внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: государственная служба, коррупция, конфликт интересов, личная заинтересованность, антикоррупционное

The article argues that the entry of the Russian Federation among the five largest economies in the world is accompanied by a fight against corruption. As shown by the research conducted by the authors of the experience of using tools and methods to counteract corruption, the most effective mechanisms for preventing and combating corruption, which implements the principle of publicity and openness of public servants, is the Institute of conflict of interest management. Thus, the problem of conflict of interests in the system of public service in Russia is constantly growing. One of the problems raised in the article related to the organization of the functioning of the public service in the Russian Federation is the incorrectness of the concepts of «conflict of interest» and «personal interest», which requires changes in the legislation.

Keywords: public service, corruption, conflict of interest, personal interest, anti-corruption legislation, means of fighting corruption,

Андрей Викторович Гневко — вице-президент Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

Антон Олегович Зернов — студент кафедры теории и истории государства и права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Елена Владимировна Воскресенская — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент.

© Гневко А. В., Зернов А. О., Воскресенская Е. В., 2020

законодательство, средства борьбы с коррупцией, государственный механизм, государственное строительство, реестр государственных служащих, замещение государственных должностей.

Контактные данные: **А. В. Гневко:** 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 313-39-41 | **А. О. Зернов:** 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29 | **Е. В. Воскресенская:** 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 313-39-41; e-mail: elenvoskr@mail.ru.

state mechanism, state construction, register of public servants, replacement of public positions.

Contact Details: **A. V. Gnevko:** Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation | **A. O. Zernov:** Politekhnicheskaya St. 29, St. Petersburg, 195251, Russian Federation | **E. V. Voskresenskaya:** Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 313-39-41; e-mail: elenvoskr@mail.ru.

В настоящее время в связи с усилением государственного участия во всех отраслях общественной жизни особую актуальность приобретают вопросы, связанные с функционированием государственного механизма [1], системой должностей государственной службы, урегулированием конфликта интересов [2], противодействием коррупции [3].

Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 поставлено несколько целей, связанных с функционированием системы государственной службы, а именно: «1. Правительству Российской Федерации обеспечить достижение следующих национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г.: з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов; и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами» [4]. Следовательно, наличие нормально функционирующей системы государственной службы в Российской Федерации должно способствовать достижению поставленных целей, но в настоящее время правовое регулирование государственной службы имеет ряд проблем, которые, по нашему мнению, во-первых, отрицательно сказываются на достижении поставленных Президентом России целей; во-вторых, отчасти провоцируют проявления коррупции при принятии тех или иных решений. Такими проблемами являются:

- 1) противоречивость понятий и, соответственно, правовых статусов должностных лиц;
- 2) некорректность понятий «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Статья 1 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ устанавливает положение, согласно которому в России учреждаются государственные должности, должности государственной гражданской службы, должности военной службы и должности государственной службы иных видов [5]. Указом Президента России от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» установлен сводный перечень должностей государственной службы Российской Федерации [6], а Указом от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» установлен реестр должностей федеральной государственной службы [7].

Осуществление деятельности лиц, замещающих государственные должности, не подпадает под сферу действия Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В п. 5 ч. 1 ст. 16 этого Федерального закона установлено: «1. Гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае: 5) близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому» [8]. Следовательно, отсутствует правовое регулирование, которое препятствовало бы замещению соответствующих должностей близкими родственниками.

Если обратиться к истории, то сразу вспоминается, например, Л. И. Брежнев и Ю. М. Чурбанов. С одной стороны, они являлись тестем и зятем, с другой — главой государства и заместителем министра внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик соответственно. В истории период, когда государством руководил Л. И. Брежнев, называют «эпохой застоя», которая привела к краху советской экономики и развалу государства.

К сожалению, сегодня также нередко случаи, когда должности государственной службы разного уровня занимают близкие родственники, что, по нашему мнению, может привести к высшей степени негативным последствиям, поскольку любое «кумовство» рано или поздно заканчивается злоупотреблениями и коррупцией. Понятие «коррупция» трактуется исследователями следующим образом: «1. Коррупция в экономической сфере жизни государства — это, в первую очередь, способ «грязной» конкуренции. 2. Коррупция в политике во многом тоже способ конкуренции, но это еще и лоббирование тех или иных интересов, которые не всегда отражают мнение граждан государства и полезны населению страны. 3. Коррупция в системе правоохранительных органов — способ ухода от ответственности и получения определенного права. 4. Коррупция в социальной сфере — средство решения социальных проблем граждан, удовлетворение их насущных интересов» [3, с. 62–63].

Для разрешения данной проблемы представляется целесообразным дополнить Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» нормой, согласно которой будет установлен запрет на замещение государственных должностей и должностей государственной гражданской службы или иного вида государственной службы близкими родственниками и близкими лицами. Такое требование проистекает из принципа законности, установленного ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» [5]. При этом важно, чтобы при замещении государственных должностей приоритетным был «профессионализм и компетентность государственных служащих» [5].

Еще одна актуальная, на наш взгляд, проблема при организации функционирования государственной службы в Российской Федерации — некорректность понятий «конфликт интересов» и «личная заинтересованность», закрепленных в ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который детерминирует их следующим образом: «1. Под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им долж-

ностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). 2. В части 1 настоящей статьи под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, указанным в части 1 настоящей статьи, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо, указанное в части 1 настоящей статьи, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями» [9]. Проблема некорректности дефиниций «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» отчасти проистекает из проблем, связанных с правовым статусом государственного служащего, в том числе из возможности или невозможности замещения соответствующей должности.

Ранее нами предлагалось толковать конфликт интересов как «ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению коррупции, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [10, с. 38], а личную заинтересованность — как «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, замещающим должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, и (или) состоящим с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами и организациями, благополучие (имущественное и неимущественное) которых важно для лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, а также с которыми указаный служащий и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями» [10, с. 38]. Однако сегодня представляется необходимым частично пересмотреть приведенную трактовку названных понятий, поскольку требуется учесть опыт нашего ближнего соседа — Республики Беларусь, так как этого предусматривают интересы построения Союзного государства. Его построение ведется с декабря 1999 г.

Профилактика возникновения конфликта интересов требуется в связи с тем, что коррупционные правонарушения оказывают существенное негативное воздействие на функционирование всех институтов государственного управления. Это подтверждается размещенными на «Портале правовой статистики» статистическими данными Генеральной прокуратуры России, которой по состоянию на ноябрь 2019 г. зафиксировано 3 763 преступления по статье 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (получение взятки) и 2 982 преступления по статье 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (дача взятки) [11]. При этом необходимо учитывать, что приведенные статистические данные устанавливают только зарегистрированные преступления, а латентная преступность, соответственно, не учитывается. Важно отметить, что детерминация дефиниций «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» должны способствовать правильному определению и наполнению предмета доказывания по соответству-

ющим составам преступлений, поскольку предмет доказывания есть не что иное, как «уникальный набор фактических обстоятельств, установление которых требуется для утверждения материальных качеств индивидуально определенного деяния, уяснение внутреннего содержания таких обстоятельств, не отождествляемых сторонами уголовного процесса, которые следует доказать в целях формирования у суда итоговых знаний, необходимых для вынесения по делу одного из предусмотренных законом итоговых решений» [12, с. 437; 13, с. 229].

На основании вышеизложенного, учитывая положения Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Закона Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», предлагаем использовать следующие определения:

1. Конфликт интересов — ситуация, сложившаяся при исполнении должностных обязанностей, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) должностного лица, которое обязано принимать меры по предотвращению коррупции, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) при принятии им решений или участия в принятии решений либо совершении других действий, установленных законодательством, служебным контрактом и иными правовыми актами. На наш взгляд, такое определение «конфликта интересов» будет являть собой наиболее корректную дефинитивную норму, которая станет воплощением демократического механизма правового регулирования, призванного способствовать установлению торжества законности и правопорядка.

2. Личная заинтересованность — реальная возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) должностным лицом, которое обязано принимать меры по предотвращению коррупции, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами и организациями, благополучие (имущественное и неимущественное) которых важно для должностного лица, обязанного принимать меры по предотвращению коррупции, а также с которыми указанное лицо и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными, иными близкими отношениями. Следует учесть необходимость параллельного введения посредством постановления Правительства Российской Федерации критериев, которые станут основанием для отнесения конкретных лиц и фактов к категориям «конфликт интересов» и «личная заинтересованность».

Актуальным остается вопрос юридической силы таких дефинитивных норм, как «конфликт интересов» и «личная заинтересованность», поскольку даже с учетом предложенных нами дополнений данных норм определенными квалифицирующими признаками нет возможности полностью исключить коррупционную составляющую на государственной службе в связи с тем, что дефинитивная норма объективно в высшей степени носит всеобщий характер.

В целях борьбы с разнообразными мотивами сокрытия «конфликта интересов» представляется целесообразным принять меры для организации социального контроля в рамках принципа взаимодействия государственных служащих с общественными объединениями и гражданами, не действуя при этом в ущерб конституционным правам граждан. Социальный контроль, учитывая сегодняшние потребности общества, окажет благоприятное воздействие на формирование позитивного отношения к государственной службе и восприятия ее во всех

проявлениях. Безусловно, при внесении различных изменений в отечественное антикоррупционное законодательство целесообразно двигаться по пути унификации законодательства государств — участников Союзного договора, что представляется реальной необходимостью.

Подводя итог, можно отметить следующее. Во-первых, в настоящее время объективно сложилась ситуация, при которой замещение должностей государственной службы отчасти определяется политической потребностью, а не принципом законности. Последний должен быть определяющим фактором функционирования государственного механизма. Во-вторых, устранение правового вакуума, связанного с особенностями замещения некоторых должностей государственной службы, возможно посредством дополнения Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» соответствующей нормой. В-третьих, необходимо устранить известные неопределенности в понятиях «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» в связи с тем, что этого требует система приемов, методов и средств борьбы с коррупцией.

Литература

1. Бушенкова К. В. Механизмы реализации антикоррупционной политики в системе государственной гражданской службы // Социальная политика и социальное партнерство. 2019. № 2. С. 57–62.
2. Ильяков А. Д. Конфликт интересов на государственной службе: монография. М.: Проспект, 2017. 128 с.
3. Зернов А. О., Долгополова Т. А. Коррупция и государство // Scientific discussion. 2019. Vol. 1. No. 32. С. 60–64.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 27.12.2019).
5. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
6. О государственных должностях Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 173.
7. О реестре должностей федеральной государственной гражданской службы: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 1. Ст. 118.
8. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
9. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.
10. Зернов А. О., Вешкельский А. С. Конфликт интересов на государственной службе // Неделя науки СПбПУ: материалы науч. конф. с междунар. участием. Гуманитарный институт. Ч. 2. СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 36–39.
11. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]: портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 27.12.2019).
12. Зернов А. О., Липский Н. А. Предмет доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном процессе // Неделя науки СПбПУ: материалы науч. конф. с международным участием. Лучшие доклады. СПб.: Политех-Пресс. 2018. С. 434–437.
13. Научные исследования в сфере педагогики и психологии: конвергенция и генезис знаний / под ред. О. А. Подкопаева, С. В. Юртаева. Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2018. С. 228–237.

Е. А. Титова, Е. А. Зорина

Обзор правил пожарной безопасности Российской империи в первой половине XVIII в. до издания Пожарного устава

*Е. А. Titova, E. A. Zorina. Review of Fire Safety Rules of the Russian Empire
in the First Half of the XVIII Century before the Publication
of the Fire Regulations*

В статье проанализированы отдельные нормы законодательства Российской империи, в частности правила пожарной безопасности, включающие в себя вопросы обеспечения пожарной безопасности в первой половине XVIII в. до момента принятия единого акта систематизации, а именно Пожарного устава 1832 г. Самый пик разработки и принятия нормативно-правовых актов, касающихся в той или иной мере пожарной безопасности, приходится на 1737–1739 гг. и 1749–1753 гг. По итогам анализа автором предложена классификация правил пожарной безопасности на следующие виды: 1) специальные правила пожарной безопасности для городов, являющихся на современном этапе развития городами федерального значения (г. Москва, г. Санкт-Петербург); 2) противопожарные правила, характерные для определенных территорий Российской империи — в лесах и на морских судах; 3) специальные правила для профилактики пожаров.

Ключевые слова: Российская империя, Пожарный устав, пожар, пожарная безопасность, систематизация законодательства, указы, узаконения Российской империи.

Контактные данные: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; (812) 369-96-37; e-mail: zorina_lena@mail.ru.

This article analyzes certain provisions of the legislation of the Russian Empire, namely fire safety regulations governing fire safety prior to the adoption of the uniform act of systematization of the Fire Department of the Charter of 1832. The peak of development and adoption of normative-legal acts related to that particular fire safety measures, falls on 1737-1739 and 1749-1753. From the analysis, it is possible to classify the fire safety rules for the following types: 1. Special fire safety regulations for cities that are cities of Federal significance at the present — Moscow and Saint-Petersburg; 2. Fire rules specific to certain territories of the Russian Empire — in the forests and on ships; 3. Special rules for fire prevention.

Keywords: Firefighter the Charter, the Russian Empire, fire safety, fire, a single act of systematization of legislation on fire safety, systematization of legislation, decrees of the Russian Empire.

Contact Details: Moskovskiy Ave 149, St. Petersburg, Russian Federation, 196105; (812) 369-96-37; e-mail: zorina_lena@mail.ru.

Елизавета Андреевна Титова — научный сотрудник отдела информационного обеспечения населения и технологий информационной поддержки РСЧС и пожарной безопасности Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Елена Андреевна Зорина — начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, кандидат юридических наук, доцент.

© Титова Е. А., Зорина А. Е., 2020

Вопросы, посвященные пожарной безопасности, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны, несомненно, входят в число важнейших не только для современного правового государства, но и для практиков, ученых-теоретиков.

На современном этапе развития общества и государства происходит реформирование как системы МЧС России, так и законодательства в области обеспечения пожарной безопасности. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть исторический опыт законодательного регулирования вопросов в указанной области. Анализируя количество издаваемых актов по вопросам обеспечения пожарной безопасности в первой половине XVIII в., до выхода в свет Пожарного устава, рассматриваемого как систематизированный акт, включавший в себя все действовавшие до того и не утратившие силу узаконения [1], можно заключить, что пик разработки и принятия узаконений в рассматриваемой нами области, приходится на 1737–1739 гг. и 1749–1753 гг., как показано на рисунке 1.

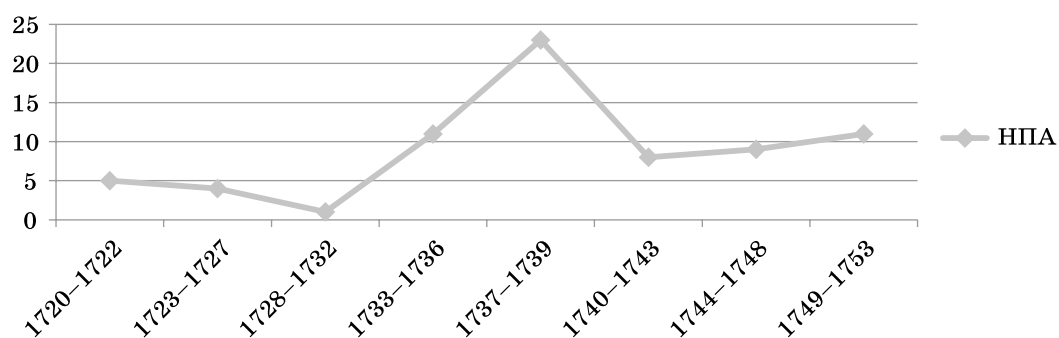

Рис. 1. Нормативно-правовые акты (НПА) в области пожарной безопасности

М. М. Сперанский акцентировал внимание на том, что насыщенность законодательной деятельности неминуемо приводит к обострению потребности в систематизации законодательства страны, и властью всегда «промышляемо было дать сим законам систематическую связь в единство в виде уложения» [2]. До систематизации законодательства о пожарной безопасности и принятия Пожарного устава действовали ряд норм.

Во-первых, в законодательстве Российской империи до издания Пожарного устава выделялись определенные правила для Санкт-Петербурга. 27 июля 1723 г. издан Указ «О копании на Васильевском острове прудов и о приготовлении на них и на другие острова пожарных инструментов». В соответствии с данным указом на Васильевском острове, где по чертежам были предусмотрены каналы, на местах для строения каналов (для воды) необходимо было выкопать пруды длиной и шириной сажень соответственно чертежу. 20 июня 1723 г. произошел пожар на Васильевском острове, и локализовать его быстро не получилось в связи с дальностью расположения водных источников от очага пожара. Вышеупомянутый указ регламентировал необходимость выкапывать пруды и готовить паруса, щиты и заливные трубы, крюки, вилы и то, что надлежало для охранения от пожара. Строение данных парусов требовалось для охраны от пожарных случаев в Санкт-Петербурге. Предписывалось приготовить паруса на Адмиралтейский, Санкт-Петербургский, Васильевский острова, на Выборгскую и Московскую стороны.

21 мая 1726 г. издан указ «О имении в Санкт-Петербурге на кровлях и под кровлями домов, кадок с водой с нужными орудиями, для предосторожности от

пожарных случаев и о не топлении в летнее сухое время изб и бань». Ввиду вышеуказанного акта на всех дворах Санкт-Петербурга, на кровлях и под кровлями необходимо было иметь кадки с водой, швабры и метлы; в летнее сухое время запрещалось топить избы и бани. Для приготовления еды печи ставили во дворах подальше от строения. В этих целях полиция должна была опечатать банные и избные печи, а в поварнях находились кадки с водой. За нарушение данного указа предусматривался такой вид наказания, как штраф.

В соответствии с указом Ее Величества Полицеймейстерской канцелярии «О делании колодезей в Санкт-Петербурге обывателям на их дворах» от 14 августа 1736 г. все обыватели Санкт-Петербурга в добровольном порядке должны были соорудить по колодцу в каждом дворе и содержать их, где сделать их было невозможно из-за нехватки пространства. Делали колодцы на улицах, где было показано полицией [3].

Для Санкт-Петербурга выдвигались требования о не возвышении цен на наем квартир по случаю истребления многих строений пожаром, что подкреплялось документом от 17 августа 1736 г. (именной, данный из Кабинета Ее Величества Полицеймейстерской канцелярии) «О не возвышении на Васильевском и на прочих островах цены за наем квартир, по случаю истребления многих строений от бывшего пожара». Согласно данному документу на Васильевском и других островах Санкт-Петербурга дома, светлицы и избы (которые еще не сданы в поднаем) должны были отдаваться в наем за такие цены, которые до этого за них хозяева получали. Запрещалось брать с нанимателя светлицы и избы, погоревшие с мая по первое число 1737 г., более двух рублей за месяц, пока они не починят (восстановят) свои дома [4].

Узаконение 16 марта 1738 г. «О покрывании каменных домов железом или черепицею» закрепляло в себе следующее правило: «Все каменные дома Санкт-Петербурга предписывалось покрывать железом или черепицею, и около палат гзымзы и балконы делали из кирпича или камня. Если дома, гзымзы и балконы до издания указа были деревянные, их предписывалось перестроить вышеуказанным способом» [5].

Время царствования Петра I, характеризовалось глобальным реформированием всего государственного аппарата, стало переломным и поворотным моментом в вопросе становления одной из важнейших государственных функций — предупреждения и ликвидации пожаров, чрезвычайных ситуаций, природных явлений. Политика Петра I существенно увеличила количество нормативных актов по вопросам «предосторожности от пожара» [6].

Во-вторых, выделялись отдельные правила для Москвы, например, в соответствии с нормативно-правовым актом от 25 июля 1735 г. «О нахождении с фонарями по ночам в Москве, для предосторожности от пожара, от мая до августа месяца и о не пропуске низшего звания людей, в ночное время рогаток, более трех человек» было запрещено ходить без фонарей ночью по Москве в пожароопасное время года (с мая по август). Полицеймейстерская канцелярия должна была следить за пропуском подлых людей в рогатках по ночам, которых не должно было превышать трех человек. Если их число превышалось, то действовали по указам для предотвращения воровства [7]. В Москве во избежание пожаров на погорелых местах улицы делали прямыми и широкими на основании поданного Московской полицией в Сенатскую контору плана. Данная норма закреплена в указе от 9 сентября 1736 г. «О расширении в Москве улиц; о делании обывателям по большим улицам колодезей и о правилах строения для безопасности от пожаров случаев» [8]. В настоящее время Санкт-Петербург и Москва выступают городами федераль-

ного значения и являются особыми субъектами в составе Российской Федерации. Данный факт имеет историческое объяснение, так как рассматриваемые города традиционно имели особое управление и статус [9].

В-третьих, существовали специальные правила для предотвращения (профилактики) пожаров. В соответствии с п. 39 Наказа 1728 г. «Губернаторам и Воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» [10] существовали определенные правила для новых построек, а именно: строения не должны были быть линейными, но и не должны были выдаваться в улицу; где строились новые улицы, там передняя и задняя улицы должны были оставаться просторными, по шесть сажень, а если это невозможно было, то не менее пяти сажень для безопасности дворов во время пожара; старые строения не ломали и не перестраивали без разрешения его хозяина. Бани регламентировалось строить как можно дальше от хоромного строения. В подземных хорамах печи обязывали класть с земли, а не с пола, отступая при этом от стены так, чтоб около всей печи было «порозжее» место. Кто хотел топить печи из сеней, тому предписывалось вырубать стены больше и закладывать их кирпичом. Трубы необходимо было строить широко для возможности их прочистки.

В-четвертых, особого внимания требуют при рассмотрении правила пожарной безопасности на воде и водных объектах. На основании Морского устава 1722 г. при несении службы в карауле в обязанность лейтенанта входило наблюдение за огнем ночью. За свой караул он должен был дважды обойти корабль и время от времени приказывать другим проходить между деками для профилактики пожара, смотреть, чтоб никто не курил табак. Каралось это штрафом вычета из жалования на неделю за всякое преступление [11].

Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского устанавливала правила, которые регламентировали порядок поведения в случае пожара внутри и за пределами Адмиралтейства. Если случался пожар в Адмиралтействе, то Советник Адмиралтейской канторы должен был тушить пожар с людьми, ночующими в Адмиралтействе. Если случался пожар в рабочих местах, принадлежащих Адмиралтейству, то Советник должен был третью долю людей, которые ночевали в Адмиралтействе, послать с пожарными инструментами тушить пожар [12]. 9 июля 1722 г. в Инструкции Московскому Обер-полицеймейстеру Грекову прописана обязанность всех обывателей в своих домах для топления и печения хлеба, прочих съестных потреб летом строить печи во дворах или в огородах, вне близости от строения месте, и смотреть, чтобы в летнее время, кроме тех печей в хорамах, они нигде не топились в предостережение от пожара. В данной же инструкции прописывалась ответственность за неявку обывателей на пожар с инструментами, выражающаяся санкцией в виде штрафа [13]. Данные правила также отражались в Инструкции, данной Московской полицеймейстерской канцелярии от 10 декабря 1722 г.

19 июля 1723 г. издан «Регламент Шкиперам и прочим, приходящим на торговых кораблях в порты Российского государства», в котором прописаны меры предосторожности от огня на мореходных судах. Флот для Петра I имел колоссальное значение. Он не мог забыть о гибели отца, царя Алексея Михайловича, от пожара на флоте, который, как стало позднее известно, был сожжен Степаном Разиным. Петр I лично участвовал в разработке правил пожарной безопасности на судах и верфях. Можно считать, что моряки при Петре I стали первым профессиональным обществом, для которого было разработано особое противопожарное законодательство [14].

В-пятых, следует охарактеризовать противопожарные правила в лесах. В соответствии с указом «О подтверждении жителям в окрестностях Санкт-Петербурга, чтоб они, для опасности от пожара, в лесах огней отнюдь не раскладывать» от 6 мая 1735 г. во всех лежащих около Санкт-Петербурга лесах запрещалось разводить огонь для предосторожности от пожарного случая [15]. Позднее, 13 июля 1738 г., Кабинетом Ее Величества Санкт-Петербургской Губернской канцелярии издается Указ «О запрещении раскладывать по дорогам и лесам огонь». На основании данного указа на всей территории Ингерманландии запрещалось разводить огонь в лесах под страхом наказания от битья кнутом до смертной казни [16]. В связи с тем, что Российская империя при Петре I развивала флот и становилась морской державой, на законодательном уровне запрещалась рубка леса, что подтверждается Указом 1717 г. «О сбережении дубовых на кораблестроение лесов, о запрещении рубить оные и подсушивать, о наказании за преступление сего указа». Для сбережения леса на постройку флота издавались указы о противопожарной безопасности в лесах.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в первой половине XVIII в. в Российской империи существовали правила пожарной безопасности для критически значимых объектов государственной важности. Целесообразно выделить следующие правила пожарной безопасности Российской империи до 1832 г.:

1. Правила пожарной безопасности для городов, являющихся на современном этапе развития городами федерального значения (г. Москва, г. Санкт-Петербург).
2. Противопожарные правила в лесах и на морских судах.
3. Специальные правила для профилактики пожаров.

Литература

1. Пожарный устав Российской империи: хрестоматия / под общ. ред. В. С. Артамонова. СПб.: С.-Петерб. ун-т ГПС МЧС России, 2016. 264 с.
2. *Сперанский М. М.* Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. Предложение к окончательному составлению законов // Русская старина. 1876. № 2. С. 433–434.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 9. 1736. Ст. 7032. СПб.: Тип II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1022 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 5. 1736. Ст. 7033. СПб.: Тип II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1022 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 10. 1738. Ст. 7540. СПб.: Тип II отделение — Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 995 с.
6. *Немченко С. Б., Смирнова А. А.* Становление функции государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Российской империи // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 4 (61). С. 68–76.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 9. 1735. Ст. 6778. СПб.: Тип II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1022 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 9. 1736. Ст. 7055. СПб.: Тип II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1022 с.
9. *Смирнова А. А., Титова Е. А.* Сравнительно-правовая характеристика Пожарного устава Российской империи редакций 1832 и 1857 гг. как первая попытка систематизации законодательства о пожарной безопасности в Российской Империи // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2015. № 2. С. 101–108.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 6. 1728. Ст. 5333, п. 39. СПб.: Тип II отделение — Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 815 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 6. 1720. Ст. 3485. СПб.: Тип II отделение — Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 815 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 7. 1722. Ст. 3937. СПб.: Тип II отделение — Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 922 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 6. 1722. Ст. 4047, п. 10, 14. СПб.: Тип II отделение — Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 815 с.
14. *Смирнова А. А., Воротников Д. Ю.* Развитие «указного законодательства» Петра I в сфере обеспечения пожарной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4 (65). С. 88–95.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 9. 1735. Ст. 6732. СПб.: Тип II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1022 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1649–1825. Т. 10. 1738. Ст. 7619. СПб.: Тип II отделение — Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 995 с.

Г. Н. Уткин

Процесс законотворчества как сочетание условного и безусловного

G. N. Utkin. The Lawmaking Process as a Combination of Conditional and Unconditional

В статье обоснован тезис о том, что законотворчество представляет собой процесс, характеризующийся сложным сочетанием условного и безусловного. Несмотря на преобладание в его характеристике условного, в нем неизменно должно присутствовать и то, что является самообусловленным, непреложным и непреодолимым и способно ввиду этого быть источником безусловности выступающих результатом законотворчества предписаний. В современных государствах значимость для законотворчества условного компенсируется безусловностью процедурно-процессуальных требований, лежащих в основе организации законотворческого процесса.

Ключевые слова: безусловное, условное, законотворчество, законотворческая деятельность, закон, государственная власть, властная воля, императивность закона.

Контактные данные: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 14; (495) 938-03-09; e-mail: utkin-gn@yandex.ru.

The article substantiates that lawmaking is a process characterized by a complex combination of conditional and unconditional. In spite of the predominance of the conditional in its characterization, there must always be something in it that is self-conditioned, immutable and irresistible, and is therefore capable of being the source of the unconditionality of the prescriptions that result from law-making. In modern States, the importance of conditional lawmaking is compensated by the unconditionality of procedural and procedural requirements underlying the organization of the legislative process.

Keywords: unconditional, conditional, lawmaking, legislative activity, law, state power, power will, imperative law.

Contact Details: Leninskiy Ave 14, Moscow, Russian Federation, 119991; (495) 938-03-09; e-mail: utkin-gn@yandex.ru.

Законотворчество представляет собой сложную с точки зрения содержания и по своей организации деятельность, от результатов которой во многом зависит эффективность системы правового регулирования общественных отношений. Традиционно оно рассматривается в качестве процесса, на каждом этапе которого его ход и результаты обусловлены сложной системой факторов — закономерностями и тенденциями развития общественных отношений, направленностью правовой политики государства, общественным мнением и т. д. В этой связи актуальность приобретает вопрос о том, есть ли в сфере законотворчества место безусловному, само собой разумеющемуся, постоянному, ни от каких факторов не зависящему, либо оно является деятельностью, полностью огражденной от непреложного, самообусловленного и неизменного.

В первом приближении законотворчество предстает процессом, в характеристике которого наиболее значимы черты, позволяющие рассматривать в качестве придающего ему особость именно то, что является условным. Сказанное оказывается акту-

Григорий Николаевич Уткин — помощник-референт вице-президента РАН (Москва), кандидат юридических наук.

© Уткин Г. Н., 2020

альным вне зависимости от того, в какой плоскости характеризуется названный процесс. Чаще всего законотворчество изучается в качестве специфического политико-правового процесса, как деятельность государственных органов по выработке, принятию и изданию законов, в ходе которой устанавливаются общеобязательные правила поведения [1, с. 29], как осуществляемая в строго установленном порядке деятельность законодательных органов государственной власти и граждан (при проведении референдума) по подготовке и принятию законов [2, с. 16]. Исследуемое в данном аспекте законотворчество с точки зрения содержания всегда связано с решением актуальных для государства задач, законодательство как его итог предстает в качестве «управляющего средства рациональной политики» [3, с. 22]. Если обратить внимание на формальную сторону законотворчества, то его неотъемлемым признаком, как правило, признается осуществление в особом, установленном действующим законодательством порядке.

Изложенное означает, что законотворчество неизменно выступает деятельностью, целенаправленно организуемой, обусловленной (в содержательном плане — стратегическими целями проводимой государством правовой политики, в формальном — требованиями нормативных правовых актов, определяющих функции и компетенцию законотворческих органов, а также регламентирующих процедуру законотворчества).

Как один из видов нормотворчества законотворчество представляет собой процесс, суть которого состоит в «преобразовании правовой материи» [4, с. 51]. Это позволяет говорить о нем как о функции права [5, с. 111]. В данном организационно-правовом аспекте законотворчество предстает «не чем иным, как образованием системы обязываний в правовых обменных процессах» [5, с. 111], которое, как и любая другая функция права, обусловливается целью и социальным назначением последнего. Понимаемое подобным образом законотворчество предполагает ориентированность на идеальную модель, рассматриваемую в качестве цели действия права, что в определенном смысле подразумевает обусловленность этой моделью.

Законотворчество — неотъемлемая составляющая правовой практики. В данном контексте о нем можно вести речь как об обусловленном объективно существующими в социуме потребностями в правовом регулировании, а в более общем плане — процессами, происходящими в обществе. Социальные процессы оказывают влияние на законотворчество опосредованно: во-первых, находя отражение в общественном сознании, формирующем общественное мнение; во-вторых, становясь эмпирической основой экспертной подготовки правотворческого процесса; в-третьих, выступая фактической основой решений, принимаемых непосредственно субъектами законотворческой деятельности.

Существует две крайние позиции в решении вопроса о том, что оказывает более значимое влияние на законотворчество — экспертные оценки или общественное мнение. Сторонники одной позиции считают, что точка зрения профессионалов гораздо важнее того мнения, которое может сформироваться в обществе на основании самых общих познаний и представлений о теории и практике права. Сторонники другой полагают, что законодательство должно соответствовать прежде всего общественному мнению [6, с. 46–47]. Вместе с тем, поскольку законотворчество является деятельностью, осуществляемой органами государственной власти, степень учета в законотворчестве экспертных оценок и общественного мнения зависит прежде всего от того, в какой мере они будут учитываться субъектами законотворчества в процессе обсуждения и принятия законодательных решений.

Поскольку законотворчество служит одним из видов человеческой деятельности, важным в его понимании является психолого-правовой аспект. В данном

аспекте законотворчество предстает обусловленным сложной системой психологических факторов — сознания, переживаний, установок, умонастроения, отношения и т. д. При этом связь обнаруживается как на уровне влияния общественного сознания на процесс принятия конкретных норм, так и на уровне опосредования законотворческой деятельности индивидуальным правосознанием тех лиц, которые ею занимаются [7, с. 38–39]. Анализ факторов, придающих первостепенную значимость в характеристике законотворчества условному, свидетельствует о том, что последнее представляется существенным ввиду того, что законотворчество — особый вид человеческой деятельности. Чем более сложна такая деятельность, тем более многочисленны и разнообразны факторы, ее обуславливающие, и изложенное в полной мере справедливо в отношении законотворчества.

В связи с признанием значимости для понимания качественного своеобразия законотворчества условного остро встает вопрос о том, что выступает источником безусловности его результатов — императивных общеобязательных требований, находящихся оформление в законах, поскольку «просто заявления о том, что людям следует вести себя так, а не иначе, не могут заставить подчиняться им» [8, с. 142]. Исторически таким источником следует признать императивность воли субъекта законотворчества как носителя государственной власти. Предполагается, что самообусловленность, непреложность и непреодолимость воли данного субъекта выступает необходимым и достаточным источником безусловности законодательно закрепленных требований. Таким образом, значимость в характеристике законотворчества условного нивелируется безусловной императивностью властной воли того, кто его осуществляет.

В современных условиях вследствие политизации правовой жизни происходит повышение значимости в характеристике законотворчества его политических аспектов (подтверждением служит, например, факт о том, что «неудовлетворительное состояние политических институтов и процессов прямо отражается на содержании новоиздаваемого законодательства» [3, с. 28]). На первый взгляд, при этом императивность воли субъекта законотворчества как носителя государственной власти должна сохранять значение необходимого и достаточного источника безусловности требований законов. Однако чем большей на практике становится значимость в характеристике законотворчества политического в сравнении с правовым, тем более зыбкими оказываются основания безусловности содержащихся в законах велений.

Представляется, что складывающаяся ситуация связана в первую очередь с изменением представлений о государственной власти. В традиционных государствах императивность властной воли выступает закономерным следствием суверенности ее носителя, а суверенность неразрывно связана с господствующим положением не только в политической, но и в социальной иерархии. По мере демократизации политико-правовой жизни государственная власть все меньше ассоциируется с волей суверена, и в современных государствах «область существования суверенной власти перемещается в некое абстрактное пространство» [9, с. 2].

Обезличивание источника власти приводит к тому, что императивность воли субъекта, наделенного законотворческими полномочиями, перестает восприниматься в качестве единственно необходимого и достаточного основания безусловности законодательных предписаний. Более того, в условиях, когда практически аксиоматическим становится утверждение о том, что «не всякий закон по своему содержанию является правовым» [10, с. 206], адресаты требований законов перестают воспринимать их в качестве безусловных, причем во многом именно вслед-

ствие осознания возможности несовпадения права и закона в условиях существенности воздействия на процесс законотворчества политических факторов.

По мере увеличения значимости в характеристике законотворчества политического все большую важность в качестве источника безусловности требований законов приобретает легитимность деятельности по их подготовке, принятию и изданию. Все наиболее значимые критерии легитимности законотворческой деятельности содержательны, о чем свидетельствует характер основополагающих идей, которые традиционно рассматриваются в качестве принципов названной деятельности [11, с. 93–95]. Однако именно содержательные критерии трудно формализуемы. Таковыми, в частности, являются чрезвычайно важные для современного законотворчества правовые принципы, сформированные «историческим опытом человечества» и воплощающие в себе «представления о справедливости, гуманности, организации и порядке общественной жизнедеятельности» [12, с. 68].

Более того, в современных условиях проблемой оказывается не только формализация, но и обнаружение подлинных критериев легитимности законотворческой деятельности. С. Матеева пишет: «Процесс диверсификации общественных структур характеризуется быстрой эрозией знакомой нам по прошлым годам классовой структуры общества. На ее месте возникает множество разнородных по своему характеру социальных групп и прослоек» [6, с. 44]. Как следствие, представления о справедливом, целесообразном, гуманном перестают быть универсальными, размываются; у представителей каждой социальной группы зачастую оказывается «своя» справедливость, «своя» целесообразность, «своя» гуманность. В этой ситуации «своими» у разных социальных групп могут оказаться и критерии легитимности законотворческой деятельности, а соответствие критериям, относительно содержания которых не может быть достигнуто единое мнение, вряд ли послужит источником безусловности.

Не способствует повышению легитимности законотворческой деятельности современного государства и нестабильность действующих нормативных правовых актов, постоянное внесение в них многочисленных изменений. Еще больше ситуация осложняется множественностью законов, когда адресаты содержащихся в них предписаний объективно не могут знать их все без исключения. Невозможность сформулировать и формализовать такие требования к содержанию законотворчества, при соблюдении которых оно неизменно соответствовало бы критериям, с которыми на уровне общественного, группового и индивидуального сознания связываются представления о его легитимности, приводит к постепенной подмене названных требований процедурно-процессуальными требованиями, предъявляемыми к организации законотворческой деятельности, принципам такой деятельности — принципами законодательного процесса, а легитимности законотворчества — легальностью его осуществления.

Безусловность соблюдения процедурно-процессуальных требований, лежащих в основе организации законотворческого процесса, презюмируется в качестве необходимого и достаточного условия обеспечения справедливости, целесообразности, гуманности принимаемых законов, несмотря на то, что в действительности закономерной связи между ними не существует и вряд ли может существовать. Вместе с тем такое презюмирование выступает механизмом компенсации отсутствия у субъекта, наделенного законотворческими полномочиями, суверенности, а у выражаемой им воли — свойств самообусловленности, непреложности и непреодолимости. То обстоятельство, что данный механизм срабатывает не только в теории, но и на практике, свидетельствует о следующем: законотворчество — процесс, специфика которого не определяется лишь условным, в нем неизменно сочетаются условное и безусловное.

Литература

1. Желдыбина Т. А. Законотворчество в России: эволюция и современность: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 152 с.
2. Петров А. И. Законотворчество как особый вид деятельности представительного органа государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 27 с.
3. Горбань В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М.: Юриспруденция, 2009. 160 с.
4. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2011. 384 с.
5. Малахов В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 144 с.
6. Матеева С. Законотворчество как итеративный процесс // Lex Russia. 2009. Т. 68. № 1. С. 43–55.
7. Кибак И. А. Психология законотворчества как теоретико-прикладное направление правовой психологии // Акмеология. 2011. № 2. С. 37–44.
8. Игнатьев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 216 с.
9. Исаев И. А. Карл Шмитт о господстве и суверенитете // История государства и права. 2013. № 2. С. 2–4.
10. Шафиров В. М. Право в человеческом измерении // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2004. № 3. С. 198–213.
11. Золотухина Т. А., Тонков Е. Е. Принципы законотворческой деятельности: попытка обобщения и теоретического анализа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3. С. 89–95.
12. Керимов Д. А. Законотворчество // Право и образование. 2001. № 3. С. 68–73.

А. К. Сабирова, Д. В. Курский

Правонарушения в области пожарной безопасности, совершенные при эксплуатации крупных торгово-развлекательных комплексов

A. K. Sabirova, D. V. Kurskiy. Characteristic Infringements in the Field of Fire Safety Committed in the Operation of Large Trading and Entertainment Complexes

Статья посвящена правонарушениям в области пожарной безопасности, совершенным в торговых центрах, проблемным вопросам предупреждения данных правонарушений. К основным причинам нарушений требований пожарной безопасности авторами отнесена экономия средств на обеспечении мер пожарной безопасности владельцами торговых центров, чему в определенной степени способствует их безнаказанность.

Ключевые слова: пожарная безопасность, обеспечение пожарной безопасности, торговые центры, правонарушение, ответственность.

Контактные данные: **А. К. Сабирова:** 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-15; e-mail: ledi.999@inbox.ru | **Д. В. Курский:** 197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., д. 32, корпус 4; (812) 307-26-49; e-mail: ondpr_primorskiy@78mchs.ru.

The article is devoted to fire safety offenses committed in shopping centers, problematic issues of preventing these offenses. The main reasons for violations of fire safety requirements by the authors include cost savings on the provision of fire safety measures by the owners of shopping centers, which to some extent contributes to their impunity.

Keywords: fire safety, shopping centers, offense, liability.

Contact Details: **A. K. Sabirova:** Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-15; e-mail: ledi.999@inbox.ru | **D. V. Kurskiy:** Komendantskiy Ave 32/4, St. Petersburg, Russian Federation, 197373; (812) 307-26-49; e-mail: ondpr_primorskiy@78mchs.ru.

Вопрос обеспечения пожарной безопасности имеет сегодня огромное социальное и политическое значение. Негативные последствия, которые влекут пожары, являются существенной проблемой.

В результате нарушений требований пожарной безопасности причиняется имущественный вред. Кроме того, такие деяния влекут за собой причинение вреда здоровью и жизни людей, а также непоправимый вред природным ресурсам, поскольку из-за нарушения этих требований могут выгорать целые лесные массивы, восстановление которых может затянуться на долгие годы.

Исследования свидетельствуют о том, что наша страна, если сравнить ее с другими государствами, занимает лидирующее место в печальной статистике по

Анна Кудратовна Сабирова — аспирант кафедры административного права и административного процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Дмитрий Викторович Курский — заместитель начальника управления, начальник отдела надзорной деятельности и профилактической работы Выборского района управления по Выборскому району ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу, полковник внутренней службы.

© Сабирова А. К., Курский Д. В., 2020

числу жертв, причинами гибели которых стали нарушения правил пожарной безопасности. При этом Россия не просто лидирует, но имеет значительный отрыв от иных стран по числу жертв, поскольку их количество примерно в 11 раз выше, чем в тех, которые занимают более низкие ступени на данной статистической лестнице [1]. Цифры, безусловно, говорят о том, что система обеспечения пожарной безопасности в нашей стране фактически беспомощна, требует существенного переосмысления и решения ряда насущных проблем в сфере ее правового регулирования.

Очевидно, что в сложившейся ситуации необходимы действенные и комплексные меры по противодействию нарушений пожарной безопасности. В этом направлении государством предпринимаются значительные меры, вводятся различные виды ответственности. Вместе с тем существует огромное количество различных проблем, связанных и с отсутствием фундаментальных теоретических разработок, и с правоприменительной практикой. Тревогу вызывают происходящие пожары в торговых центрах, поскольку в таких зданиях обычно находится большое количество людей, в том числе детей. В связи с этим число жертв может быть просто огромно. Приведем лишь некоторые примеры.

6 мая 2011 г. пламенем был охвачен магазин «Кооператор», расположенный в здании жилого дома. В огне оказалось не только помещение торговой точки, но и часть квартир, расположенных в девятиэтажном доме. Пожар привел к гибели пяти человек, пострадали — 39. В целом огнем охвачено 2,5 тыс. м. Причиной возгорания стало замыкание в электросети [2].

16 декабря 2014 г. пожар произошел в торговом центре п. Самусь Томской области. Люди при этом не пострадали, поскольку пожар случился вечером. Полыхали потолок и кровля торгового центра, что повлекло существенный материальный ущерб в размере 6 341 334 руб.

11 марта 2015 г. пожар случился в торговом центре «Адмирал» в Казани. Последствия его крайне трагичны ввиду высокой сложности пожара — четвертый уровень по системе пятибалльной оценки. Огнем оказались охвачены 4 000 кв. м. В огне погибли 19 человек. Среди них — посетители торгового центра, сотрудники МЧС. Всего пострадали более семидесяти человек. В тушении пожара были задействованы 305 человек и 76 единиц техники, что позволило эвакуировать более шестисот человек. При менее грамотных действиях сотрудников МЧС количество жертв могло бы увеличиться в разы. Пожар удалось потушить только спустя восемь часов, но спасательные и поисковые работы продолжались несколько дней, поскольку здание полностью обрушилось. Оказалось, что к пожару привело нарушение требований безопасности при кровельных работах, вследствие которых загорелись сэндвич-панели и гидроизоляционные материалы на основе битума.

Главными причинами пожара признаны две. Первая — нарушение требований пожарной безопасности, которые игнорировались как владельцем торгового центра, так и контролирующими органами, поскольку в течение двух лет данное здание эксплуатировалось без разрешения на ввод после эксплуатации, с множеством различных нарушений требований пожарной безопасности. В частности, была неисправна система оповещения о пожаре, измененная планировка не позволяла в короткие сроки произвести эвакуацию всех посетителей и сотрудников центра и способствовала быстрому распространению дыма и огня. Второй причиной послужило опасное поведение продавцов, которые пытались спасти не только себя, но и товар, возвращались за ним в задымленную зону, где образовывали затор, не позволяющий быстро эвакуироваться [3].

21 июля 2015 г. пожар произошел в торговом центре «Грани» г. Томска. Жертв удалось избежать, но огнем полностью уничтожены крыша и третий этаж здания, что повлекло существенный материальный ущерб в размере 12 551 219 руб.

8 декабря 2017 г. произошел пожар в торговом центре «Дисконт-центр» в г. Раменское. Несмотря на небольшое количество его посетителей (не более двух десятков человек) и небольшую площадь возгорания (40 кв. м), трое погибли и пятеро пострадали [2]. 25 марта 2018 г. зарегистрирован пожар в торговом центре «Зимняя вишня» г. Кемерово, продолжавшийся практически сутки, где погибли 64 человека, в том числе 41 ребенок. Его площадь составила 1 600 кв. м. Пожару присвоен третий уровень сложности, что привело к введению на территории субъекта режима чрезвычайной ситуации.

Возгоранию в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» присвоен третий номер сложности по пятибалльной шкале. На территории Кемеровской области был введен режим чрезвычайной ситуации федерального уровня, объявлен федеральный уровень реагирования. На тушение пожара брошены огромные силы — 840 человек и 195 единиц техники.

Пожар начался на последнем этаже, привел к обрушению кровли. В качестве его причины официально указали неисправность электропроводки, но не исключена вероятность поджога. В торговом центре выявлены нарушения пожарной безопасности: пожарные выходы были заблокированы, сработали, но были отключены вручную охранником пожарная сигнализация, системы пожаротушения и дымоудаления. Проверки инспекторами Госпожнадзора не дали ожидаемого предупреждения пожара, а пожароопасность и состояние комплекса недооценивались. Как и многие переоборудованные комплексы, «Зимняя вишня» имела минимальное естественное освещение. Это является маркетинговым решением по погружению человека в потребительскую среду с отрывом его от реальности, но сильно осложняет соблюдение норм пожарной безопасности.

Можно выделить следующие наиболее распространенные виды нарушений правил пожарной безопасности:

- отсутствие или неисправность системы автоматической пожарной сигнализации, оповещения людей, автоматического пожаротушения, автоматического внутристеллажного пожаротушения;
- отсутствие или неисправность системы дымоудаления;
- заужение ширины эвакуационных коридоров, проходов, выходов на лестничные клетки и наружу из здания, лестничных маршей и площадок;
- отсутствие второго эвакуационного выхода, нераспределенность эвакуационных выходов;
- отсутствие (недостаточность) естественного освещения в коридорах и подвалах;
- наличие турникетов, иных препятствий на путях эвакуации, их загромождение;
- отделка путей эвакуации горючими материалами;
- нарушения противопожарного режима [4].

В большинстве торгово-развлекательных центров места отдыха и развлечений для детей расположены на верхних этажах, поскольку это экономически выгодно. Нормативно установлен запрет на расположение детских игровых зон выше второго этажа и на расстоянии более 20 м от эвакуационного выхода [5]. Но проблема заключается в том, что отсутствует нормативное определение «детская игровая зона». В связи с этим при проектировании сооружения может произойти подмена понятий «досуговая зона», «зона семейного отдыха» и др.

Проблема, конечно, состоит и в том, что владельцы крупных торговых центров, как и большинство лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, ориентированы на получение выгоды. С учетом этого они стремятся к снижению затрат любыми путями, и экономия на обеспечении пожарной безопасности не исключение [6]. Проблема усугубляется еще и тем, что государственные инспекторы пожарного надзора не обладают полномочиями прекратить или приостановить деятельность торговых центров даже при выявлении недостатков в области пожарной безопасности. Правом такой деятельности наделен исключительно суд. При этом судья обязан указать в постановлении по делу об административном правонарушении обстоятельства, создающие, по его мнению, угрозу причинения вреда. Срок административного приостановления деятельности не может превышать 90 суток.

Необходимо обратить внимание и на период до вынесения судом постановления. В Кодексе РФ об административных правонарушениях в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении предусмотрен временный запрет деятельности торговых центров на срок до рассмотрения дела судом. Должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, вправе по своему усмотрению применить эту меру обеспечения. Следует также отметить, что временный (до суда) запрет деятельности может применяться, если за выявленные в торговых центрах нарушения возможно наказание в виде административного приостановления деятельности. Согласно устоявшейся практике, временный запрет деятельности применяется в исключительных случаях, в частности при непосредственной угрозе жизни или здоровью людей.

Очевидно, что любое, пусть и временное закрытие торговых центров, влечет за собой убытки для его арендаторов [7]. В итоге возникает масса новых вопросов о том, можно ли «засудить» владельца торгового центра или арендодателя за несоблюдение правил пожарной безопасности, повлекшее за собой закрытие торгового центра; можно ли рассчитывать на какую-либо компенсацию по суду, или такие вещи урегулируются в досудебном порядке.

Как показывает российская практика, подобные ситуации урегулируются по-разному. В одних случаях договоры об аренде прямо предусматривают компенсационные выплаты с описанием подобных случаев. В других, когда работа торгового центра приостанавливается на срок до одной недели, арендодатель просто не взимает за этот период арендную плату. Если срок закрытия торгового центра оказывается более длинным, то у арендатора появляются законные основания расторгнуть договор аренды. Арендатор вправе требовать, в том числе и через суд, компенсации с арендодателя, связанной с организацией его деятельности в помещении пропорционально сроку фактического исполнения договора.

В судебной практике очень мало случаев обращения арендаторов в суд в подобной ситуации, изложенной выше. Полагаем, причина состоит в следующем. Мелкие арендаторы не рискуют вступать в судебные тяжбы, поскольку сумма исковых требований зачастую меньше судебных издержек. Крупные или якорные арендаторы в торговых центрах обычно такие вещи оговаривают в договоре. В итоге при возникновении подобных ситуаций, а случаются они нечасто, все стороны договариваются во внесудебном порядке. Соответственно, выплаты и прочие существенные условия таких договоренностей сохраняют в тайне, ссылаясь на «коммерческую тайну».

Таким образом, в качестве основной причины нарушений требований пожарной безопасности нами рассмотрена экономия средств владельцами торгового центра на обеспечении мер пожарной безопасности, чему в определенной степе-

ни способствует их безнаказанность. Полагаем, вопросы обеспечения пожарной безопасности в местах массового пребывания людей, в том числе и в крупных торговых центрах, должны в настоящее время выходить на первое место. Следовательно, необходимо рассмотреть возможность упрощенной процедуры приостановления деятельности торговых центров при выявлении в них недостатков в сфере обеспечения пожарной безопасности до того времени, как все эти недостатки не будут устранены.

Литература

1. Христинич И. В. Пожарная безопасность: понятие и основные критерии // Право и безопасность. 2012. № 2 (42). С. 80–84.
2. Бахарев В. Е., Зальцман В. С., Фомин Д. С. Пожары, произошедшие на объектах с массовым пребыванием людей в Российской Федерации за период с 2009 по 2018 г. // World Science: Problems and Innovations: сб. ст. XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 85–88.
3. Аксенов С. Г., Перминов В. П. Проблемы эффективности надзорной деятельности на примерах резонансных пожаров в торговых центрах // Пожарная охрана на службе государства: 1918–2018 гг. / под общ. ред. С. Г. Аксенова. Уфа, 2018. С. 165–173.
4. Лисин И. Н. О мерах повышения ответственности за нарушения правил пожарной безопасности // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2010. № 6. С. 50–52.
5. Никитин А. В., Кузовлев А. В. Условия возникновения пожаров в торговых центрах // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2018. Т. 1. № 9. С. 665–666.
6. Кондрина Д. Е., Табакова Е. Е. Пожарная безопасность при строительстве торгово-развлекательных центров // Инновации в природообустройстве и защите в чрезвычайных ситуациях: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 368–371.
7. Рожнова С. С., Горбунова О. В. Обеспечение пожарной безопасности в торговых центрах // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2015. № 9. С. 228–232.

Р. Ф. о. Велиев

Нормотворчество в построении демократического государства

R. F. o. Veliev. Role of Regulatory Acts in Creation of a Democratic State

В статье рассмотрены теоретические и практико-правовые основы нормотворческой деятельности в современной России, выявлена взаимосвязь нормотворчества и критериев классификации юридических норм. Кроме того, освещен вопрос правового оформления послания Президента РФ Федеральному Собранию как существенный элемент нормотворчества в построении демократического государства.

Ключевые слова: демократия, юридическая норма, нормотворчество, критерий классификации, послание Президента РФ Федеральному Собранию.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 451-19-10, e-mail: s.gumenuk@spbacu.ru.

A current theoretical and practical legal basis for creation of regulatory acts in the Russian Federation is discussed. A current relationship between the issued regulatory acts and some criteria of legal norm classification is shown. Legalization of the President address to the Parliament of the Russian Federation as a substantial element of the legal norm-making in a democratic state is revealed.

Keywords: democracy, legal norm, creation of regulatory acts, classification criterion, the President address to the Parliament of the Russian Federation.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10, e-mail: s.gumenuk@spbacu.ru.

В настоящее время актуализируются вопросы, связанные с построением государства на демократических правовых началах, поскольку происходящие глобализационные процессы требуют усиления демократических тенденций в совершенствовании государственных механизмов. Например, в Послании Президента Российской Федерации (РФ) Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. объявлено о начале проведения конституционной реформы [2], в рамках которой предполагается усилить демократические начала формирования и осуществления государственной власти.

В сложившейся политической обстановке проведение данной реформы имеет объективные субстанциональные предпосылки, которые, с одной стороны, обусловлены социально-экономической обстановкой, с другой — продиктованы несовершенством действующего российского законодательства. Следовательно, для правового обеспечения построения демократического государства огромное значение приобретает нормотворческая деятельность. Посредством этой деятельности должно быть сформировано действующее право, которое, по мнению М. Н. Марченко, есть не что иное, как «система надлежаще установленных норм, объективно сложившихся принципов права, выраженных в легально признанных формах, имеющих общеобязательный характер и направленных на регулирование общественных отношений» [3, с. 249].

Велиев Руфат Адалат оглы — аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Велиев Р. А. о., 2020

При этом формируемое право должно являть собой материализацию идей о гуманизме, справедливости и свободе с целью достижения всеобщей согласованности интересов различных субъектов социальных отношений [4, с. 485]. С учетом таких тенденций генезиса политико-правовых явлений, как универсализация и унификация права, более широкое формирование и активное использование принципов права в качестве регулятора общественных отношений, расширение юридического сектора, касающегося прав человека и гражданина, политизация права и иных [5, с. 100–114], складывается объективная субстанциональная предпосылка для демократизации правового регулирования механизма формирования и осуществления публичной власти.

На наш взгляд, для качественного совершенствования демократизации механизма правового регулирования, а следовательно, и государства как единой политической организации общества необходимо пересмотреть некоторые теоретические и практико-правовые основы нормотворческой деятельности в России. Рассмотрим, прежде всего, теоретические основы осуществления нормотворческой деятельности.

Центральным звеном построения системы является юридическая норма как форма высшей степени модальности правового предписания. Так, М. Н. Марченко определил юридическую норму как «исходящее от государства, охраняемое общеобязательное формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отпавного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений» [6, с. 388]. Основываясь на дефиниции юридической нормы и ее признаках, можно заключить, что совокупное сочетание понятия и признаков детерминируют структуру нормы, состоящую именно из трех элементов.

Иные подходы, которые декларирует, например, Я. В. Гуменюк [7], представляются квазиправовыми. Возникает вопрос о том, почему иной подход к структуре юридической нормы является квазиправовым. По нашему мнению, существуют следующие аргументы в пользу того, что подлинно правовой считается только та юридическая норма, которая содержит все три элемента (гипотезу, диспозицию, санкцию): во-первых, норма, не содержащая концентрированной конкретной ситуационной гипотезы, автоматически и естественным образом порождает произвол в применении санкции, поскольку происходит расширительное толкование юридического факта; во-вторых, диспозиция должна представлять собой модель правила поведения, являющуюся воплощением гуманизма, справедливости, свободы воли; предписание должно быть адекватным, не противоречащим сложившейся системе общественных отношений, иначе норма будет «мертвой», а следовательно, с большой долей вероятности будет носить антидемократический характер; в-третьих, санкция — это объективизация такого признака юридической нормы, как ее обеспеченность принудительной силой государства, то есть, с одной стороны, в идеальной форме мера адекватной ответственности за противоправное деяние, с другой — условие, гарантирующее исполнимость правового предписания. Отметим, что именно трехчленную структуру субъект может воспринять наиболее адекватно, а значит, сделать для себя ее исполнение нормой поведения.

В настоящее время не представляется возможным полностью отказаться от правовых норм, имеющих усеченную структуру. Например, большинство нормативных правовых актов содержат нормы-дефиниции, которые затруднительно считать регулятором общественных отношений, поскольку они зачастую не являются даже предпосылками для упорядочивания общественных отношений и, как правило, не содержат каких-либо прав и обязанностей. Охарактеризованная

выше тенденция, в соответствии с которой получают широкое распространение нормы-принципы, на наш взгляд, основана на качественном изменении подхода к выработке таких норм, поскольку, несмотря на то, что в классическом виде чаще всего они не содержат всех трех элементов структуры, но ввиду их системного толкования можно заключить, что конструкция их диспозиции предусматривает отсылку к гипотезе и санкции.

Еще одним сущностным аспектом демократизации механизма правового регулирования является корректный подход к критериям классификации юридических норм, поскольку критерий, положенный в основу деления юридических норм, с учетом своего субстанционального наличия имеет определяющее значение для конструирования юридической нормы, которая, как известно, носит абстрактный характер.

Наиболее значимы следующие критерии классификации юридических норм: специально-юридическая функция (регулятивные, охранительные нормы); характер правила поведения — характер диспозиции (управомочивающие, обязывающие, запрещающие); предмет правового регулирования (конституционные, административные и др.) [4, с. 488]. Возникает вопрос о том, почему именно эти критерии имеют существенное значение для демократизации механизма правового регулирования и функционирования публичной власти в целом. Ответ состоит в следующем. Во-первых, предмет правового регулирования есть не что иное, как основа формирования отраслей действующего законодательства, то есть концептуальная основа демократизации различных отраслей права; во-вторых, специально-юридическая функция — инструмент первичной дифференциации активного направленного механизма правового регулирования, выполняющий одновременно все социальные функции права, в отсутствии которого механизм правового регулирования как упорядочивание реализации интересов субъектов общественных отношений утрачивает всякий смысл; в-третьих, характер правила поведения — характер диспозиции моделирует правомерное поведение пассивных субъектов, то есть играет главенствующую роль для нормополучателя.

Таким образом, применительно к теоретической основе демократизации нормотворческой деятельности, представляющей собой объективную предпосылку демократизации публичной власти, можно констатировать, что названные факторы детерминируют процесс конструирования юридической нормы в духе идей свободы и справедливости, вытекающих из гуманистических начал нормотворчества.

Связующим звеном теоретических и практико-правовых основ нормотворчества является уровень правовой культуры, который, в свою очередь, детерминируется уровнем общесоциальной культуры. В настоящее время в связи с упадком общесоциальной культуры, случившимся одновременно с развалом Советского Союза, для России характерен и низкий уровень правовой культуры, который иллюстрируется судебной статистикой [8]. Следовательно, актуализируется вопрос повышения качества нормотворческой деятельности, поскольку формирование высокого уровня правовой культуры возможно в условиях эффективных, понятных и доступных для восприятия и реализации юридических норм, а также при привлечении к этому процессу широких слоев населения, то есть при укреплении демократических начал государства.

Практико-правовые основы демократизации должны быть заложены в Конституции РФ. С учетом реализуемой конституционной реформы в рамках нормотворческого процесса целесообразно актуализировать тему правового оформления послания Президента Федеральному Собранию России. Послание по своей сути является информационным письмом главы государства в адрес парламента,

где содержатся планы и ориентиры, которые определяет глава государства в соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции РФ [1]. Объективно возникают политико-правовые вопросы о том, для чего и почему делается такое послание, если в палатах российского парламента присутствуют полномочные представители Президента, которые вполне могут довести до сведения Федерального Собрания позицию главы государства по соответствующим вопросам, а также в качестве профессионального посредника реализовать законодательную инициативу Президента; можно ли расценивать послание Президента парламенту как прямое указание к действию в обход теории разделения властей и системы сдержек и противовесов [9, с. 40–41].

Естественно, между главой государства и парламентом должен быть канал связи, посредством которого возможно эффективное правомерное взаимодействие высшего должностного лица государства и высшего законодательного органа, но в каком правовом формате должно осуществляться их взаимодействие? Существующий формат с учетом расстановки политических сил можно считать квазидемократическим. Безусловно, Президент России и Федеральное Собрание должны демонстрировать определенное политико-правовое единство, но единство, основанное на системе сдержек и противовесов, а не на иерархии, то есть соответствовать режиму законности, «осуществляющемуся лишь в том случае, если выстраивается цепочка, на одном конце которой — пакет различных ценностей, которые через посредство идеи права сообщаются с расположенными на другом конце плюрализмом правовых форм» [10, с. 117]. Следовательно, такой предпосылочный элемент законотворчества, как послание Президента РФ Федеральному Собранию сегодня не соответствует режиму законности, а значит, оказывает деструктивное воздействие на правовой порядок, в том числе на демократизацию государственности, поскольку не имеет правового оформления.

Итак, необходимо придать документарный характер Посланию Президента РФ посредством принятия правового акта под названием «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации», который имел бы юридическую силу и предполагал обязательность внесения соответствующих законопроектов в Государственную Думу России. На наш взгляд, такой подход будет соответствовать как демократическим началам государственности, так и естественно-историческим, поскольку:

1) демократизм будет состоять в том, что послание, во-первых, будет являть собой выражение народной воли, так как Президент России избирается всенародным голосованием, то есть выступает верховным представителем общества при осуществлении публичной власти; во-вторых, посланию будет придан обязательный характер, который выразится в обязанности парламента принять к рассмотрению соответствующие законопроекты (в настоящее время законодательная власть и глава государства образует некоторое единство и инициативы Президента рассматриваются, принимаются, но в случае, если парламент станет оппозицией главе государства, возможно игнорирование инициатив Президента, а следовательно, игнорирование инициатив граждан Российской Федерации); в-третьих, обязанность по рассмотрению законодательных инициатив в соответствии с принципами законотворческого процесса не гарантирует их безусловное принятие, а следовательно, будет произведен учет мнений различных общественных групп;

2) естественно-исторический характер найдет отражение в том, что многонациональный народ России будет ощущать определенное квазиверховенство главы государства, силу и сакральный характер власти, который, вероятно, сможет уберечь государственность от авантюристов и проходимцев. В качестве подтверждения этого тезиса обратимся к утверждению одного из величайших государ-

ственников России К. П. Победоносцева: «При демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов с своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов» [11, с. 260]. Уместно вспомнить и слова великого русского философа И. А. Ильина: «Национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве» [12, с. 522].

Таким образом, можно заключить, что подлинной онтологической предпосылкой демократического устройства государства является усовершенствованный механизм нормотворческой деятельности, основанный на органическом сочетании теоретических начал права и функциональности нормотворческого процесса, построенных на идеях человеческой справедливости и свободы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 25 марта 2004 г. № 1-ФКЗ, от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ, от 12 июля 2006 г. № 2-ФКЗ, от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ, от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
3. *Марченко М. Н.* Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова): монография. М.: Проспект, 2018. 416 с.
4. *Зернов А. О.* Право и основные критерии классификации юридических норм // Неделя науки СПбПУ: материалы науч. конф. с междунар. участием, лучшие доклады. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 485–489.
5. *Марченко М. Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и над-национальных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2019. 296 с.
6. *Марченко М. Н.* Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. М.: Проспект, 2017. 720 с.
7. *Гуменюк Я. В.* Структура нормы права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4 (27). С. 44–46.
8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 10.03.2020).
9. *Зернов А. О.* Взаимодействие Президента с Палатами Федерального Собрания в Российской Федерации // Danish Scientific Journal. 2019. Vol. 2. No. 22. С. 38–42.
10. *Беляев М. А.* Принцип законности: современные интерпретации: монография. М.: Проспект, 2019. 168 с.
11. *Победоносцев К. П.* Величие самодержавной власти. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
12. *Ильин И. А.* Сильная власть. Русская идея. М.: Э, 2017. 704 с.

*Т. Н. Пидласко***О взаимосвязи категорий права и морали***T. N. Pidlasko. On the Relationship between Law and Morality*

Статья посвящена актуальному вопросу взаимодействия права и морали с учетом того, что общество непрерывно развивается. Следовательно, вместе с ним постоянно изменяются нормы права и морали. Этот сложный процесс охватывает разные стороны. Любое государство уникально, так как имеет специфические черты, и неповторимая Россия не является исключением. С одной стороны, она — самая масштабная по площади, численности населения и территории страна, с другой — в нашем многонаселенном государстве проживают различные этносы. Россия неоднократно испытывала тотальные преобразования, сталкивалась с мощными кризисами, не только политическими, но и экономическими. С распадом Советского Союза Российская Федерация (РФ) вновь испытала кризис, который затронул экономику, политику, духовный мир отечественного общества. До настоящего времени наше государство пытается его преодолеть, сталкиваясь с новыми трудностями. Политические преобразования, экономические реалии и другие многочисленные факторы, безусловно, оказывают влияние на право и мораль, так как в стране социум, подвергнутый огромным испытаниям, регулярно изменяется, как и его дух, и его менталитет. С течением времени изменяются и нормы, ряд из них устаревает, формируется новое законодательство, проходя порой путь ошибок и вступая в разногласие с прошлыми устоями.

Ключевые слова: мораль, право, функции права, гуманность, нравственность, справедливость.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 462-19-10;

The article touches on the topical issue of interaction between law and morality, caused by the fact that society is constantly developing, and this process is endless, therefore, the norms of law and morality are constantly changing in their development. This process is not easy and covers different sides. Any country is unique because it has its own specific features and uniqueness. The Russian Federation is particularly unique, because on the one hand, it is the largest in terms of area, population and territory, on the other hand, it is home to a large variety of ethnic groups. Our government has repeatedly experienced a total conversion, was confronted with a powerful crisis, not only political, but also economic. With the collapse of the Soviet Union, Russia again experienced a crisis that affected the economy, politics, and the spiritual world of Russian society. Up to the present time Russia is trying to overcome this crisis, at the same time faced with new challenges. Political transformations, economic realities, and many other factors certainly have an impact on law and morals, because in the country, society, subjected to huge tests, regularly changes, changing its spirit and mentality. The past legislation is outdated, and the new one is still being formed, passing through a number of mistakes and entering into disagreement with the past foundations.

Keywords: morality, law, functions of law, humanity, justice.

Contact Details: Lermontovsky Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 462-19-10;

Тихон Николаевич Пидласко — аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Пидласко Т. Н., 2020

Никто не вправе опровергать традиции прошлого. По нашему мнению, невозможно не разделять взгляды с точностью и порой очевидностью идей равенства, свободы личности, демократии и гуманности, которые важны не только в предыдущих столетиях, но и на современном этапе.

Рассматривая опыт предыдущих лет, подводя определенные итоги, необходимо смотреть в будущее, а не воспроизводить то, что создано нашими предками. Однако существуют ключевые духовные ценности (равноправие между людьми, независимость, гуманность, справедливость), на которых основана мораль предыдущих лет, и в настоящее время они зафиксированы в праве [1]. Формирование РФ как демократического государства является важнейшей политико-идеологической задачей. Все это определяет актуальность темы морали и права.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. определено: «Гармоничное взаимодействие политики, морали и права положительно сказывается на обществе и его развитии. Правовое, демократическое государство, строящееся на моральных принципах, является действительно гуманным, а потому успешным. Необходимо констатировать, что в эпоху современного времени взаимодействие государственной политики и права имеет огромное значение, потому как право может быть справедливым и гуманным, когда оно является обязательным для всех без исключения, то есть как для рядового гражданина, так и для чиновников государственного аппарата. Главное условие успешного демократического развития Российской Федерации — это не только совершенствование законов, но и их соблюдение всеми членами российского общества. А значит, необходимо стремиться к высокоморальной правовой политике» [2].

Понятия морали и права, вопросы их взаимодействия постоянно находятся в фокусе внимания исследователей, юристов, психологов, философов, социологов современности. Кроме того, они интересовали ученых различных времен [3, с. 4]. Однако в современных условиях требуется комплексный анализ российского законодательства и соотношения морали и права в нем. На протяжении длительного периода наше государство пребывает в переходном состоянии, которое усложняется огромным многообразием нравственных взглядов и недостатком ясной идеологии. На наш взгляд, подход к правотворчеству должен быть полным и всеобъемлющим, поэтому проблемы морали и права должны быть исследованы по максимуму [4; 5].

Исторически сформировавшаяся система каких-либо точек зрения, взглядов, принципов, оценок, которые проявляются в осуществляемых людьми действиях и поступках, правил, упорядочивавших отношения людей в социуме, систематически подкрепляются воспитанием, обычаями и силой мнения окружающих людей — все это есть мораль. Так, Ю. А. Агешин связывает термин «мораль» с комплексом норм либо принципов поведения людей, которые «регулируют их взаимоотношения, отношение к обществу, конкретному государству, классу, семье, к родине и т. д.», «поддерживаемых индивидуальной позицией, воспитанием, традицией, мощью мнения общества в целом либо соответствующего класса» [6, с. 24].

Значительно раньше возникла в обществе мораль, нежели право. Только она наравне с традициями фиксировала и управляла взаимоотношениями первобытного общества. Общество развивается, а результатом данного формирования становятся нормы морали. Только интерес общества в упорядочении поведения человечества формирует мораль. Мораль считается наиболее доступным методом понимания и осмысления человеком процессов общественного существования. Важно подчеркнуть, что непосредственно из морали сформировалось право. В связи с этим можно констатировать, что благополучной будет та страна, где право и мораль тесно взаимодействуют друг с другом.

Мораль аналогично праву является системой регулятивной. Она пребывает в устойчивой динамике из-за непрерывного общественного развития. Исторический путь морали следует от равносильного начала «око за око» до неэквивалентного начала смирения и терпимости. В философских источниках нашего времени мораль считается нравственностью, т. е. особым видом общественной мысли и социальных взаимоотношений, основным методом координации поведения человека в социуме.

Вместе с тем не стоит забывать о том, что моральные нормы и устои даже в одном культурном обществе могут значительно отличаться в соответствии с образовавшейся обстановкой. Например, если убийство лица является правонарушением в нормальных условиях, то убийство врага, ворвавшегося с оружием в посторонний дом, считается потребностью и не порицается. Если рассматривать нормы морали у народов с различной культурой, то они могут быть совершенно несовместимы. То, что у одного общества является неправомерным действием, у другого считается почтенным. Кроме того, у разных людей одной культурной среды могут быть разными нормы морали, приоритетные установки и принципы. В данной ситуации решающее значение играют специфичность развития психики каждого человека, его воспитание и жизненный опыт.

Таким образом, можно согласиться с утверждением о том, что критерии социальных устоев, законов, убеждений и представлений отталкиваются от степени добра и зла, справедливости, достоинства и чести. Именно с этих позиций и расцениваются все общественные отношения и поступки людей. Многие исследователи современности сделали вывод о том, что обилие моральных чувств, ощущаемых различными людьми, разнообразие ценностей и принципов нельзя объединить в общую господствующую догму. Право возникает из общественных норм примитивного общества и формируется из традиционных устоев, обычаев, которые, модифицируясь, адаптируются к новым общественным обстоятельствам и современным отношениям, образованным на базе частной собственности и классовом делении общества.

Сегодня практически всегда любой человек слышит и применяет термин «право». Одни четко осознают сущность данного слова, иные понимают право лишь как соответствующие привилегии и возможности, несмотря на то, что право подразумевает под собой как права, так и обязанности. Вместе с тем определение права еще более неоднозначно. До сих пор проводятся дискуссии о смысле слова, его представлении в обществе, но по-прежнему отсутствует общая трактовка права. Русский ученый Л. И. Спиридонов полагает, что данная проблема когда-нибудь, возможно, будет решена посредством формальной логики [7, с. 42]. Существует большое количество дефиниций права, как и концепций о его образовании. Удивительно, но у правоведов современности отсутствует общее представление о том, что такое право [8, с. 87]. Несмотря на различия в понятиях и целях морали и права, они соприкасаются и взаимодействуют. Отметим общую черту этих социальных явлений: они представляют собой элемент общественной культуры и являются регуляторами человеческого поведения [9, с. 32].

Суть морали познается из анализа ее исторически сложившихся функций. Большая часть функций морали соотносится в определенной степени друг с другом [10]. К примеру, ориентирующая и оценочная функции считаются элементами регулятивной функции, а воспитательная функция содержит в себе мотивационную и оценочную. Среди функций морали оценочно-императивная относится к специфичной. Именно эта функция отделяет нравственное упорядочивание от любого другого. Мораль относится к оценочно-императивному методу постижения человеком реальности, который проявляется в фор-

ме разделения находящихся вокруг явлений на «хорошее» и «плохое», т. е. на «добро» и «зло» [11, с. 56].

Познавательная функция нравственности зависит от регулятивной функции поведения индивидуума. Изучаемая функция морали не тождественна с научным знанием, потому что служит для индивидуума ориентиром в культурных ценностях окружающей действительности, а не средством обеспечения для человека не элементарного познания объектов. Мораль также подразумевает под собой особенный тип человеческого общения, содержащий ценностную позицию в отношении себя, социального мира и окружения. Нравственное общение людей расширяет жизненный опыт каждого человека путем морального исследования других людей. Без эмоционально-нравственных аспектов человеческое общение было бы ущербным. Общество устремляется к благам и пытается идти на пути к добру, что является сутью морали. На пути данного стремления воплощаются функции морали, к главным из которых относятся познавательная, регулятивная и воспитательная.

Регулятивная означает, что мораль управляет поведением людей. Дело не в том, что одни люди осуществляют контроль над другими, а в том, что любой индивидуум самостоятельно строит собственную жизненную позицию, опираясь на моральные ценности. Тем самым подразумевается саморегулирование личности и общественной сферы. Познавательная функция состоит в том, что мораль будто смотрит на мир через особую параллель и закрепляет воспринятое в виде добра и зла. Это не научное исследование мира, а стремление понять суть явлений. Такое познание для людей необходимо, как доказывает история, за все время которой общество постоянно занимается поиском данного познания. Мораль позволяет познать людские судьбы не в роли закона природы, а как регулятивную мысль, на базе которой можно создавать собственное жизненное поведение.

Воспитательная функция морали во все времена было основой основ. Мораль развивает умение следовать идеалам. Если человек способен к самоопределению, то он может управлять собственным поведением, а также самосовершенствоваться. Преимущества нравственного и воспитанного человека заключаются в его способности действовать разумно, принимая во внимание ценностные представления. Необходимо отметить, что акцент в рамках нашей статьи на конкретных функциях морали относителен, поскольку в действительности они взаимосвязаны друг с другом. Только в единстве, в согласовании функций и состоит особенность ее воздействия на человека.

В функциях отражена классовая и общечеловеческая природа права, его общественная роль. Право относится к продукту формирования общества и на него же оказывает встречное влияние, которое возникает вследствие осуществления правом собственных функций. Разнообразие форм воздействия права на человеческие взаимоотношения предопределяют существующие у него функции. Функция права как определение содержит и миссию права, и образованные от этого направленность его воздействия на человеческие взаимоотношения. Иными словами, функция права представляет собой осуществление общественного назначения права.

К ведущей функции права относится регулятивная. Ее основное социальное предназначение состоит в управлении человеческими отношениями. Определение правил поведения, создание социальных взаимоотношений — вот в чем находит отражение специфика регулятивной функции. Рассматриваемая функция разделяется на две: динамическую и статическую. Динамическая функция выражается в воздействии права на взаимоотношения людей путем проведения их динамики, т. е. движения. Данная функция реализуется в институтах администра-

тивного, гражданского права. Статическая функция состоит в том, что отношения людей фиксируются в разных институтах права. Такая функция проявляется, к примеру, в институтах права собственности.

Есть еще одна немаловажная функция — правоохранительная, потребность в которой неоспорима. Защитная функция вызвана общественным предназначением, нацеленным на охрану наиболее ценного социального взаимодействия и ликвидацию недопустимых для общества отношений. Защита одних и выживание других общественных связей, а не только искоренение неположных социумом отношений, как полагают некоторые исследователи [11, с. 57]. Предотвращение непозволительных общественных явлений — это, видимо, в данном случае вторично. Главная цель правоохранительной функции — предупредительная защита взаимоотношений людей и устранение патологий норм права.

Можно заключить, что функции права делятся на регулятивную динамическую, регулятивную статическую и правоохранительную. Перечисленные функции считаются лишь сторонами регулятивной функции права, а сущность последней состоит в регулировании отношений между людьми. Итак, право и мораль имеют общие социально-политические и идеологические начала, единую цель утверждения и возвышения общечеловеческих ориентиров. Рассматриваемые социальные явления действуют в едином «поле» социальных связей, вследствие чего возникает тесное взаимодействие норм морали и права.

Правовая жизнь в обществе не может развиваться в обход моральных категорий гуманизма, справедливости, чести и достоинства, ответственности и свободы. Об этом свидетельствует моральная ценность права, так как нравственные принципы и идеалы включены в реальные правовые отношения. Общую цель правовых и нравственных норм характеризует воздействие на поведение людей. Однако, выступая социальными регуляторами, мораль и право, естественно, сталкиваются с проблемами свободы индивида и его ответственности за собственные действия.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 15 января.
3. Лобзов К. М. «Личность» как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 3–6.
4. Кокурина О. Ю. Формирование наградного права как комплексного правового института Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 3–9.
5. Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. *Philosophia moralis* / сост., автор вступ. статьи и ком. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 734 с.
6. Фатхутдинова А. М. Исторические и современные аспекты формирования морали и права // Современный юрист. 2016. № 2. С. 21–33.
7. Филимонова И. В., Беденков В. В. Проблема повышения уровня правовой культуры молодежи в России // Современный юрист. 2016. № 2. С. 33–51.
8. Воскресенская Е. В. Корпоративное право России и Германии: сравнительно-правовое исследование. СПб.: Астерион, 2010. 124 с.

9. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.
10. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2010. 510 с.
11. *Баранов П. П., Овчинников А. И.* Политические ценности и интересы в конституционно-правовом мышлении, толковании и применении // Юридический мир. 2016. № 12. С. 54–57.

А. В. Полунина

**Конституционно-правовые источники,
регламентирующие защиту прав и свобод человека
и гражданина в сфере миграции в ЕАЭС**

***A. V. Polunina. Constitutional and Legal Sources Regulating the Protection
of Human and Civil Rights and Freedoms in the Field of Migration in the EAEU***

В статье изложены вопросы защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в области миграции в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Подробно рассмотрены проблемы правового регулирования в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина по вопросам миграции государств — членов СНГ и ЕАЭС, а также правовых механизмов защиты прав мигрантов. Автором предложены современные пути решения проблем защиты прав мигрантов в условиях роста населения в процессе глобализации.

Ключевые слова: миграционное законодательство, защита прав и свобод человека и гражданина, правовые основы защиты прав мигрантов, Договор ЕАЭС, Миграционный кодекс.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 462-19-10; e-mail: a.polunina90@mail.ru.

The article covers issues of protection of constitutional rights and freedoms of a person and citizen in the field of migration in the Eurasian economic Union. Special attention is paid to legal acts on the protection of human and citizen rights in the field of migration of the CIS and EAEU member States, as well as legal mechanisms for protecting the rights of migrants. Offers modern solutions to the problems of protecting the rights of migrants in the context of population growth in the process of globalization.

Keywords: migration legislation, protection of rights human and civil rights, legal mechanisms for protecting the rights of migrants, the EAEU Treaty, the Migration code

Contact Details: 190103, Saint-Petersburg, LermontovskyAve., 44, lit. A, Russia; (812) 462-19-10; e-mail: a.polunina90@mail.ru.

На современном этапе постсоветской интеграции важное значение имеет появление 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) — международной правосубъектной организации, образованной на основе региональной экономической интеграции государств-членов, входящих в ее состав. Социально-экономические показатели на территории государств постсоветского пространства различаются, что способствует перемещению трудовых ресурсов из более бедных регионов в более благоприятные.

Единое экономическое пространство в рамках ЕАЭС предполагает свободное движение рабочей силы внутри Союза. Вместе с тем возникает ряд вопросов правотворческого характера:

- легитимное основание нахождения прибывших мигрантов на территории страны-приема;
- порядок организации труда и занятости мигрантов;

Анастасия Викторовна Полунина — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Полунина А. В., 2020

- предоставление основных социальных льгот (медицинской помощи, помощи незащищенной категории мигрантов — беременным женщинам, несовершеннолетним детям, инвалидам) прибывшим мигрантам;
- приоритет легитимной миграции.

Права и свободы человека и гражданина следует рассматривать как совокупную сложно составленную правовую категорию, представляющую собой меру возможного поведения участников правоотношений (граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства), пределы реализации которой находятся в установленных законом юридических границах, отражающую законные интересы указанных субъектов [1, с. 100].

Исторический процесс регулирования защиты основных прав и свобод мигрантов на законодательном уровне формировался последовательно. В различные периоды под эгидой региональных объединений действующими государствами — членами ЕАЭС заключались двусторонние и многосторонние договоры. Разнообразный подход данных актов в сопоставлении прав и обязанностей мигрантов являлся причиной некоторой несогласованности при определении статуса мигрантов в ЕАЭС.

Содружество независимых государств (далее — СНГ) 15 апреля 1994 г. подписало Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции социальной защиты трудящихся-мигрантов (далее — Соглашение 1994 г.). Обязательства по соблюдению требований Соглашения 1994 г. распространяются на все государства — члены ЕАЭС: с 1995 г. — на Казахстан, Киргизию, Россию; с 1996 г. — на Армению; с 1997 г. — на Беларусь. Данный нормативный акт указывает на способы устранения коллизионных проблем, затрагивает такие составляющие социального аспекта, как предоставление медицинской помощи работникам, организация благоприятных условий труда, пенсионное регулирование на территории принимающей стороны.

Момент принятия Рекомендательного законодательного акта «Миграция трудовых ресурсов в странах СНГ» 1995 г. сопряжен с определенным увеличением прав трудящихся-мигрантов и одновременно с конкретизацией критериев ограничения прав. Соответствующие ограничения являются следствием положений уровня развития национального рынка труда, а также способствуют поддержанию санитарно-эпидемиологического благополучия государства и обеспечения национальной безопасности в целом. Указанные положения документа направлены на формирование общей площадки по принятию межгосударственных правовых актов с целью предоставления гарантий прав и свобод трудящимся-мигрантам, гармонизации национальных законодательств государств — членов СНГ. Однако актуальность этих документов — под вопросом ввиду отсутствия финансового подкрепления основных мероприятий в вопросах трудовой миграции, а также отсутствия тенденции к унификации национальных законодательств государств — членов СНГ.

2010 год ознаменован попыткой конкретизации вопросов относительно сферы труда мигрантов и единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС). Вместе с тем Россией, Беларуссией и Казахстаном было подписано Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, согласно которому впервые на территории постсоветского пространства для граждан государств Сообщества легализовано трудоустройство, вопреки ограничениям, связанным с защитой интересов национальных рынков труда. Исключения допускались только в целях обеспечения национальной безопасности в таких отраслях, как общественный порядок, нравственность и здоровье населения, экономическая безопасность. Документ

прекратил существование в связи с подписанием 29 мая 2014 г. Договора о создании ЕАЭС (далее — Договор ЕАЭС, Союзный Договор).

Основополагающая роль в организации миграционных процессов на современном этапе отводится региональному интеграционному объединению — Евразийскому экономическому союзу. Подготовка и создание новой правовой базы потребовали колоссальных ресурсов со стороны видных ученых-правоведов, политиков. Вместе с тем утратили силу значительное число нормативных актов ЕврАзЭС. Формат учредительного договора — главное отличие норм ЕАЭС от нормативных правовых актов ЕврАзЭС, определяющих правовой статус мигрантов. Приоритет правовых актов ЕАЭС, заключенных в рамках Союза, а также подписанных Союзом с третьей стороной, перед нормами иных международных договоров в случае их противоречия закрепляется в ст. 6 Договора ЕАЭС.

В правовой регламентации ЕврАзЭС, а также Союзном Договоре отсутствует упоминание об апатридах, т. е. определенной категории правового положения граждан, не имеющих официально подтвержденной принадлежности к какому-либо государству. В правовом поле ЕврАзЭС и ЕАЭС статус мигранта рассматривается с позиции его гражданской принадлежности определенному государству. Однако правовая сфера Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств 2010 г. затрагивает указанную категорию субъектов, трактуя при этом в юридическом обороте термин «нелегальная трудовая миграция». Соответственно, представляется важным устранить указанную коллизию. В процессе совершенствования законодательной базы ЕАЭС целесообразно закрепить понятие «трудоустроенный-мигрант».

Понятие легитимного пребывания граждан на территории государства применяется всеми международными актами и конституциями государств с республиканской формой правления. Исключение составляют положения Международной конвенции о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, которая принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г. (далее — Конвенция 1990 г.). Указанная Конвенция 1990 г. конкретизирует порядок пребывания нелегальных мигрантов, в частности, рассматривается институт соблюдения разрешения мигранту пребывания в правовом поле принимающего государства.

Законодательные базы Договора ЕАЭС, а также утратившего силу Соглашения ЕврАзЭС определяют сферу влияния на легитимно пребывающих граждан в государствах-членах приема данных граждан. Примечательно, что раздел 26 Договора ЕАЭС распространяет влияние только в отношении граждан государств — членов ЕАЭС, прибывших с целью реализации трудовой деятельности. Правовой статус указанные граждане получают лишь на срок действия трудового договора, заключенного на условиях принимающей стороны. Договор ЕАЭС оценивается специалистами как системообразующий, обладающий высшей юридической силой [2, с. 105]. Указанная оценка и сложившаяся практика применения документа служит гарантом жизнеспособности норм Союзного Договора уже более пяти лет.

Однако дифференцированная составляющая правовой базы ЕАЭС в ряде вопросов вызывает коллизии. Например, определенный дисбаланс привносит отсутствие регулирования на соответствующем уровне пунктов мероприятий, затрагивающих вопросы режима рабочего времени, уровня заработной платы, а также регламента отдыха. Данные привилегии Армения, Казахстан и Киргизия предоставляют прибывшим мигрантам в значительно уменьшенном виде. Напротив, Белоруссия и Россия в большей степени уравнили трудящихся-мигрантов в правах по названным вопросам. В связи с тем, что вектор целенаправленности ЕАЭС направлен на процесс унификации законодательств государств — членов

Союза, вопросы правового регулирования конституционных прав и свобод трудящихся-мигрантов должны определяться единообразно.

В современных условиях региональной интеграции для успешного функционирования института управления миграционными процессами на территории постсоветского пространства требуется создание стойкого правового фундамента, целью которого представляется адекватное реагирование на изменяющиеся тенденции в социально-экономической и иных сферах общества. Рассмотрение основных положений Миграционного кодекса Евразийского экономического союза с целью дальнейшего его принятия является актуальной темой в научных кругах на современном этапе развития отношений, связанных с миграцией.

Перспектива использования модельного Миграционного кодекса, разрабатываемого в рамках осуществления деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, может представляться в качестве ориентира для систематизации миграционного законодательства и принятия, достижения определенной унификации правового регулирования миграционных процессов [3, с. 125; 4, с. 230]. Важным аспектом представляется конкретизация регулирования обязательств по имплементации положений Договора ЕАЭС во внутреннее законодательство государств — членов Союза.

Необходимо проработать меры ответственности за невыполнение указанных обязательств, а также организовать систему контроля над выполнением принятых обязательств. В случае отсутствия указанного подхода терминология единства и согласованности правового пространства интеграционного объединения повлечет неоднозначный смысл. Ввиду сходства правовых систем, общности традиций государств постсоветского пространства решение поставленных задач представляется возможным при наличии политической воли интегрировавших в ЕАЭС государств.

Литература

1. *Воскресенская Е. В., Рукавицын С. А.* Осуществление Конституционным Судом Российской Федерации защиты прав и свобод человека // Правозащитная деятельность в современной России: сборник науч. трудов III Междунар.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 98–102.
2. *Капустин А. Я.* Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.
3. *Константинов А. В., Дульнев М. В.* Миграционный кодекс Российской Федерации как результат систематизации миграционного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 124–127.
4. Научные исследования в сфере педагогики и психологии: конвергенция и генезис знаний: монография / под ред. О. А. Подкопаева, С. В. Юртаева. Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2018. 299 с.

А. В. Хромов

Об использовании беспилотных летательных аппаратов в деятельности добровольной народной дружины

A. V. Khromov. On the Use of Unmanned Aerial Vehicles by Voluntary National Squads

В статье рассмотрена возможность использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности добровольной народной дружины во время охраны общественного порядка в Российской Федерации, а также выявления нарушений и передачи полученных с помощью беспилотных летательных аппаратов доказательств. Поскольку административно-правовых норм при использовании беспилотных летательных аппаратов народной дружиной во время охраны общественного порядка в России не обнаружено, следовательно, по мнению автора, необходимо дополнить нормы гражданского законодательства правом применения технических средств народными дружинниками для охраны общественного порядка. Автор полагает, что использование таких средств, как беспилотный летательный аппарат, было бы оправдано, особенно при проведении массовых мероприятий для обеспечения безопасности. Согласно авторской позиции, актуальной задачей при разработке норм правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов народной дружиной является установление баланса в административно-правовом регулировании применения беспилотных летательных аппаратов с целью оптимального компромисса между соблюдением конституционных прав граждан на тайну личной жизни и государственной обязанности охраны общественного порядка.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, беспилотное воздушное судно, правовое регулирование, общественные объединения, народная дружина, безопасность, общественный порядок.

In the article, the author considered the possibility of using unmanned aerial vehicles in the activities of a voluntary people's squad during the protection of public order in the Russian Federation, the possibility of identifying violations and transmitting evidence obtained using unmanned aerial vehicles. The author found that the administrative-legal norms for the use of unmanned aerial vehicles by the people's squad during the protection of public order in the Russian Federation have not been established, and therefore, in the opinion of the author, it is necessary to supplement the norms of civil law with the right to use technical equipment by people's squads to protect public order. The author believes that the use of such means as an unmanned aerial vehicle would be justified, especially during mass events to ensure safety. The author believes that the urgent task in developing the legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles by the national squad is to establish a balance in the administrative legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles in order to optimally compromise the observance of the constitutional rights of citizens to privacy and public duty to protect public order.

Keywords: unmanned aerial vehicle, unmanned aerial vehicle, legal regulation, public associations, national team, security, public order.

Александр Владимирович Хромов — аспирант кафедры административного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Хромов А. В., 2020

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 714-16-35; e-mail: a_hromov@mail.ru.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 714-16-35; e-mail: a_hromov@mail.ru.

Рассмотрение и изучение деятельности правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов в последнее время приобрело особую актуальность и вызвало большую популярность в научном мире.

В работах А. А. Кежова, Ю. А. Грачёва, И. В. Степанова, С. Н. Котарева, О. В. Котаревой, А. Н. Александрова исследуются вопросы применения беспилотных летательных аппаратов, организационно-правового обеспечения беспилотных комплексов в системе МВД, а также для обеспечения безопасности на объектах транспорта и другие. При этом установлено, что изучению административно-правовых норм в процессе использования беспилотных летательных аппаратов народной дружиной во время охраны общественного порядка в России не посвящено ни одной работы. Полагаем, что данная тема — новое направление в деятельности не только народных дружин, но правоохранительных, иных исполнительных органов, отвечающих за общественную безопасность в разных ее направлениях. Из изложенного следует, что актуальность рассматриваемой темы подтверждается ее новизной и необходимостью исследования с целью дальнейшего определения перспективного направления использования беспилотных летательных аппаратов в целях общественной безопасности.

Общественный порядок — явление сложное и многогранное. Легального термина «общественный порядок» в настоящее время не установлено законодателем. Под органами охраны общественного порядка, как правило, понимаются правоохранительные органы — органы полиции. Однако в ч. 1 ст. 132 Конституции РФ [1] не говорится ничего об иных организациях и правоохранительных органах (органах муниципальной милиции или полиции), имеющих право осуществлять деятельность по охране общественного порядка. Вместе с тем законодателем предусмотрены полномочия общественных организаций в содействии правоохранительным органам в охране общественного порядка.

Общественные объединения, к которым относятся и народные дружины, в решении сложных социальных вопросов работают активнее, решая проблемы граждан и оказывая поддержку в тех отраслях, где сегодня государственные институты работают не всегда неэффективно, поскольку общественные организации ориентированы на охранную деятельность общественного порядка и деятельность, направленную на поддержку интересов общества. Деятельность народной дружины как общественной организации регулируется законодательством об общественных объединениях и специальными нормами Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее — Закон № 44-ФЗ) [2], в котором определен правовой статус народных дружинников, т. е. их права, обязанности и гарантии. Деятельность народных дружин строго регламентирована и не может выходить за установленные законодательством рамки. Она предполагает содействие правоохранительным органам в охране общественного порядка, разъяснительную общественную работу, участие в предупреждении и пресечении правонарушений. Ведение деятельности ограничено местом создания народной дружины.

Права народных дружинников, регламентированные ст. 17 Закона № 44-ФЗ, не являются исчерпывающими и содержат указание на возможность реализации прав, предусмотренных другими федеральными законами. Однако в ходе анализа действующего законодательства нами не обнаружено иных норм, регулирующих права народных дружинников, в том числе на использование в их деятельности

беспилотных летательных аппаратов. В связи с этим необходимо установить возможность их применения общественными организациями, в частности народной дружиной.

Отметим, что все полеты любых технических средств отнесены к деятельности по использованию воздушного пространства с соблюдением правил его использования, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 [3]. Любые организации и физические лица обязаны соблюдать правила и процедуры, установленные воздушным законодательством РФ в сфере использования воздушного пространства. Кроме того, из Федеральных правил использования воздушного пространства РФ понятие «беспилотный летательный аппарат» заменено понятием «визуальный полет беспилотного воздушного судна».

В указанных правилах установлены исключения, которыми разрешается использовать воздушное пространство при выполнении визуальных полетов беспилотных воздушных судов с максимальной взлетной массой до 30 кг в светлое время суток на высотах менее 150 метров без разрешения при выполнении определенных условий. Легальное определение беспилотного летательного аппарата содержится в Воздушном кодексе РФ [4]. Законодатель в п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ указывает, что под беспилотным воздушным судном необходимо понимать воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). Беспилотные летательные аппараты способны осуществлять наблюдение с воздуха без нахождения пилота на борту и передавать информацию в режиме реального времени оператору, осуществляющему управление летательным аппаратом.

В последнее время вопросам применения беспилотного воздушного судна уделяется пристальное внимание, и не только в научном мире, но и со стороны государства, в частности законодателя. Так, 27 сентября 2019 г. вступили в силу нормы, необходимость которых предусмотрена Воздушным кодексом РФ с 2016 г., Правилами учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 кг до 30 кг, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 6588.

Нельзя не обратить внимание на письмо Министерства транспорта РФ и Федерального агентства воздушного транспорта от 1 октября 2019 г. № Иسخ-5612/02-0Г «Об учете беспилотных воздушных судов» [5] о наступлении юридической ответственности за непостановку (несвоевременную постановку) на учет беспилотного воздушного судна. Кроме того, уместно указать на административную ответственность, предусмотренную за несанкционированное использование воздушного пространства.

Таким образом, использование беспилотных воздушных судов строго регламентируется действующим законодательством, прежде всего по причине возможности их применения для противоправных акций самого разного характера, составляющих угрозу общественной безопасности (от неумышленных и элементарно хулиганских до террористических или диверсионных). Важно понимать, что использование и постоянная эксплуатация подобного оборудования возможны только при наличии компетенций и с ведома государственных правоохранительных органов. Из этого следует, что самостоятельно народной дружине как общественной организации необходимо пройти процедуры регистрации беспилотных средств и процедуры использования воздушного пространства, что не входит в их полномочия ввиду установленных законодателем норм.

Считаем, что необходимо подойти к рассмотрению вопроса применения беспилотных воздушных судов народными дружинниками со стороны сотрудничества

с правоохранительными органами, что прямо установлено в ст. 17 Закона № 44-ФЗ. Так, ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [6] предусмотрено, что полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, полагаем, и беспилотных воздушных судов. Использование летательных аппаратов предполагает соответствующую подготовку обеспечения безопасности полетов и подготовку сотрудников данных подразделений по ее эксплуатации, после проведения которой сотрудники правоохранительных органов успешно применяют беспилотные летательные аппараты в целях обеспечения безопасности массовых мероприятий. Из этого следует, что законодатель предусмотрел использование технических средств только правоохранительными органами. Соответственно, подчеркивается существенное различие, установленное законодателем, между объединением правоохранительной направленности и народной дружиной.

В Законе «О полиции» закреплён принцип поддержки и социального взаимодействия граждан с правоохранительными органами, взят курс «на сближение, консолидацию органов полиции с общественными структурами». Основные принципы добровольности, законности правового взаимодействия с полицией содержатся в Приказе МВД России от 21 июля 2014 г. № 597 «Вопросы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и народных дружин» [7]. Принцип права каждого гражданина на защиту от противоправных посягательств, недопустимости подмены полномочий в структурах правоохранительных органов отражён в Приказе МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 «О порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности» [8]. В Законе № 44-ФЗ установлено, что народная дружина является внештатным сотрудничеством и формой участия граждан в деятельности по охране правопорядка при тесном содействии правоохранительных органов. Народные дружины и иные общественные объединения внесли большой вклад в процесс поиска лиц, сбежавших из дома, пропавших без вести, а также поиска несовершеннолетних лиц, занимающихся бродяжничеством.

В научной литературе отмечается, что, несмотря на то, что в последние годы в России успешно развиваются различные виды молодежной волонтерской деятельности, именно вовлечение молодежи в процесс обеспечения и поддержания общественного порядка — важнейшая воспитательная мера, позволяющая одновременно добиться сокращения числа правонарушений в молодежной среде, снижения кривой преступности в целом и преодоления такого негативного явления, как правовой нигилизм, получившего в нашем обществе широкое распространение [9, с. 93]. Согласно позиции исследователей, для достижения указанной цели следует организовать специальные курсы, на которых курсанты будут проходить теоретическую и практическую программу обучения, в том числе использования беспилотных воздушных судов. С этим вполне можно согласиться, дополнив их дисциплиной при обучении управлением беспилотными воздушными судами.

В результате освоения программы народный дружинник должен:

1. Знать способы управления и органы управления современных беспилотных воздушных судов, использующих аэродинамический принцип полета.
2. Уметь работать с современными системами подготовки полетного задания.
3. Уметь пилотировать аппарат в автоматическом, полуавтоматическом и ручном режимах.
4. Уметь осуществлять предполетную подготовку.
5. Уметь осуществлять послеполетное обслуживание.
6. Знать нормативные акты, регулирующие использование беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве.

7. Знать устройство основных узлов и агрегатов современных беспилотных воздушных судов, использующих аэродинамический принцип полета.
8. Знать допустимые метеорологические условия для применения беспилотных воздушных судов.
9. Уметь оформлять документацию для получения разрешения на вылет учета выполненных полетов.
10. Знать последовательность действий при нештатных ситуациях.

В результате подготовки народный дружинник совместно с сотрудниками правоохранительных органов может выполнять свои непосредственные функции в обеспечении содействия правоохранительным органам в охране общественного порядка.

В заключение резюмируем, что беспилотный летательный аппарат — это воздушное судно, на использование которого распространяются соответствующие авиационные правила, установленные нормативными правовыми актами, кроме упомянутых ранее Правил использования воздушного пространства РФ, Воздушного кодекса РФ, где дано легальное понятие беспилотного воздушного судна, и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих радионавигацию. Использование и постоянная эксплуатация подобного оборудования возможны только при наличии компетенций и с ведома государственных правоохранительных органов. С учетом этого народная дружина, руководствуясь ст. 17 Закона № 44-ФЗ, может применять беспилотные воздушные суда в рамках сотрудничества и совместной деятельности с сотрудниками правоохранительных органов.

Нормативно-правовая база, которая в полной мере регламентировала бы использование беспилотного летательного аппарата, находится пока в процессе создания. Для урегулирования их полномочий считаем необходимым дополнить п. 2 ст. 17 Закона № 44-ФЗ и изложить ее в следующей редакции: «Принимать меры по охране места происшествия, в том числе с использованием технических средств, а также по обеспечению сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения с последующей передачей их сотрудникам полиции». В результате такого дополнения переданная информация, полученная с помощью беспилотных воздушных судов, может быть использована в качестве доказательств совершения правонарушения, что будет способствовать улучшению общественного порядка. Однако необходимо учитывать интересы простых граждан и их права на неприкосновенность личной жизни. Полагаем, что нормы ответственности народных дружинников, установленные в ст. 20 Закона № 44-ФЗ, будут являться гарантией соблюдения таких прав.

Беспилотные воздушные суда — незаменимые технические средства во многих чрезвычайных ситуациях, при проведении массовых мероприятий. В связи с этим, на наш взгляд, их использование в целях охраны общественного порядка, в том числе народными дружинниками, оправдано.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об участии граждан в охране общественного порядка: федер. закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.) // Российская газета. 2014. 4 апреля.
3. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 13 июня 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1649.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

5. Об учете беспилотных воздушных судов: письмо Министерства транспорта РФ и Федерального агентства воздушного транспорта от 1 октября 2019 г. № Исх-5612/02-ОГ // Справочно-правовая система «Гарант».
6. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) // Российская газета. 2011. 10 февраля.
7. Вопросы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и народных дружин: приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 597 // Справочно-правовая система «Гарант».
8. О порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности: приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 // Справочно-правовая система «Гарант».
9. Федоров А. В., Працко Г. С., Валуйскова Е. Р. Правовой порядок организации деятельности добровольной народной дружины и участия молодежи в охране общественного порядка // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 92–95.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки РФ
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

Подписка во всех отделениях связи.

Индекс в каталоге агентства «Роспечать» — 80406

Индекс в каталоге «Пресса России» — Ф80406

Индекс в каталоге ООО «Информнаука» — 43108

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 448–82–50, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Ученые записки Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Начальник издательства СПбУТУиЭ *О. В. Ярцева*
Выпускающий редактор *В. В. Салина*
Корректор *Е. С. Чулкова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Шмелёв*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Подписано в печать 27.03.2020.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,54. Усл. печ. л. 13,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 85.

Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП»
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21